

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XXX международной научно-практической конференции*

№ 10 (30)
Ноябрь 2013 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2013

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Кирпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко.

Редакционная коллегия:

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала Российского государственного торгово-экономического университета;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета.

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. № 10 (30): сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 148 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
ЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ Савойская Светлана Васильевна	6
ИДЕОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕ МОДЕРНА: ГЕНЕЗИС, НАЗНАЧЕНИЕ, ЛОГИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ Трунов Анатолий Анатольевич	11
1.2. Политика в России	22
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Громцев Олег Владимирович	22
1.3. Мировая политика	30
ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ НИКОЛЯ САРКОЗИ Мудрицкая Карина Александровна	30
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТИ И НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В ЮЖНОЙ АЗИИ Яковлев Александр Юрьевич Яковлев Пётр Юрьевич	41
1.4. Политический менеджмент	47
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНДИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ) Бебрис Александр Олегович	47
Секция 2. Социология	52
2.1. Социология организации	52
РОЛЬ ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ В ДОСУГЕ ЛЮДЕЙ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА Ахалина Оксана Викторовна Белошарпа Геннадий Иванович	52

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ Белова Надежда Юрьевна	56
Секция 3. Философия	64
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	64
УНИВЕРСАЛИИ «ВИНА» И «СТЫД» В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ Данилова Юлиана Николаевна	64
О СУЩНОСТНОМ СВОЕОБРАЗИИ ФИЛОСОФИИ Михайлов Михаил Иванович	73
3.2. Социальная философия	79
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ Агеева Наталия Алексеевна	79
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КАРОЛЯ ВОЙТЫЛЫ Никифоров Алексей Юрьевич	83
ПЕЧАТНОЕ СЛОВО И ПРИНЦИП ЛИНЕЙНОСТИ В МЫШЛЕНИИ (ПО РАБОТАМ М. МАКЛЮЭНА) Потапова Наталья Андреевна Юровских Наталья Геннадьевна	88
3.3. История философии	94
ДЕТЕРМИНИЗМ И ИНДЕТЕРМИНИЗМ В ПОНИМАНИИ СВОБОДЫ ВОЛИ (ПО РАБОТЕ Н.О. ЛОССКОГО «СВОБОДА ВОЛИ») Дзема Алексей Игоревич	94
ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ У Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО Шульгина Лилия Александровна	99

Секция 4. История	104
4.1. История России	104
ПРЕДМЕТНЫЕ РУБРИКИ, КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ «УКРАИНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» ЗА 1991—2011 ГГ. Тенетко Ирина Федоровна Гайдай Ольга Михайловна	104
4.2. Всемирная история	114
К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ ПОЛЕВЫХ СРАЖЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ДРЕВНИХ АССИРИЙЦЕВ Мочалов Михаил Юрьевич	114
4.3. История науки и техники	127
ИСТОРИЯ ФИЗИОЛОГИИ РАСТЕНИЙ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИНАХ. ВОДНАЯ ТЕОРИЯ ПИТАНИЯ Барштейн Виктор Юрьевич	127
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	133
ОБ ОДНОЙ НАДПИСИ НА МЕЧЕТИ, ПОСТРОЕННОЙ В XIV ВЕКЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ Гулузаде Афаг Али кызы	133

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Савойская Светлана Васильевна

*д-р наук в отрасли политологии, канд. ист. наук,
доцент кафедры политических наук Киевского национального
университета строительства и архитектуры,
г. Киев*

E-mail: savojska.svitlana@yandex.ua

LANGUAGE COMMUNICATIVE POLITICS OF CENTRAL AND LOCAL PUBLIC AUTHORITIES

Svetlana Savojskaja

*PhD in the field of political science, Candidate of historical sciences,
professor Department of Political Science
Kyiv National University Construction and Architecture,
Kiev*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается языковая коммуникативная политика центральной и местной власти, эффективность действия которой зависит от формы государственного управления и взаимопонимания между органами власти. Важную роль во взаимодействии центральной и местной власти играет коммуникативный подход, когда он используется при решении важных проблем, в том числе

и языковых. Рассмотрено особенности взаимодействия центральных и местных органов власти в условиях расколотого полиэтничного общества. Чтобы языковая коммуникативная политика была эффективной, власть должна поддерживать диалог с политическими оппонентами и со всем обществом.

ABSTRACT

We consider the language communication policy of the central and local authorities, which depends on the mutual understanding between them and the form of government. An important role in the interaction of the central and local government plays a communicative approach especially when it is used in solving language problems. Consider the features of the interaction of central and local government in a divided multi-ethnic society. To linguistic communication policy was EFFICIENCY, the government should maintain a dialogue not only with political opponents, but also with the whole society .

Ключевые слова: Язык; Государство; Коммуникативный; Украина; Политика; Центральный; Местный; Органы; Власть.

Keywords: Language; State; Communicative; Ukraine; Policy; Central; Local; Authorities; Power.

Составной и неотъемлемой частью коммуникативной политики является язык, который находится в основе всех без исключения сфер и отраслей общественно-политической жизни страны. Языковая коммуникативная политика является специфической областью взаимодействия центральных и местных органов власти. В то же время центральные и местные органы власти являются и субъектами, и объектами информации. Языковая коммуникативная политика базируется на основе триады: оповещение-осознание-решение. Очень много зависит от того, какой была информация с самого начала, кем осознана и какое решение принято. Эффективная работа центральной и местной власти в области языковой коммуникативной политики в большей части зависит от их взаимопонимания и взаимоподдержки. Языковая коммуникативная политика отображает интересы разных социально-политических общностей особенно тогда, когда органы власти формируются с полярных политических сил. Важную роль во взаимодействии центральной и местной власти играет коммуникативный подход, который используется при решении региональной языковой политики, которая по отношению к другим регионам не всегда является конструктивной. В обществах, которые расколоты на основе языковой поляризации, национальное единство

является и условием, и заданием модернизации. В работе ставится цель: рассмотреть деятельность центральной и местной власти в области языковой коммуникативной политики.

Отдельные аспекты этой проблемы рассматривали в своих трудах такие учёные, как В. Бебик, Н. Мараховская, А. Караткевич, В. Северинюк, А. Чудинов, О. Шавардова и др. По мнению многих учёных, в основе общественно-политической деятельности находится коммуникация, базисом которой является язык, который является составной частью политической коммуникации, которая используется в качестве пропаганды идей, влияния на граждан и общественного консенсуса. По мнению учёных, использование языка в политической коммуникации имеет свою специфику. Благодаря языку политическая коммуникация становится одной с самых важных факторов консолидации общества, высокого уровня легитимности политических институтов, согласования политических интересов, общественно-политических конфликтов, открытого диалога власти и общества и, как результат, — стабильности политической системы [4, с. 158—160].

Неотъемлемой частью языковой политики является коммуникация, которая в каждой стране имеет свои особенности и по-разному используется. Её эффективность зависит, в первую очередь, от формы государственного управления, а, во-вторых, — языковой политики, национальных традиций, обычаев, толерантности политиков, желания понять друг друга, политической культуры и т. п. Повышение уровня культуры зависит от того, как осуществляется взаимодействие между отдельными компонентами в одной цепи общественно-политических трансформаций: реальное положение вещей — ресурсы — потребности — цель — результат [5, с. 158—160].

В авторитарных обществах языковая политика успешной не бывает, а если и бывает, то временно, потому что в таких обществах отсутствует плюрализм, поэтому формируются конфликты, которые имеют языковую политическую основу. Например, авторитарная языковая политика Молдовы закончилась для неё расколом и образованием сепаратистского образования — Приднестровья, где языковые политические конфликты продолжаются не смотря на то, что в республике функционирует три государственных языка — русский, украинский и молдавский. Языковые политические конфликты подтачивали изнутри и Советский Союз, где национальный вопрос не был решён. Языковые политические проблемы были причиной раскола Грузии. Это может случиться и с Украиной, если язык и дальше будет использоваться в качестве основного коммуникатора во время выборов для завоевания электората и власти.

С этой точки зрения, как справедливо считает Н. Мараховская, язык воспринимается как способ завоевания власти [2].

Негативное влияние на языковую коммуникативную политику государства оказывает трансформация, во время которой происходит «распыление» политической власти, которая разделяется между политическими партиями и другими субъектами гражданского общества. В таком взаимодействии отслеживаются такие аспекты, как познавательный, прогностический, контролирующий, критический, регулирующий, консолидирующий и др. В условиях трансформации возможность возникновения социально-политических конфликтов прогнозируется и определяются способы их разрешения. Для современного общества, которое модернизируется, характерны плюрализм, рационализм, конструктив, диалог и консенсус. Особую роль в поддержании внутренних и внешних отношений играют различные институты — дискуссии, выборы, переговоры, которые используют новые методы коммуникативного влияния, потому что политика — это всегда борьба за власть, в которой победит тот, кто владеет коммуникативным оружием [6].

Таким образом, есть все основания для взаимодействия элементов социально-политической структуры — политических партий, государственных органов, движений и др. Однако необходима система, способная обеспечить это взаимодействие. Это возможно при условии соблюдения плюрализма мнений, отсутствия монополии на истину, заинтересованности в выявлении истины, выработки оптимальных политических и социально-экономических решений, равноправии субъектов системного диалога, компетентности и объективности. Несоблюдение этих норм превращает конструктивный диалог в деструктивный. Этому способствует нетерпимость, личностные особенности участников, эгоизм, амбициозность, отсутствие здравого смысла, непонимание реальных трансформационных процессов, происходящих в переходном обществе. То есть в качестве социально-политической технологии А. Караткевич предлагает системный диалог, который в трансформирующихся переходных обществах способен принести весьма ощутимые и ценные плоды — обеспечить сглаживание поляризации общества, повысить экономическую активность всех участников созидательного процесса и в итоге — устойчивость, как социальную, так и политическую [1, с. 65—67].

Если говорить об Украине, то системный диалог присутствовал в начале 90-х гг., когда трудно, но всё же успешно решались различные вопросы, которые касались образовательной, законодательной, информационной и др. отраслей. При экс-Президенте

Л. Кучме появились языковые политические конфликты, которые имели место в образовательной, информационной, законодательной и др. отраслях. Они базировались чаще всего на законодательной основе, которую составляли языковые политические законопроекты, которые создавали левые и центристская политические силы. Во второй половине 90-х гг. Верховный Совет принял закон — «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Следует отметить, что между первой и второй ратификациями этого документа, по-сути никакой разницы не существует. И первая, и вторая ратификации Хартии защитили русский язык как такой, который как будто бы находится на грани исчезновения. На протяжении 2005—2009 гг. языковые политические конфликты существовали между местной и центральной властью, которые пытались разрешить местные суды, а также Верховный Суд. Всё это заканчивалось ничем, начиналось сначала и продолжалось до 2010 г. В настоящее время между местной (Юг и Восток страны) и центральной властью существует полное взаимопонимание, а также и в языковых политических вопросах, которые раскололи украинское общество за языковым принципом [3, с. 108—114].

Таким образом эффективность взаимодействия между центральными и местными органами власти определяется не только общественно-экономическим развитием страны, но и духовно-культурным, где материальные, духовные и культурные ценности объединяют общество, что нельзя сказать об Украине, которая в настоящее время разделена за языковым принципом. Отсутствие консенсуса между центральными и местными (Центр и Запад страны) элитами угрожает расколом страны, который может иметь культурный, религиозный и политический характер.

Список литературы:

1. Караткевич А. Системный диалог как технология оптимизации политического взаимодействия в переходных обществах // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. — № 2 (28): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 65—67.
2. Мараховская Н. Лингвистическое измерение политической коммуникации [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:litmisto.org.ua/?p=9148 (дата обращения 09. 06. 2012).
3. Савойская С. Языковой, политический и духовный раскол Украины: на примере выборов 2012 // Актуальные проблемы духовности в современном украинском обществе: материалы Всеукраинской студенческой научной конференции. Умань, 11 октября 2012. — С. 108—114. — 137 с.

4. Северинюк В. Политическое поведение как феномен общественной жизни: теоретико-методологические проблемы: Автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23. 00. 01 / Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова. Киев, 2010. — 35 с.
5. Шавардова О. Политическая культура и политическая идеология // Вестник СевДТУ. Вып. 91: Политология: сб. наук. пр. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2008. — С. 158—160.
6. Шавардова О. Политический язык в аспекте политической коммуникации [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/Vsntu/2008_2009/91-SevNTU/91-33.pdf (дата обращения 09. 06. 2012).

ИДЕОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕ МОДЕРНА: ГЕНЕЗИС, НАЗНАЧЕНИЕ, ЛОГИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Трунов Анатолий Анатольевич

*канд. филос. наук, доцент,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
г. Белгород*

E-mail: trunovv2013@yandex.ru

IDEOLOGY IN THE SOCIETY OF MODERN: GENESIS, PURPOSE, LOGIC OF HISTORICAL EVOLUTION

Trunov Anatoly Anatolyevich

*candidate of philosophical sciences, associate professor,
Belgorod cooperative university, economics and law,
Belgorod*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена проблема генезиса и исторической эволюции духовно-политического феномена идеологии в обществе Модерна. Идеология возникает как инструмент обуздания мировоззренческого хаоса в условиях эрозии базовых смыслов, иерархий и институтов традиционного общества. Автор выделяет три

этапа эволюции идеологии в обществе Модерна: теоретический, организационно-практический и культурной гегемонии. Великие идеологии Модерна (национализм, либерализм, консерватизм, марксизм, анархизм, демократический социализм) представляют собой конкурирующие проекты желаемого общества.

ABSTRACT

The article considers the problem of the genesis and historical evolution of the spiritual-political phenomenon ideology in the Modern Society. Ideology appears as a tool to curb the ideological chaos in terms of erosion of the basic meanings, hierarchies and institutions of traditional society. The author distinguishes three stages of the evolution of ideology in the society of Modern: theoretical, organizational, practical and cultural hegemony. Great ideology of Modern (nationalism, liberalism, conservatism, marxism, anarchism, democratic socialism) are competing projects desired society.

Ключевые слова: идеология; общество Модерна; генезис; эволюция; политическая теория; интеллектуальный дискурс; философия практики; организационный актив; культурная гегемония; образ желаемого будущего.

Keywords: ideology; Modern Society; genesis; evolution; political theory; intellectual discourse; philosophy practices; organizational asset; cultural hegemony; the image of a desired future.

Актуальность заявленной темы во многом определяется объективной необходимостью глубокого и всестороннего изучения идеологии. Проблема заключается в том, что данный духовно-политический феномен до сих пор недостаточно хорошо исследован.

С одной стороны, к выявлению сущности идеологии обращались многие политики, философы и учёные-обществоведы. С другой стороны, найдётся совсем не много таких духовно-политических феноменов, которые, подобно идеологии, уже с самого момента своего возникновения вызывали бы столь настороженное и противоречивое к себе отношение.

По грустной иронии истории, констатирует известный американский антрополог и методолог науки К. Гирц, понятие «идеологии» само стало весьма идеологизированным [1, с. 225]. Дело обстоит так, аргументирует далее свою позицию К. Гирц, что в наши дни практически везде распространена весьма тенденциозная интерпретация: «У меня — социальная философия; у вас — политические взгляды; у него — идеология» [1, с. 226].

Указанные обстоятельства действительно существенно затрудняют процесс научного осмысления идеологии. В то же время попытки исследовать этот духовно-политический феномен с рационально-нейтральных позиций особым успехом не увенчались. И это инициирует необходимость разработки более адекватной методологии научного поиска, позволяющей лучше понять генезис, назначение и историческую эволюцию идеологии в обществе Модерна. Одно из возможных решений этой задачи предлагается автором данной статьи.

Разнообразные научные и философские подходы к идеологии, представленные в классических текстах ведущих мыслителей XVII — начала XX в. (Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Д. Толанда, Д. Гартли, Дж. Пристли, Э. Бёрка, Ш.Л. Монтескьё, К.А. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, А.-Л.-К. Дестюта де Траси, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Ницше, Ж. Сореля), были обусловлены доминированием той или иной грани актуализации теоретической мысли во всём её блеске и великолепии [5].

Несмотря на очевидные и закономерные различия этих подходов, можно сравнительно легко обнаружить практически общепринятую точку зрения на идеологию как на духовно-политический феномен, вызванный к жизни процессами становления и институционального оформления общества Модерна. Идеология — это определённая система идей, ценностей, принципов и взглядов, отражающих в рациональной (теоретической) форме предметное отношение людей к окружающей действительности и друг к другу, служащих артикуляции того или иного образа желаемого общества [5, с. 124]. Или, как полагает политолог Д. Шварцмантель, идеология — это необходимый элемент такого общества, которое «стремится побудить людей к действию или стимулировать обсуждение альтернативных путей его организации» [7, с. 54].

Согласно концепции британского политолога К. Флада, каждая идеология по-своему объясняет человеческую природу и, исходя из этого, раскрывает и оценивает существующее общественное устройство, «соотнося его с собственными воззрениями на то, каким мир должен быть» [6, с. 20]. Став феноменом общественного сознания, идеология предоставляет в распоряжение людей своего рода когнитивную карту, позволяющую им ориентироваться в политической реальности, понимать её и интерпретировать её смысл. В основе идеологии лежит двухполюсная логика, которую можно описать простым соотношением: мы/они = правые/неправые = хорошие/плохие [6, с. 123].

Идеология представляет собой не столько инертную «надстройку» или конкретную разновидность «ложного сознания», не понимающего истиной природы своего бытия, как об этом писали К. Маркс и Ф. Энгельс [5, с. 88—102], сколько своеобразный «нематериальный фундамент общества», который способствует формированию социальной и политической идентичности его членов, отделяя их от носителей иных целей, ценностей, принципов, взглядов и убеждений. Идеология — это, с одной стороны, особый тип практически ориентированного социального знания, а с другой — специфический механизм системы духовного производства, призванный заниматься созданием и распространением идей (как в масштабах всего общества, так и его отдельных сегментов).

Основная причина идеологической активности, — заключает К. Гирц, — это утрата людьми смысловых ориентиров, их неспособность (за отсутствием более адекватных интерпретационных моделей) постичь универсум гражданских прав и обязанностей, в котором оказывается индивид, выпавший из традиционного универсума привычных иерархий и социальных связей [1, с. 248—249]. Это порождает идейное замешательство и мировоззренческий хаос, поскольку нормативные образы политического порядка либо утрачивают свою социальную привлекательность, либо оказываются дискредитированы. Выходом из сложившейся ситуации является идеологическое конструирование реальности, включающее в себя обязательное предъявление дезориентированному обществу новых политических смыслов.

В разумном постижении действительности, в распространении точного научного знания, которое, согласно Ф. Бэкону и Т. Гоббсу, постепенно превращается в реальную силу [4, с. 15—33], в инициированной ими идейной борьбе с деструктивными мифами, предрассудками и заблуждениями ведущие интеллектуалы XVII — начала XX в. усматривали магистральное направление человеческого развития. В борьбе за воплощение этих идеалов эволюционно-революционным путём сформировалось общество Модерна (от англ. *Modern Society*). Его главенствующими характеристиками выступают: рыночная экономика, ориентированная на массовое производство и потребление; система национальных государств, публичная жизнь которых характеризуется наличием массовой демократии и столь же массовых политических партий; образование, здравоохранение, наука и искусство, «развиваемые для масс и силами масс» [3, с. 37]. Также необходимо отметить институты всеобщей занятости и избира-

тельного права, всеобщей воинской повинности и пенсионного страхования.

В обществе Модерна (оно же — «буржуазное», «индустриальное», «рыночное», «демократическое», «открытое», «современное») стираются традиционные сословные иерархии и границы, вследствие чего формируется сравнительно однородная масса людей, которая дифференцируется на слои в зависимости от качества жизни, уровня потребления, образования и квалификации. При этом социальные институты общества Модерна выступают в виде особых ценностно-нормативных комплексов, которые не только на рациональной основе регулируют основные взаимодействия людей в сфере экономики, политики, науки, образования, искусства или брачно-семейных отношений, но и со временем становятся автономной реальностью, подчиняющей индивидуальные устремления людей [3, с. 46—61].

В целом же общество Модерна представляет собой открытую, неравновесную, сверхсложную социальную систему, способную не только к воспроизводству своих базовых ценностей и институтов (гуманизм, права человека, демократия, рыночная экономика, секулярная культура, научная рациональность), но и к артикулированию своих Великих идеологий (национализма, либерализма, консерватизма, марксизма, анархизма, демократического социализма), позволяющих более эффективно аккумулировать социальную энергию общества.

Мы полагаем, что рассматривать идеологии исключительно в качестве инструмента захвата (= удержания) государственной власти или манипулирования общественным мнением со стороны политических элит было бы чересчур упрощённо и однобоко. Такая точка зрения в принципе не способна объяснить, почему одни идеологии могут реально побуждать огромные массы людей к политической активности, а другие — нет.

В своём развитии Великие идеологии Модерна (национализм, либерализм, консерватизм, марксизм, анархизм, демократический социализм) проходят три взаимосвязанных этапа.

Первый этап — его можно назвать теоретическим, — включает в себя процесс смыслового генезиса новой идеологии, что предполагает эскизную проработку её концептуальных основ. «Как правило, новая система взглядов возникает в головах одарённых мыслителей-одиночек, теоретиков, философов, возвысившихся благодаря своим способностям и образованию до предвосхищения характера будущего развития», — совершенно обоснованно отмечает российский философ и политолог И.К. Пантин [4, с. 11].

Творцы Великих идеологий идут какими-то своими, неведомыми обществу путями, зачастую не выводимыми из предшествующего развития политической мысли. Совсем не обязательно идеологии в обществе Модерна связаны с передовыми достижениями науки, что, однако же, вовсе не исключает их «драпировку» в наукообразную форму. По этому поводу известный политический мыслитель и революционер А. Грамши совершенно справедливо заметил, что необходимо различать идеологии исторически органичные, то есть жизненно необходимые существующему базису, и идеологии произвольные, рационалистические, «надуманные» [2, с. 112], являющиеся итогом кабинетной работы, то есть «индивидуального учёного корпения».

Именно в той мере, в какой идеологии востребованы Историей, они эффективны и «психологически» действенны, поскольку «организуют людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции», ведут борьбу за достойное место под солнцем.

В той же мере, в какой они «произвольны», спекулятивны, «надуманны», они только и создают, что доходящую до откровенного словоблудия публичную полемику, а нередко — бесплодный информационный шум, ту специфическую «многословную пустоту», которая убивает любой политический смысл. Однако даже произвольные идеологии не являются чем-то абсолютно бесполезным, «потому что как бы представляют то заблуждение, которое, будучи противопоставлено истине, утверждает её» [2, с. 112].

В целом же первый этап формирования Великих идеологий Модерна характеризуется возникновением более или менее упорядоченного комплекса идей, рассматривающих какие-то общественные слои, их властные притязания и рациональные интересы в качестве определяющей силы исторической динамики. Адекватность новых идеологических построений доказывается полемикой сторонниками безусловной «правильности» данных идей с представителями конкурирующих направлений человеческой мысли. Poleмика между представителями родственных идейно-политических течений носит гораздо более яростный, ожесточённый и бескомпромиссный характер, нежели радикальная критика идейных комплексов «старого мира», который на глазах превращается в прах.

Заметим, что эти идеи, какими бы смелыми и оригинальными они не были, никогда не существуют сами по себе, а так или иначе интегрированы в интеллектуальный дискурс, который функционирует как механизм более или менее квалифицированного обсуждения

той или иной актуальной проблемы, имеющий в своём основании философский, научный, политический или любой иной текст. Какой бы первоначальный статус ни имел этот текст, в процессе своего обсуждения он неизбежно приобретает публичный статус лишь в том случае, если становится фактом специализированного или общественного мнения. Когда статусные носители экспертного знания (учёные, философы, литераторы, политики) начинают серьёзно обсуждать этот текст, прибегая к его аргументированной критике, возникает интеллектуальный дискурс, то есть рационально организованное речевое пространство, смысловым ядром которого выступает обсуждаемый текст [5, с. 10].

Механизмом организации интеллектуального дискурса в формирующемся обществе Модерна выступает публичная коммуникация. Это особый вид социальных коммуникаций, нацеленный на передачу такой информации, которая затрагивает общественный интерес, с одновременным приданием ей публичного статуса. После этого информация, актуальная только для участников интеллектуального дискурса, приобретает социально значимый публичный характер.

Второй этап (назовём его организационно-практическим) связан с тем, что выработанные теоретиками идеологические построения и концепции получают распространение среди широких кругов интеллигенции, интеллектуалов и других влиятельных агентов духовного производства. Тем самым *idéa* (от греч. «идея, представление») обретает свой *lógos* (от греч. «слово, учение»). Как раз-то на этом этапе и происходит превращение конкретных идей в идеологию.

Социализация новых идей, интериоризация конкретных духовно-политических комплексов и парадигм неизбежно связаны с их упрощением, примитивизацией, редукцией передовых завоеваний оригинальной авторской мысли. Не отсюда ли берут свои истоки «вульгарный марксизм», «вульгарный либерализм», «вульгарный консерватизм» и т. п.?

Однако эти неизбежные «издержки» имеют и свой позитивный аспект. Он заключается в том, что отныне уже не единицы, а сотни и даже тысячи людей становятся активными или пассивными реципиентами данной идеологии. Постепенно из числа наиболее принципиальных и влиятельных сторонников идеологий формируются своего рода организационный актив (интеллектуальные клубы, политические партии, общественные движения), смыслом деятельности которого становится достижение тех программных целей, которые были заявлены «отцами-основателями» идеологии в качестве наиболее значимых и приоритетных. Всё случайное, наносное,

вторичное самым безжалостным образом изымается из идеологии. При этом «цветущая сложность» и рафинированная изощрённость первоначальных идей нередко заменяются элементарной политической аксиоматикой, имеющей прагматическую окраску и доступной массовому восприятию.

Организационный актив можно уподобить химическому тиглю, в котором осуществляется своеобразный сплав идеологии с практикой. Только так достижения авторской мысли завоёвывают массы, подталкивая их к самоорганизации и политической деятельности. Тем самым новое социальное знание, разработанное кабинетными идеологами-теоретиками, оказывается тесно связанным с «волей к власти» конкретных исторических субъектов, выражающих своё недовольство существующим положением дел (и в силу этого с большим увлечением принимающих альтернативное видение желаемого общества). Постепенно оформляются: во-первых, философия практики как концентрированное выражение новой идеологии; во-вторых, тот исторический субъект, который готов предъявить всему обществу и реализовать её рациональное политическое содержание, не считаясь с социальной инерцией, доводами оппонентов и иными препятствиями.

Третий этап связан с тем, что новая идеология становится практически ориентированной методологией захвата и удержания государственной власти за счёт предъявления обществу привлекательного образа желаемого будущего и установления культурной гегемонии. Эта культурная составляющая идеологических процессов играет гораздо более существенную роль, нежели привычное brutальное насилие, которое не может являться властью по определению. По существу, никакой террор не может заменить собой культурную гегемонию, легитимирующую содержание даже самой грязной и кровавой политической борьбы, если она ведётся во имя светлого будущего.

В свою очередь культурная гегемония весьма отличается не только от тривиального насильственного удержания престижных социальных позиций, но и от традиционного господства. Дело в том, что господство закрепляет отношения в модусе зависимости (знаменитая гегелевская диалектика «господина и раба» [5, с. 85]), в то время как гегемония закрепляет культурное лидерство и опережение в конкурентном движении человечества к Свободе и Прогрессу, возглавляемое конкретным историческим субъектом.

Идеология овладевает массами только тогда, когда предъявляет им накалённый исторический Смысл и делает ставку на Развитие.

Отсюда — претензия всех Великих идеологий на то, чтобы предъявлять формирующемуся обществу Модерна привлекательные образы желаемого будущего, без которых невозможна История. Без их внятной артикуляции и фокусировки не было бы и той грандиозной динамики, в которой оказался мир, начиная примерно с XVII—XVIII вв.

Как пишет политолог И.А. Ерохов, «онтологизация свободы превращает природную необходимость в иллюзию ложной очевидности на фоне новой реальности — исторической необходимости свободы» [4, с. 194]. Иначе говоря, все те субъекты, для которых реальная политика — это движение к Свободе, не просто вынуждены взять власть в свои руки, но этически просто обязаны стать именно такой властью, игнорируя любые эксцессы. Эта новая культура Освобождения продуцирует особый тип политических отношений, который превосходит любую социальную детерминацию, иерархичность и связанность традиционного общества. Чтобы встать во главе этой грандиозной Революции Освобождения, историческому субъекту необходимо не просто устранить собственное рабское состояние, а ликвидировать саму вероятность стать рабами для всех людей, живущих на Земле. А это и есть, как нам представляется, основная и неустраиваемая претензия всей политической культуры Модерна, носящей проектно-освободительный характер.

В целом же рассмотренная нами культурная гегемония есть идеологическая техника производства актуальных политических значимостей — культурно-политических ценностей [4, с. 201]. Одним из её реальных результатов является политическое лидерство. Однако если значение политических ценностей окажется недостаточно артикулированным в публичном пространстве, то политическая культура гегемона вполне может приобрести эзотерический характер, а это — путь к конспирологии и анти-Модерну, новому рабству и многоэтажному человечеству с непроницаемыми кастами, рангами и разрядами «посвящённых». Предложить обществу и всему человечеству наиболее авангардное «прочтение» Современности, полностью устраняющее проблему «господина и раба», — вот главная задача культурной гегемонии. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается принципиальная незавершённость и социальная привлекательность Модерна как исторического проекта.

Не будем, впрочем, забывать, что в обществе Модерна идеология представляет собой постоянно обновляющийся социально-политический институт, который осуществляет реализацию целого ряда базовых функций: адаптационной; аксиологической; интегративной;

легитимационной; мировоззренческой; мобилизационной; ориентационной; проектной; регулятивной; рефлексивной; социального контроля; целеполагания.

Присутствие Великих идеологий в обществе Модерна также основывается на наличии в их концептуальном ядре определённых социальных идеалов, базирующихся на различном понимании ценностей Свободы и Прогресса. С одной стороны, это порождает такое важное качество идеологий как их онтологическую связь с миром утопий, а с другой, — превращает сами идеологии в силу, призванную изменить мир в пользу тех или иных исторических субъектов, с большей или меньшей настойчивостью реализующих различные версии одного и того же политического проекта Освобождения.

Подводя общий итог наших размышлений, сформулируем основные выводы данной статьи:

1. Идеологии как артикулированные формы политического сознания в обществе Модерна весьма разнообразны. При всей широте возможной смысловой палитры (национализм, либерализм, консерватизм, марксизм, анархизм, демократический социализм) все Великие идеологии Модерна представляют собой конкурирующие концепции желаемого общества.

2. Если та или иная политическая идеология укоренилась в обществе Модерна, то в ходе интерпретации и герменевтической реконструкции политической жизни она играет роль своеобразной смысловой карты, обуславливающей конкретные действия тех или иных политических субъектов в симбиотическом соотношении: мы/они = правые/неправые = хорошие/плохие.

3. Конкурирующие друг с другом образы желаемого общества составляют основу всех идеологических конфликтов в обществе Модерна, что в свою очередь детерминирует соответствующую политическую практику и динамику Развития.

Список литературы:

1. Гирц К. Интерпретация культур: Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 557 с.
2. Грамши А. Тюремные тетради. В 3-х ч.: Пер. с ит. М.: Политиздат, — 1991. — Ч. 1. — 560 с.
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. — 224 с.
4. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М.: Идея-Пресс, 2009. — 224 с.

5. Трунов А.А. Идеология в интеллектуальном дискурсе XVII — начала XX вв.: Генезис, содержание, эволюция. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. — 156 с.
6. Флад К. Политический миф: теоретическое исследование: Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 263 с.
7. Шварцмантель Д. Идеология и политика: Пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. — 312 с.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Громцев Олег Владимирович

аспирант, СПбГУ,

г. Санкт-Петербург

E-mail: gromtsevoleg@mail.ru

POLITICAL ASPECTS OF LABOUR MIGRATION IN MODERN RUSSIA

Gromtsev Oleg

graduate student, St. Petersburg State University,

St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье описываются политические аспекты трудовой миграции на современном этапе развития России, их позитивные и негативные последствия для экономической, политической и социальной стабильности государства. Рассмотрены правовые принципы миграционных процессов, а также связанная с ними эволюция нормативного регулирования миграционного вопроса в РФ.

ABSTRACT

The article describes the political aspects of labor migration at the present stage of development of Russia, their positive and negative effects on the economic, political and social stability of the state. Considered the legal principles of migration, as well as their associated regulatory evolution of the migration issue in the Russian Federation.

Ключевые слова: трудовая миграция; миграционная политика; Концепция регулирования миграционных процессов в РФ.

Keywords: labor migration; migration policy; concept of migration processes in Russia.

На сегодняшний день Российская Федерация испытывает трудности, связанные с мигрантами. Всегда бывшая многонациональным государством, Россия на данный момент времени признала существование проблем с регулированием миграционных потоков и нелегальной миграцией. Так как ход развития нашей миграционной политики идёт общеевропейским путём, особенно важным представляется учитывать высокую возможность повторения тех же ошибок.

Согласно статистическим данным Государственной Статистической Службы РФ, в 2012 г. на территорию страны прибыли 417 681 чел. Из них около 363 955 чел. — из стран СНГ и лишь 53 726 чел. — из других государств [2].

Традиционно наибольший миграционный прирост в России обеспечивается за счёт стран постсоветского пространства: Узбекистана, Украины, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, Армении, Азербайджана, Молдовы и т. д.

Как правило, у выходцев из славянских республик бывшего СССР — Украины и Беларуси, и у русского населения, возвращающегося на историческую родину из-за рубежа, не возникает особых проблем с адаптацией к новой жизни. В то время как остальным группам мигрантов гораздо труднее интегрироваться в принимающее сообщество ввиду их большей замкнутости и стремлением максимально сократить контакты с местным населением [1]. В данном случае речь идёт о выходцах из стран Центральной Азии и Закавказья — Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, в несколько меньшей степени — Казахстана и Туркменистана, а также из стран Восточной и Юго-Восточной Азии — КНДР, КНР, Вьетнама.

Подобное явление в первую очередь обусловлено историческими и политическими событиями периода 1990—2000-х гг., когда новообразованная Российская Федерация стала одним из основных центров притяжения потоков миграции из стран бывшего СССР и ряда граничащих с ним государств дальнего зарубежья. Причём, как утверждают специалисты, с учётом текущей социально-экономической, политической и демографической ситуации и в России, и у её ближайших соседей в дальнейшем прогнозируется всё большее увеличение численности мигрантов как временных, так и постоянных.

К прочим факторам, оказывающим влияние на миграционную ситуацию в России, традиционно относят следующие:

- [Негативные факторы]: вышеупомянутый уже распад СССР, всплеск количества террористических актов в мире, проявление

ксенофобии и национализма, снижение качества жизни населения, проблемы в экономике, социальные конфликты.

- [Позитивные факторы]: либерализация и демократизация основных сфер жизни, свобода перемещения и самоопределения, развитие рыночной экономики, интеграция России в мировое сообщество и в международный рынок трудовых ресурсов в особенности.

Как бы то ни было миграция и мигранты давно и прочно стали неотъемлемой частью российского общества. На современном этапе развития Российская Федерация испытывает серьёзные демографические проблемы, вызванные как снижением уровня рождаемости, так и значительным уровнем смертности. Причём тенденция сокращения численности коренного населения неуклонно возрастает. Поэтому для полноценного развития российской экономики необходимы дополнительные трудовые ресурсы, которые и обеспечиваются за счёт зарубежных мигрантов. Так, миграционный прирост компенсирует почти 60 % демографических потерь [3].

Совершенно очевидно, что для компенсации нехватки численности населения и особенно нехватки трудовых ресурсов в малопrestижных низкоквалифицированных отраслях экономики России необходимы мигранты.

Целью регулирования миграционных процессов в Российской Федерации является обеспечение устойчивого социально-экономического и демографического развития, принципов национальной безопасности Российской Федерации, удовлетворение потребностей растущей российской экономики в трудовых ресурсах, рациональное размещение населения по территории страны, реализация интеллектуального и трудового потенциала мигрантов, построение демократического общества.

Согласно официальной миграционной политике регулирование миграционных процессов в Российской Федерации основывается на следующих принципах:

- взаимодействие законодательных (представительных) органов и органов исполнительной власти с общественными организациями;
- дифференцированный подход государства к решению проблем различных категорий иммигрантов;
- защита геополитических интересов Российской Федерации;
- защита российского рынка труда, протекционизм в отношении граждан Российской Федерации;
- исполнение законодательства Российской Федерации в области миграции и их единообразного применения на всей территории страны;

- обеспечение баланса прав и законных интересов местного населения, мигрантов, в том числе лиц, ищущих убежища на территории Российской Федерации;
- обеспечение национальной безопасности Российской Федерации;
- приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права в области защиты прав и свобод человека и гражданина;
- приоритетное оказание государственной помощи наиболее нуждающимся категориям вынужденных мигрантов, стимулирование добровольного переселения и создания условий для самообеспечения мигрантов;
- соблюдение и защита прав мигрантов, недопустимость их дискриминации по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям;
- защита интересов как индивидуума, так государства.

В последние годы приняты Федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», «Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» и ряд других нормативных актов. В целом они придали российской миграционной политике больше ясности и целенаправленности. Однако некоторые аспекты перспективной миграционной политики по-прежнему требуют обсуждения и определенных корректировок.

В действующей «Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» (2003 г.) справедливо указывается, что «целями регулирования миграционных процессов являются обеспечение устойчивого социально-экономического и демографического развития страны, национальной безопасности РФ, удовлетворение потребностей растущей российской экономики в трудовых ресурсах...». В Концепции упомянут «дифференцированный подход государства к решению проблем различных категорий мигрантов».

В последние годы внесены изменения в ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», также с 15 января 2006 г. действует ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ».

На данный момент в Российской Федерации предусмотрено квотирование числа трудовых иммигрантов из стран, с которыми у нее существуют визовые отношения. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 982 «Об утверждении на 2008 г. квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» в целом по РФ утвержден норматив в 1 828 тыс. квот, в том числе по Москве — 300 тыс. квот.

Механизм квотирования разрешений на работу требует дальнейшего совершенствования, в том числе повышения гибкости. В настоящее время существует длительная процедура согласования объема квот между предприятиями, службами занятости и миграционными службами субъектов РФ и федеральными органами исполнительной власти. Пока заявки по квотам проходят по данной цепочке, экономическая ситуация меняется. На одних предприятиях отпадает потребность в иностранных работниках, на других, напротив, появляется.

Неэффективность современной системы квотирования признана официально, и в недавно опубликованных нововведениях миграционной политики данному вопросу было уделено внимание.

Уже не первый раз на различных уровнях государственной системы поднимается вопрос о необходимости реформирования миграционной политики в соответствии с требованиями нового времени и ситуации с иммигрантами в стране. И наконец, в 2013 г. была принята новая концепция миграционной политики, разработанная Федеральной Миграционной Службой (ФМС).

В числе нововведений были упомянуты следующие направления развития [4]:

- Балльная система. Правительство предполагает разделить всех мигрантов на две категории: в первую войдут высококвалифицированные мигранты с высшим образованием, во вторую — чернорабочие. Чтобы определить, к какой группе отнести того или иного мигранта, требуется посмотреть, сколько у него баллов по системе оценки его квалификации и социальных навыков. Введение балльной системы оценки труда гастарбайтеров — это фундамент новой миграционной политики, однако детали подобного нововведения пока находятся в разработке.

- Быстрый арест. С мая этого года вступили в силу поправки в Административный кодекс, позволяющие сотрудникам правоохранительных органов задерживать мигрантов, отказывающихся представлять документы. Если раньше мигранты просто прятали свои документы, отделяясь лишь задержанием на 48 часов, после чего полицейские были обязаны их отпустить, то теперь полиция вправе

задерживать подозрительных мигрантов без документов на более долгий срок в зависимости от решения суда.

- Дактилоскопия. Начиная с мая 2013 г. все мигранты, имеющие право на безвизовый въезд в Россию, должны при пересечении границы проходить обязательную дактилоскопическую процедуру. По мнению миграционной службы, это единственный способ вести учет пребывания мигрантов и каким-либо образом отслеживать их перемещения и случаи нарушений Административного и Уголовного кодексов. Подобные меры давно уже действуют в США и странах ЕС.

- Жизнь по карточкам. Приоритетный пункт новой миграционной политики — внедрение в стране Единой информационной системы, обеспечивающей функционирование электронной идентификационной карты. Это пластиковая карта, объединяющая в себе паспорт, медицинский полис, страховое пенсионное свидетельство, проездное удостоверение и электронный кошелек. Такие карты будут выдавать гражданам РФ и некоторым категориям мигрантов, получившим вид на жительство в РФ, разделяя таким образом поток переселенцев на «полезных» и нелегальных.

- Переориентация мигрантов. Снизить «миграционную» нагрузку на Москву и крупные европейские города поможет план по повышению инвестиционной привлекательности регионов Дальнего Востока и Байкальского региона: именно в эти места предполагается направить основной поток гастарбайтеров. С аналогичной программой выступает и правительство Австралии: всех мигрантов с нынешнего года австралийцы будут отправлять работать на фермы на пустынные острова Тихого океана.

- Пересмотр квот. На данный момент, для того чтобы получить разрешение на привлечение иностранной рабочей силы, надо подать заявку как минимум за девять месяцев. Это достаточно хлопотно. Поэтому, по мнению ФМС, в этом случае стоит взять на вооружение аналогичный опыт западноевропейских стран: работодатели должны вывешивать свои вакансии в базе данных государственной службы занятости. Если в течение, например, двух-трех месяцев они оказываются не востребованными российскими гражданами, то работодатель должен получать право на привлечение иностранных работников.

- Радмиссия. Процесс выдворения мигрантов из страны. Процесс этот непростой, потому что все это время требуется обеспечить мигрантов жильём и питанием. С этой целью вскоре будет построена сеть центров для содержания иностранных граждан, подлежащих радмиссии. В Европе такие специальные центры действуют

без особого, впрочем, успеха (например, Центр мигрантов на острове Лампедуза близ Сицилии был закрыт после бунта мигрантов, которых власти Италии так и не смогли отправить обратно в Ливию).

- Русификация. Новая миграционная политика включает в себя не только запреты и ограничения. В случае если мигрантам удалось осесть в России, то ФМС должна сделать все для «противодействия социальной дискриминации мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов». Для этого создается «пакет программ адаптации и интеграции мигрантов и членов их семей к полноценной жизни в Российской Федерации». Главное — вызвать мигранта из его замкнутой среды, не дать ему стать опорой религиозного фундаментализма.

- Ужесточение Уголовного кодекса РФ. В этом году будут внесены соответствующие поправки в Уголовный кодекс, ужесточающие уголовную ответственность за организацию незаконной миграции (статья 322 УК РФ), приравнивая ее к тяжким преступлениям. Отныне лица, поставляющие, например, таджиков на стройки, будут рассматриваться как лидеры организованных преступных групп. Абсолютно такая же мера принята в этом году и в США.

- Языковой экзамен. Все желающие работать в России должны сдать специальный экзамен на владение русским языком — соответствующие поправки вскоре появятся в законах «Об образовании», «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Интересно, что в Италии вводят экзамен на знание основ католицизма: как жалуется полиция, в последнее время под видом паломников в Рим (т. к. паломникам проще получить визу) стало прибывать слишком много арабских мигрантов.

На современном этапе развития Россия, как и многие страны Евросоюза, испытывает значительные трудности, связанные с нехваткой трудовых ресурсов. Поэтому присутствие мигрантов является совершенно необходимым.

Основной поток иммигрантов направлен из стран постсоветского пространства. Большая часть приезжающих мигрантов оказывается занята в малопrestижных сферах. И так как претендующие на подобную работу люди, как правило, являются низкоквалифицированными рабочими, склонными к жизни в своих сообществах и не стремящимися адаптироваться в социум, это создаёт дополнительные трудности с интеграцией мигрантов.

Также по-прежнему остаётся острой проблема, связанная с нелегальной миграцией.

Поэтому признав, наконец, существование вышеуказанных проблем и необходимость корректировки миграционной политики, Федеральная Миграционная Служба РФ внесла соответствующие изменения в свою программу.

В первую очередь, были приняты меры, направленные на привлечение высококвалифицированных трудовых кадров, а именно: ужесточены въездные требования, введён языковой экзамен для иностранных мигрантов. Также были пересмотрены меры по квотированию разрешений на работу, приняты дополнительные меры по более эффективному регулированию миграционных потоков (дактилоскопия при въезде в страну, ужесточение мер ответственности за совершение преступлений, введение идентификационных карт и т. д.).

В целом, российскую миграционную политику можно характеризовать как активно развивающуюся программу с достаточно проработанной правовой базой и использованием основных принципов мультикультурализма. Многие были использованы из миграционного опыта стран Евросоюза и ряда других.

Однако, учитывая схожесть проблем, испытываемых Россией со странами ЕС, стоит особое внимание обратить на потенциально возможные ошибки регулирования потоков мигрантов.

Список литературы:

1. Бадалянец С.В. Тенденции и перспективы интеграции мигрантов в современный российский социум / С.В. Бадалянец // Социологические науки. — 12.02.2013/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid301/pg0/ (дата обращения: 20.08.2013).
2. Международная миграция Российской Федерации в 2012 году/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm (дата обращения: 10.08.2013).
3. Мифы и статистика миграции в России/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7159> (дата обращения: 15.08.2013).
4. 10 миграционных новшеств // Журнал «Огонёк». — 05.08.2013. — № 30 (5290)/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://kommersant.ru/doc/2234975> (дата обращения: 17.08.2013).

1.3. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ НИКОЛЯ САРКОЗИ

Мудрицкая Карина Александровна

*аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
г. Киев*

E-mail: corrine18@mail.ru

EUROATLANTIC POLICY OF FRANCE SINCE NICOLAS SARKOZY TAKES PRESIDENTIAL OFFICE

Mudrytska Karyna

*Ph.D. student at the international relations and foreign policy's department,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Kyiv*

АННОТАЦИЯ

Речь в статье идет о Франции, ее политике в отношении НАТО и европейской безопасности. На протяжении почти всей истории Пятой Республики Франция имела «особый статус» в НАТО, что было связано с ее выходом из объединенного военного командования и своеобразным внешнеполитическим курсом. После избрания Н. Саркози президентом, Франция возобновила свое полноправное участие в военных комитетах Альянса. В статье анализируются мотивы реинтеграции и дается оценка реализации поставленных командой Н. Саркози целей.

ABSTRACT

This article is about France, its policy towards NATO and European defense. France had a 'special status' throughout almost the entire history of the Fifth Republic that was associated with France's withdrawal from the integrated military command and its specific foreign policy. After Nicolas Sarkozy won presidential elections France renewed full participation in the military committees of the Alliance. The article analyses reasons of

France's reintegration and examines achievements of goals determined by Sarkozy's team.

Ключевые слова: Франция; НАТО; США; ЕПБО; голлизм; Саркози.

Keywords: France; NATO; USA; ESDP; Gaullism; Sarkozy.

Предвыборная кампания Шестого президента Пятой Республики проходила под лозунгами «разрыва» с прежней ширако-деголлевской политикой. В политических и научных кругах даже зародилась дискуссия о «постголллизме» [6]. Перемен во внешней политике Франции в первую очередь ожидали на американском и трансатлантическом направлениях. Николя Саркози называли главным атлантистом в ряде президентов Пятой Республики, он не только открыто проявлял свою симпатию к США и, особенно, к американской экономической модели, но также настойчиво говорил о необходимости восстановления дружеских отношений Парижа и Вашингтона, о возвращении Франции в объединенное военное командование НАТО. Тем не менее, следует отметить, что хотя Н. Саркози и привнес новые акценты в американо-французские отношения, он лишь успешно завершил курс, который выбрал для себя Париж еще при Ф. Миттеране в условиях распада биполярной системы международных отношений и становления новой системы.

Среди исследователей евроатлантической политики Франции необходимо назвать К. Дюрандин, Д. Муази, С.М. Федорова, Д.Г. Хегланда, Ф. Бозо, Ф. Шарийона, Дж. Ховортса, Т.В. Звереву.

Целью статьи является анализ новых нюансов в евроатлантической политике Франции после прихода к власти Н. Саркози.

Довольно распространенным мнением касательно возвращения Франции в военные структуры Альянса считалось изменение внешнеполитического курса Парижа на международной арене и «разрыв» с голлизмом. Автор статьи рассматривает различные точки зрения по вопросу соответствия политики команды Н. Саркози на евроатлантическом направлении принципам голлизма и дает свое видение этого вопроса, а также оценивает перспективы реализации поставленных Н. Саркози целей на этом направлении, в чем и состоит новизна данного исследования.

Фундаментальным принципом внешней политики Пятой Республики выступала ее независимость от США во внешнеполитической деятельности при сохранении трансатлантической солидарности. По замыслу Ш. де Голля наличие у Франции автономной

ядерной программы и выход из военных структур НАТО гарантировали Парижу независимую от Америки внешнюю политику, что проявилось в подходе Франции к СССР, Китаю, странам «третьего мира», в вопросах торговой и валютной политики. В то же время Париж выступил с активной поддержкой США в берлинском и карибском кризисах. Преемники Ш. де Голля на посту Президента Французской Республики придерживались принципов «голлизма», прибегая к определенным коррективам. Каждый французский президент с началом своего мандата пытался наладить дружеские отношения с США, но, поскольку Вашингтон воспринимал Париж «ненадежным союзником» [13, р. 126] и неохотно шел на сближение со своим вторым после Британии трансатлантическим партнером, такие попытки заканчивались, в основном, неудачно. Новым «пиком» заметного ухудшения франко-американских отношений стала инициированная США война в Ираке в 2003 г., против которой с резкой критикой выступил Жак Ширак.

Одним из главных «разрывов» с политикой предшественников в стратегии Н. Саркози (главным образом речь идет о периоде Ж. Ширака, Саркози неоднократно подчеркивал преданность принципам голлизма) должно было стать восстановление дружбы с Вашингтоном внутри «западной семьи» [12]. На фоне изменения общей тональности высказываний по отношению к США, ярким примером чего могут быть многочисленные упоминания о США в качестве друга Франции на различных конференциях и симпозиумах, а особенно — в выступлении Н. Саркози перед членами Конгресса США 7 ноября 2007 г. [11], значительную роль в улучшении двухсторонних отношений должно было сыграть возвращение Франции в военные структуры НАТО. Однако следует отметить, что, по мнению ряда исследователей внешней политики Франции (Обичкина Е.О., Зверева Т.В., Дж.Ф.В. Кайгер, Дж. Ховортс, Ф. Бозо, Д. Кохейн) и автора статьи, реинтеграция Франции в НАТО помимо названной задачи должна была выполнить и другую, не менее значимую — способствовать развитию Европейской политики безопасности и обороны.

Идеи создания автономных структур европейской системы безопасности французы выдвигали еще с 50-х гг. XX ст. («план Плевена», проект «европейской армии», планы Фуше), но тогда они не были реализованы. В условиях формирования новой международной системы, роста влияния объединенной Германии и обострения кризисных ситуаций на Балканах Францией вновь был поднят вопрос о необходимости создания собственного военного механизма Европейского Союза. Несмотря на различные подходы

к роли и функциям такого механизма, в сложившихся условиях Лондон поддержал Париж, и на франко-британском саммите в Сен-Мало в 1998 г. было положено начало Европейской политике безопасности и обороны (ЕПБО). Одной из причин медленного прогресса в этом направлении Н. Саркози называл неверное восприятие предлагаемых французами целей и задач ЕПБО другими членами ЕС: большинство из них рассматривают ЕПБО как альтернативу Альянса. А особый «неинтегрированный» [8, с. 176] статус Франции в НАТО только усиливал это восприятие. Безусловно, уменьшение влияния этого «мифа» не было главной причиной полного возврата французов в НАТО, но оно должно было прояснить европейцам политику безопасности Франции в отношении НАТО и ЕС [8, с. 180].

Процесс реинтеграции Франции в объединенное военное командование Альянса был инициирован еще предшественниками Н. Саркози, однако, как в первом случае (Ф. Миттеран), так и во втором случае (Ж. Ширак) Франция в конечном результате не вошла в военные структуры, поскольку в тех конкретных ситуациях не получила желаемых уступок от США. С исчезновением системы блокового противостояния внешняя политика многих стран существенно изменилась. Происходила трансформация и самого НАТО. Альянс расширился до 28 членов, а его современные функции вышли далеко за рамки начальной цели — коллективной обороны стран-участниц. В наши дни НАТО проводит операции по стабилизации и контролю зон, предоставляет поддержку гуманитарным операциям и помощь в военной подготовке на разных участках военных действий и т. д. Все это поставило вопрос о целесообразности сохранения «неинтегрированного» статуса Франции в Альянсе или о его изменении.

При президенте Ф. Миттеране французские представители начали принимать участие в работе военного комитета НАТО в Брюсселе, что было обусловлено участием французских военных в балканских операциях НАТО [4, с. 323]. При Ж. Шираке полуторатсячной французский контингент был отправлен в Афганистан, с 2004 г. французские военные стали вновь принимать участие в работе объединенного военного командования, было создано три штаба в Лилле, Лионе и Тулоне для возможного использования при проведении союзнических операций [2]. К тому же, за 2008 г. Франция оказалась на четвертом месте по финансированию НАТО, а ее военные составили 7 % всех солдат, задействованных в операциях Альянса [2]. Но, принимая активное участие в военной деятельности

НАТО, Франция не имела возможности влиять на принятие стратегических и тактических решений. Эту ситуацию и было призвано изменить возвращение в объединенное командование.

Другим немаловажным фактором реинтеграции Франции в НАТО называлась необходимость обновления Альянса. По мнению французской политической элиты, на этот процесс лучше влиять изнутри НАТО [4, с. 324]. Подход Франции к трансформации Альянса отличается от американского, что следует рассмотреть детальнее.

Белая книга по обороне и национальной безопасности Франции, принятая в 2008 г., указывает на то, что первоочередным заданием Североатлантического Альянса является коллективная оборона [16, с. 107]. При этом необходимо принимать во внимание появление новых рисков и вызовов безопасности: распространение носителей обычного оружия и ОМП, массовый терроризм, информационные атаки и т. д. Кроме того, Париж предлагает Альянсу активнее выстраивать партнерство с Россией, странами Центральной Азии, Японией, Южной Кореей и Австралией. Эти государства расположены рядом с регионом Ближнего Востока и Азией, в которых сосредоточены не только кризисные зоны, но и общие стратегические интересы [16, с. 107].

Во Франции полагают, что задачей НАТО также является управление кризисами и стабилизация зон конфликтов. Однако, роль Альянса в области гражданской безопасности и гуманитарной помощи, целесообразность его участия в операциях постконфликтного регулирования является дискуссионной.

Следует отметить, что Франция постоянно выступает против тенденции преобразования Альянса в глобальную организацию, как по функциям, так и по составу участников. Как известно, Париж является сторонником многосторонних инструментов регулирования международных отношений. Франция дорожит своим местом постоянного члена Совета Безопасности ООН и стремится к выполнению функций по поддержанию мира, которые вытекают из этого статуса. Поэтому всякий раз Париж акцентирует на центральной роли ООН и, соответственно, СБ ООН в вопросах безопасности, в особенности это касается принятия решений по поводу военных операций или других военно-политических действий в кризисных ситуациях.

В свою очередь, доминирующие в НАТО США намереваются преобразовать Альянс в глобальную организацию («глобальный коп» [9, с. 192]) и еще более расширить его функции. Париж не приемлет такой сценарий. НАТО должна оставаться оборонным союзом, который защищает безопасность евроатлантического пространства.

Кроме того, Альянсу необходимо стать более европейским, и полное возвращение Франции в него усилит европейскую идентичность внутри, как считают в Елисейском дворце [7]. Париж настаивает на том, что обновление НАТО должно способствовать лучшему разделению ответственности между американцами и европейцами.

Официально возврат Франции в военные структуры НАТО был торжественно оформлен на юбилейной сессии Альянса по случаю 60-летия его создания (3—4 апреля 2009 г.). Условиями реинтеграции Франции в НАТО были названы: передача французским представителям ключевых должностей в военном командовании, обновление Альянса, автономизация и усиление ЕПБО. Вашингтон приветствовал возвращение французов в объединенное военное командование, выразил поддержку развития европейской обороны и предоставил Парижу две высокие должности: генерал Ф. Стольц был назначен начальником дислоцированного в Лиссабоне постоянного штаба регионального командования сил НАТО, а генерал С. Абриаль — на должность Верховного главнокомандующего НАТО по трансформации в Норфолке.

Несмотря на реинтеграцию Франции в НАТО, Париж оставил за собой определенные «исключительные права». Н. Саркози акцентировал на том, что страна останется верной принципам генерала Ш. де Голля: Франция при любых условиях оставляет за собой право свободно на свое усмотрение размещать свои войска; в мирное время Франция не будет подчинять свой военный контингент натовскому командованию на постоянной основе; французское ядерное оружие остается исключительно национальным [10].

В связи с возвращением Франции в объединенное военное командование НАТО возникает два вопроса: 1) является ли этот шаг «разрывом» с голлизмом; 2) будут ли достигнуты поставленные командой Н. Саркози цели (увеличение влияния Франции внутри Альянса и прогресс в развитии Европы обороны)?

Существуют различные точки зрения на поставленные вопросы. Французский специалист по внешней политике Франции Ф. Шарийон считает, что окончание «холодной войны» не могло не вызвать изменений во внешней политике государств, в том числе Франции и США. Поэтому возвращение в НАТО является объективным развитием событий [9, р. 189]. По мнению другого французского исследователя внешней политики Пятой Республики Ф. Бозо, реинтеграция Франции в НАТО была логичным шагом, поскольку мир изменился, изменился сам Альянс, а «неинтегрированный» статус Франции больше не соответствовал реальному вовлечению Парижа

в военную деятельность НАТО [8, p. 179]. Он полагает, что после окончательного возвращения в Альянс Франция, возможно, станет еще более влиятельным государством, чем она была раньше.

Как считает американский специалист по вопросам европейской безопасности Дж. Ховортс, несмотря на решение Н. Саркози относительно реинтеграции Франции в НАТО и новые акценты на американском направлении, в целом французская внешняя политика отвечала принципам голлизма и была пронизана традиционными для Парижа подходами [14].

О «разрыве» с голлизмом в основном говорили те, кто выступил против реинтеграции Франции в НАТО. Среди них в первую очередь необходимо назвать оппонентов тогдашней власти — социалистов (М. Обри, Л. Жоспен, Л. Фабиус, П. Московиси, Ю. Ведрин), а также центристов (Ф. Байру) и даже членов властной коалиции (Д. де Вильпен, Ж. Майар, Ж.-Ф. Байрен). Они сомневаются в увеличении влияния Франции на принятие решений внутри Альянса после ее возвращения в военные структуры. Ю. Ведрин считает НАТО устаревшей организацией, с полноправным возвращением в которую он связывает потерю Францией влияния [7].

Подобного мнения придерживается и директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль: «Не очевидно, что с возвращением в командование Франция будет играть более весомую роль в решениях НАТО. Сможет ли она сказать свое слово при определении новой стратегии иначе, кроме как на второстепенных ролях? Даже если предположить, что мы были бы способны предложить альтернативную стратегию в Афганистане или Пакистане, сможем ли мы убедить США?» [5, с. 280].

Российский исследователь французской внешней политики Т.В. Зверева в своей статье «Франция и новая концепция НАТО» анализирует влияние Франции после ее реинтеграции в НАТО на разработку новой стратегической концепции Альянса. Она приходит к выводу, что Парижу не только не удалось увеличить свое влияние внутри Альянса, но и пришлось скорректировать собственную позицию по вопросам трансформации Альянса (речь идет о применении силы без санкций СБ ООН), хотя и акцентирует, что французские официальные лица продолжают подчеркивать большое значение ООН и напоминают о принятии решений в НАТО на основе консенсуса, т. е. о возможности заблокировать Парижем решения в особых случаях [3, с. 23].

Автор статьи считает, что новая политика Франции по отношению к НАТО все-таки сохраняет ключевые традиционные

элементы внешней политики Пятой Республики. Франция вернулась в объединенное военное командование Альянса, но оставила за собой «исключительные права». Влияние Франции внутри Альянса скорее останется на прежнем уровне, хотя и с большими полномочиями в процессе принятия решений, что немаловажно, учитывая вовлеченность НАТО во многие военные операции по миру (Афганистан, Косово, операция «Океанский шит» в Аденском заливе и у берегов Африканского Рога и т. д.). Вероятно, в Париже понимали, что, чтобы перенять «ветку первенства» у Вашингтона в Альянсе, необходимы значительные финансовые вложения, которыми Франция в такой же мере как США не обладает, поэтому расчет был сделан на символические жесты и действия. Однако на данный момент они не помогли Парижу достичь поставленных целей.

Что же касается прогресса в развитии Европы обороны, одного стремления Парижа в этом плане не достаточно, необходима заинтересованность других стран ЕС, особенно мощных по военным параметрам. Но не все европейские страны поддерживают Францию в этом направлении по двум основным причинам. Во-первых, многие из них (главным образом Великобритания и другие «атлантисты») свою политику безопасности связывают с НАТО и в этой сфере больше ориентируются на Вашингтон, чем на Брюссель. Во-вторых, для реального создания собственного военного потенциала ЕС необходимы значительные финансовые ресурсы, а большинство европейцев не планируют увеличивать свои оборонные бюджеты. Следует отметить, что с приходом в Белый Дом Б. Обамы США больше внимания и усилий стали концентрировать на азиатском направлении. Американцы еще со времен «холодной войны» стимулируют европейцев к большим финансовым вложениям в собственную безопасность. И если раньше Вашингтон неодобрительно воспринимал попытки Парижа и других европейских столиц создать автономные от НАТО институты безопасности (вспомним хотя бы реакцию США на «саммит четырех» в 2003 г.), то в последнее время американцы приветствуют подобные инициативы [15, р. 39]. Таким образом, можно предположить, что рано или поздно европейцы будут вынуждены взять на себя больше ответственности за свою безопасность, и тогда вероятно европейские страны окажут поддержку французским инициативам.

Усиление европейской оборонной идентичности внутри Альянса должна была продемонстрировать военная операция в Ливии [4, с. 357]. С ухудшением ситуации в этой стране Н. Саркози вместе с Д. Кэмероном призывал к точечным бомбардировкам Ливии,

чтобы помешать авиации Каддафи наносить удары по позициям повстанцев в Бенгази. Французский президент настаивал на том, чтобы интервенция не проводилась силами НАТО, аргументируя это ухудшением имиджа Альянса в арабском мире. Он предложил создать европейскую коалицию ad hoc во главе с Францией и Великобританией [4, с. 356]. Операция «Одиссея, рассвет» началась 21 марта 2011 г. Французские военные самолеты первыми вошли в воздушное пространство Ливии. Но, поскольку возглавляемая Францией и Британией операция была на грани провала (у Франции и Великобритании быстро закончились высокоточные боеприпасы для ВВС, которые им пришлось докупать у США), по решению Лондонской конференции НАТО 29 марта 2011 г. командование было передано Альянсу. Военная операция в Ливии продемонстрировала слабость европейской части НАТО: европейские страны без США не способны проводить полномасштабные операции [1, с. 58].

С приходом к власти Ф. Олланда, который выступал против реинтеграции, курс Н. Саркози на евроатлантическом направлении был продолжен. Новая Белая книга по обороне и национальной безопасности 2013 г. фактически полностью повторяет положения, касающиеся НАТО и ЕПБО, изложенные в Белой книге 2008 г. В этом документе вновь говорится о взаимодополняемости Альянса и ЕПБО и о необходимости делать дальнейшие усилия в направлении развития Европы Оборона, что определяется «абсолютным приоритетом» политики безопасности Франции [17, с. 30].

Таким образом, можно сделать вывод, что с приходом к власти Н. Саркози на евроатлантическом направлении изменения коснулись в основном стиля внешней политики Пятой Республики. Реинтеграция Франции в НАТО была начата еще его предшественниками, что было обусловлено меняющимися параметрами системы международных отношений и вытекающими из этого последствиями для внешней политики Парижа. Вновь заняв свое место в объединенном военном командовании Альянса, Франция, тем не менее, сохранила за собой определенные «исключительные права». Н. Саркози неоднократно акцентировал в своих выступлениях, что Франция является другом и союзником США, однако это не означает, что Париж не может иметь отличное от Вашингтона мнение по какому-либо вопросу, в чем и заключается один из главных принципов голлизма. На данный момент Париж не достиг поставленных перед собой целей — увеличение влияния Франции внутри НАТО и прогресс в развитии Европы Оборона. Вторая цель является для Пятой Республики более приоритетной, и для ее реализации было сделано больше усилий.

Возможно, в скором будущем в этом направлении произойдут изменения, что связано с переориентацией США с Европы на Азию, когда европейцы будут вынуждены более самостоятельно заниматься вопросами собственной безопасности. А сделать в этой сфере необходимо много, так как инициированная Н. Саркози и Д. Кэмероном операция в Ливии продемонстрировала слабость военной машины европейских членов НАТО. Нынешний президент Франции Ф. Олланд продолжил курс Н. Саркози на евроатлантическом направлении.

Список литературы:

1. Авраменко В.В. Трансатлантичне партнерство Франції та США після реінтеграції Екзагону до військових структур НАТО// Актуальні проблеми міжнародних відносин. — 2012. — Вип. 107, — ч. II. — С. 55—60.
2. Возвращение Франции в объединенное командование НАТО // Франция в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.ambafrance-ru.org/%D0%92%D0%9E%D0%97%D0%92%D0%A0%D0%90%D0%A9%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95>. — Последний доступ: 15.10.13.
3. Зверева Т. Франция и новая концепция НАТО// Дипломатическая служба. — 2010. — № 6. — С. 19—23.
4. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940—2012): Научное издание / Е.О. Обичкина. М.: Аспект Пресс, 2012. — 382 с.
5. Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози (серия «Лица современной политики»). М.: Международные отношения, 2011. — 320 с.
6. Федоров С.М. Внешнеполитическая стратегия Саркози: начало эры постголлизма? // Перспективы [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.perspektivy.info/book/vneshnepoliticheskaja_strategija_sarkozi_nachalo_ery_postgollizma_2007-10-10.htm. — Последний доступ: 21.09.13.
7. Федоров С.М. Возвращение Франции в НАТО: дебаты и последствия // Перспективы [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.perspektivy.info/book/vozvrashhenije_francii_v_nato_debaty_i_posledstvija_2009-04-25.htm. — Последний доступ: 13.08.2013.
8. Bozo F. Sarkozy's NATO Policy: Towards France's Atlantic Realignment? // European Political Science. — № 9. — 2010. — P. 176—188.
9. Charillon F. France and the US: from Reluctant Alliance to Ambiguous Rapprochement// European Political Science. — № 9. — 2010. — P. 189—198.
10. Discours de M. le Président de la République sur la Défense et la Sécurité Nationale. Porte de Versailles, 17 Juin 2008.

11. Discours de Nicolas Sarkozy devant le Congrès des Etats-Unis. Washington DC, 7 novembre 2007 // [Ressource électronique]. — Mode d'accès. — URL: <http://www.voltairenet.org/article152875.html>. — L'accès dernier: 27.10.13.
12. Discours du Président de la République, M. Nicolas Sarkozy, à la XVIème Conférence des Ambassadeurs. Paris, 27 août 2008 // [Ressource électronique]. — Mode d'accès. — URL: <http://www.ambafrance-uk.org/XVIeme-conference-des-Ambassadeurs.html>. — L'accès dernier: 27.10.13.
13. Haglund D.G. Happy days are here again? France's reintegration into NATO and its impact on relations with the USA// European Security. — Vol. 19, — № 1, March 2010. — P. 123—142.
14. Howorth J. Sarkozy and the 'American mirage' or why Gaullist continuity will overshadow transcendence// European Political Science. — № 9. — 2010. — P. 199—211.
15. Keohane D. Defensive Realignment. ISS Opinion// E! Sharp Magazine. September October 2008. — P. 38—40.
16. Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale. 2008. — 357 p.
17. Shapovalova A. Livre blanc 2013: incomplete evolution of French strategic thinking// Зовнішні справи. — 2013. — № 5. — С. 27—31.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТИ И НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Яковлев Александр Юрьевич

*канд. полит. наук, доцент ГУУ,
г. Москва*

Яковлев Пётр Юрьевич

*соискатель РУДН,
г. Москва*

E-mail: kafedragimu@ro.ru

PROBLEMS OF OVERPOPULATION AND ILLEGAL MIGRATION IN SOUTH ASIA

Alexander Yakovlev

*candidate of political sciences, associate professor
of State University of Management,
Moscow*

Petr Yakovlev

*applicant of Russian University Friendship on Nations,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена двум серьезнейшим проблемам в Южной Азии — перенаселенности и незаконной миграции, а также сопутствующим им угрозам.

ABSTRACT

This article is about two serious problems in South Asia — and overpopulation illegal migration follow-up threats.

Ключевые слова: Южная Азия, незаконная миграция, перенаселенность.

Keywords: South Asia, illegal migration, overpopulation.

Сегодня из 10 наиболее густонаселенных стран мира 3 принадлежат к Южной Азии. При этом Индия по численности

населения приближается к Китаю, а Пакистан и Бангладеш заняли 6 и 8 места соответственно. Если сюда прибавить еще и Китай, граничащий и достаточно тесно связанный с южно-азиатским регионом, то население составит около 3 млрд. чел. или примерно половину всех жителей планеты. Дополнительным фактором, заставляющим серьезно задуматься о будущем месте Южной Азии в геополитической и макроэкономической планетарных архитектурах, является молодость населения, средний возраст которого менее 30 лет. В странах же старого мира ситуация обратная, где доля экономически активных граждан постоянно уменьшается.

Подобная структура населения региона может позволить южно-азиатским странам совершить скачок в экономическом развитии и увеличить свой геополитический вес, так и наоборот столкнуть регион в пропасть хаоса и насилия [5, с. 110—22; 7; 8, с. 5, с. 97—107].

Одновременно с позитивными сдвигами в развитии южно-азиатского региона имеет место ряд факторов сильно тормозящих прогресс [4, с. 366—368; 6; 10, с. 30—35, с. 178—181]. Главные из них перенаселенность и незаконная миграция. Помимо пагубности самих этих явлений, они еще и порождают ряд других угроз безопасности и стабильности региона. Среди них: работорговля; наркоторговля; безработица и низкий уровень жизни населения; голод и дефицит питьевой воды; распространение СПИДа и иных заболеваний; дефицит электроэнергии и др.

Начнем непосредственно с перенаселенности, с которой сталкиваются власти южно-азиатских государств. За последнее столетие население региона увеличилось в разы. Только население Индии за вековой период с 1901 по 2001 гг. возросло на 330,8 % [3, с. 206]. И это с учетом того, что от нее отделилась часть территории, на которой образовались независимые государства. Настоящая динамика ведет к ускоренному ресурсному истощению стран и усугубляет такие проблемы, как безработица, низкий уровень жизни населения, распространение различных болезней и др.

Самая высокая плотность населения на Мальдивах и в Бангладеш, но ввиду отрицательной динамики роста жителей в островном государстве и их малочисленности, ситуация в данной сфере не такая критическая, как в бывшей Восточной Бенгалии. Нехватка пространства ощущается и в других южно-азиатских государствах. Что касается ежегодного прироста числа граждан, то он везде крайне высок и требует принятия скорейших мер реагирования.

Нелегальная миграция, как и перенаселенность, сама по себе представляет серьезную угрозу. Причин перемещения населения в рамках региона множество: войны, вооруженные противостояния, этнические и религиозные конфликты, преследование со стороны властей и ущемление прав граждан, экономическая нестабильность, перенаселенность, безработица, бедность, тяжелые климатические условия, нехватка воды и др. Миграционные потоки часто обеспечивают в страну приток криминальных элементов, порой экстремистов и террористов. Даже, если незаконные мигранты изначально не были связаны с противоправной деятельностью, то, ввиду их нелегального пребывания в стране, они в скором времени становятся в большей или меньшей степени связанными с криминальным сообществом, обеспечивающим им защиту и покровительство.

Одним из нелегальных «бизнесов» выступает работорговля. В XXI в. она по-прежнему существует и имеет различные формы. Это может быть ввоз похищенных или обманом ввезенных в страну молодых женщин и продажа их в публичные дома, покупка дешевой рабочей силы в виде классических рабов для тяжелого физического труда или выполнения различных обслуживающих функций в домах обеспеченных граждан, покупка людей для пыток и убийства, выкуп семей и отдельных мужчин и женщин за долги и др.

Некоторые указанные явления хорошо описаны у западного исследователя К. Бэйлса [2, с. 156—239]. По приведенным им данным, только в Пакистане в отрасли по производству кирпича насильно удерживаются в долговом рабстве около 75 тыс. чел. Как правило, величина долга не достигает 6 тыс. рупий (менее 150 долл. США). Долговое закабаление в регионе во многом обыденное явление. Основным источником долга выступает получение его в наследство. Также распространено взятие займы по причине болезни члена семьи, похороны, свадьба, нехватка денег на удовлетворение основных потребностей в пище и минимальном благоустройстве жилища, закупка орудий производства и сырья для начала собственного дела [9, с. 299; 11, с. 85—100].

Второй проблемой, с которой приходится сталкиваться властям южно-азиатских стран, выступает наркоторговля. В 1-е десятилетие XXI в. Афганистан, Пакистан и Индия в совокупности производили больше всех в мире конопли, обойдя по данному показателю Марокко. Выращивание этой культуры по сей день является самым доходным занятием для жителей ряда стран, в том числе Афганистана. По всему региону наблюдается рост производства, транспортировки и потребления наркотиков и психотропных веществ. Низкий уровень

жизни, безработица, политическая нестабильность, отсутствие перспектив толкают людей к потреблению наркотиков. Наиболее пагубная ситуация в крупных городах. Особый всплеск наблюдается в Индии, Бангладеш и Непале. Так, в частности, индо-непальская граница превратилась в одну из главных артерий наркотрафика в Южной Азии [13].

Следующей проблемой, беспокоящей южно-азиатские государства, выступает безработица и низкий уровень жизни значительной части населения. Согласно данным Всемирного банка, в Южной Азии по данным на 2005 г. более 600 млн. чел. живет менее чем на 1,25 долл. США в сутки [16]. Доля бедных в общей массе населения в южно-азиатском регионе выше, чем в таких развивающихся континентах, как Африка и Латинская Америка. Только в Индии проживает 22 % всех нищих мира [17, р. 228].

В 5 из 7 государств южно-азиатских государств 23 % жителей, имея работу, относятся к нищему населению. Если к ним присовокупить тех, кто не трудоустроен, то каждый 4-й гражданин находится за гранью человеческого существования. Наиболее катастрофическая ситуация в Непале, где к таковым относится более 2/3 жителей [1, с. 55—58].

Во многом именно с безработицей и низким уровнем жизни связан рост террористической активности в регионе. У многих молодых людей нет иной возможности прокормить себя и свои семьи иначе, нежели вступить в ряды международного террористического сообщества.

Помимо указанных недугов, страны Южной Азии страдают от голода и нехватки чистой питьевой воды. Несмотря на определенные успехи в сельском хозяйстве и государственной политики в области продовольственной безопасности, люди по сей день ощущают дефицит в еде. Причин этому много, главная из которых дисбаланс в росте цен на базовые продукты и увеличении заработных плат. Голод усугубляет отсутствие доступа у значительной части населения к чистой воде. По различным оценкам, в среднем свыше 60 % жителей региона не пользуются водопроводом и канализацией, более 10 % не имеют свободного подхода к источникам питьевой воды. Подземные воды также не отличаются хорошим качеством и чистотой. Нередко вода служит источником различных болезней и эпидемий.

Ситуация осложняется распространением СПИДа, туберкулеза, холеры и иных заболеваний. Часть из них появляется в модифицированном виде, что осложняет профилактику и борьбу

с ними. СПИД сегодня стоит на 4-м месте в качестве причины смерти в мире. Он обладает значительной разрушительной мощностью не только по причине быстрого распространения и сложности профилактики, но и возможностью социального взрыва и политической нестабильности в силу наибольшей заболеваемости менее обеспеченных слоев граждан. Сегодня в Южной Азии проживает 13 % ВИЧ-инфицированных мира. В Индии, по данным на 2008 г., число больных СПИДом составило 5,1 млн. чел., но, по прогнозам спецслужб США, к 2010 г. должно возрасти почти в 4 раза и составить 20 млн. чел. [15]. В виду того, что страна имеет границы с Пакистаном, Бангладеш, Шри-Ланкой, Бутаном и Непалом, эти государства в скором времени ощутят всплеск заболеваемости.

Все чаще странам Южной Азии приходится сталкиваться с проблемами в области энергетики. Нехватка энергетических мощностей не только сдерживает экономический рост, но и не дает расти уровню жизни населения, значительная часть которого еще проживает без электричества, отопления и иных благ современной цивилизации. Южно-азиатские государства довольно скудно обеспечены классическими источниками энергоресурсов — нефтью, газом и углем. Гидроэнергетика не получила широкого распространения, в частности, из-за сложности размежевания водных ресурсов между странами. Атомная энергетика находится на весьма низком уровне развития.

Таким образом, рассмотренные нами проблемы, затрагивают в большей или меньшей степени все страны региона. Поэтому, для того, чтобы справиться с настоящими вызовами, необходимо объединение усилий всех стран Южной Азии. А от того, насколько это скоро это произойдет, зависит их будущее.

Список литературы:

1. Благополучие населения мира: Справочные таблицы и диаграммы / Сост. Г.Б. Ерусалимский. СПб, 2013.
2. Бэйлз К. Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. М., 2006.
3. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Россия-Индия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009.
4. Латфуллин Г.Р. Антитеррористический опыт Индии // Социально-гуманитарные знания, 2012, № 3.
5. Яковлев А.Ю. Глобальное и региональное противодействие терроризму (на примере ООН и СААРК) // Социально-гуманитарные знания, 2013, № 1.

6. Яковлев А.Ю. Индия. Террор во имя «социальной справедливости» // Азия и Африка сегодня, 2010, № 8.
7. Яковлев А.Ю. Индия: террор и антитеррор: Монография. М., 2012.
8. Яковлев А.Ю. Кашмир, региональная безопасность и индо-пакистанские отношения // *Ars administrandi*, 2011, № 4.
9. Яковлев А.Ю. Этнос и политика в Индии // Социально-гуманитарные знания, 2011, № 1.
10. Яковлев А.Ю. В поисках правой квалификации терроризма // Проблемы права, 2011, № 5.
11. Яковлев А.Ю. Системные сбои в государственном управлении и их последствия: исследование вопроса на примере Индии // *Ars administrandi*, 2012, № 1.
12. *Disaster Risk Reduction in South Asia* / Eds. P. Sahni and M.M. Ariyabandu. New Delhi, 2003.
13. Drug Use on the Rise, Say Narco Police // *The Himalayan Times*. 12.10.2012.
14. Gaiha R. and others. Natural Disasters in South Asia // ASARC Working Paper 2010/06 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://crawford.anu.edu.au/acde/asarc/pdf/papers/2010/WP2010_06.pdf (дата обращения 02.11.2013).
15. Hussain S.R. Non Tradition Security (NTS) Challenges in South Asia [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rsis-ntsasia.org/resources/publications/policy-briefs/inaugural-meeting/rcss.doc> (дата обращения 02.11.2013).
16. New Data Show 1.4 Billion Live On Less Than US\$1.25 A Day, But Progress Against Poverty Remains Strong // News Release № 2009/065/DEC [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTPOVERTY/0,,contentMDK:21881954~menuPK:336998~pagePK:64020865~piPK:149114~theSitePK:336992,00.html> (дата обращения 02.11.2013).
17. Singh P. *The Naxalite Movement in India*. New Delhi, 2006.

1.4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНДИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Бебрис Александр Олегович

*канд. экон. наук, доц.
каф. Общего менеджмента и предпринимательства
Московского государственного университета экономики,
статистики и информатики,
г. Москва
E-mail: sharethelight@ya.ru*

NATIONAL SECURITY IN INDIA (THEORETICAL ASPECTS)

Bebris Alexander

*Ph.D., Assoc. Department. General Management and Entrepreneurship
of the Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена теоретическим аспектам такого важного вопроса для каждого государства — национальной безопасности и его специфики в Индии. В начале статьи говорится о национальной безопасности в целом. Далее более детально рассматривается индийская проблематика. В конце делается логический вывод о том, что у Индии существует достаточно большое количество препятствий для построения эффективной системы национальной безопасности.

ABSTRACT

The work is devoted to the theoretical aspects of such an important issue for each state — national security and its specificity in India. In the beginning the article refers to the national security in general. Then the Indian problems are covered in more details. In the end there is a logical conclusion that India has quite a number of obstacles to an effective system of national security.

Ключевые слова: Индия; безопасность; национальная безопасность.

Keywords: India; security; national security.

В современном мире, полном опасностей, немалое значение уделяется вопросам национальной безопасности. Ближайшее будущее также вызывает беспокойство. Несмотря на это, практически отсутствует диалог о том, что значит «безопасность» и что образует ее содержание. Большинство людей считают ее обеспечение делом полиции и вооруженных сил. Гражданин может лишь ждать и бояться. Но это не совсем судачная позиция.

Национальная безопасность — приоритетное направление если не для всех, то, по крайней мере, для большинства народов мира [1; 3]. Безопасность личности создает основу счастья и свободы. То же верно и для групп лиц, и народов. Лишь полемизирующий народ будет обладать высоким моральным состоянием. Люди хотят просто чувствовать себя в безопасности, т. к. они не способны обеспечить свою защиту совместными действиями. Неоспоримо также то, что грамотное управление способствует развитию чувства удовлетворенности у граждан, которое помогает в сложный момент.

Профессиональная компетентность — фундамент национальной безопасности. Они идут вместе. Автор хочет разобрать данное, почти аксиоматическое утверждение, немного глубже через демократические постулаты.

Не может быть никаких сомнений в вопросе нашего желания жить при демократии. Данный аргумент определит, либо мы будем успешны в выборе, либо в эксперименте. Уровень нашей безопасности тесно связан с правильностью выбора. Необходимо развивать право гражданина говорить о сильно беспокоящем его, таком как идеалы, рождаемые в нас и, затем, обретающие общегосударственное значение. Стоит сослаться на ценности, заложенные в преамбуле конституции страны (в частности, Индии), а именно: справедливость, свобода, равенство и братство. Из них, стоит особенно выделить равенство, которое, пожалуй, наиболее полное и спорное из четырех принципов. Редкий ученый не подтвердит, что люди «созданы» равными, но в последствии обрели различия. Данное оставляет за личностью право утверждать, что он «сам себя сделал».

Тема равенства серьезный вопрос. В индийской демократии существует его взаимосвязь с безопасностью, и она считается чем-то полностью осмысленным. Отсутствие измеряемости в научном определении равенства, может также осложняет проблему.

Люди также не равны в их реализации равенства. Они действительно равны во многих базовых принципах, заложенных в идеи равноправия, но они не равны в этом. При взрослении человека в условиях плутократии, равенство отходит на задний план, в иной ситуации проявляется все, объединяющее нас, также как то небольшое, что разделяет. Каждый осознающий действительное содержание доктрины равенства, поймет и ее смысл, неявный, но неизменный, выходящий на поверхность в суровых условиях войны.

Армия, в основе которой лежит субординация, также имеет тенденцию к усилению равенства. Данное происходит в силу того, что какими бы не были правила или приказы, факты говорят о силе независимости. Если какой-либо человек не может раскрыть таинственность догмы равенства, он может проверить ее путем анализа следующей ситуации, когда два совершенно разных человека лежат на одном поле боя в страшных условиях войны ради спасения своей страны.

Демократическая дилемма находится в глубоком противоречии с идеей превосходства, как противоположности равенству. Это не сразу наводит на мысль о противоречивости в позициях демократов. Нелогичность не задумывавшегося гражданина оставляет немного шансов тому, что данное противоречие будет разрешено. Существует напряженность между требованиями равенства и потребностей в твердых гарантиях благосостоятельности свободного общества. Акцент на равенство спасает нас от удовлетворения посредственным. Ударение на равенство гуманизирует демократическое общество. Борьба двух подходов служит опорой демократического строя.

Настало время, когда люди стали осознавать, что не каждый вопрос имеет ответ и что необходимо научиться жить с некоторыми проблемами, не имеющих четкого ответа, в силу несовершенства этого мира. В преамбуле конституции содержится четвертая идея, братство, единственно способная сделать нас нацией. Право подкрепляет другие три — справедливость, свободу и равенство. Не существует способа законодательного закрепления понятия братства. Государство может принимать законы для предупреждения желания заполучить собственность моего соседа, но ни один нормативный акт гражданского права не может заставить меня любить соседа. Также является иллюзией, и предположение о том, что отсутствие братства приводит к «привязанности к любимой республике, которая вскормит свободу и создаст правильный образ жизни». Данное верно и для национальной безопасности.

Демократия дает права. Те, кто ими пользуются, забывают об ответственности, обязанностях и дисциплине, которые должны идти вместе с ними и не доставлять беспокойство другим гражданам. Взгляды граждан порождают привычки и способы нарушения закона, дорожных правил, правовых актов, охраняющих окружающую среду, обычность дачи взяток для решения своих вопросов. Это наносит ущерб, и было бы странно, если указанное не представляло опасности и не являлось пагубным для демократического строя. В конечном счете, приведенное выше разрушит национальную безопасность посредством морального разложения общества.

Как народ, индийцы не склонны заглядывать в историю, т. к. их культура говорит о том, что надо жить здесь и сейчас, все это лишь постановка и они лишь песчинка, попавшая на мгновение в это мир, недостойная упоминания о себе. Необходимо записывать для будущих поколений произошедшие события без дачи им оценки, это также поможет правильно оценить национальные интересы.

Индийская система национальной безопасности и осведомленность об угрозах не соответствует желаемой [2; 4; 8]. Если было бы иначе, то США одобрили включение Индии в Совет Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций. Но индийские власти вполне счастливы предложенным местом в реформируемом СБ без права вето. По этому поводу все пять великих держав единогласны, что, в частности, подтвердил Президент РФ В.В. Путин во время визита в Индию.

Автор сказал немало о национальной безопасности без дачи этому понятию определения. Стоит это сделать, прежде чем идти дальше. Автор попытается дать дефиницию национальной безопасности. Хотя данная задача не проста, но автор пробует распутать необходимые узлы и дать рациональное определение исследуемому явлению.

Это желание, склонность и способность суверенного государства защищать свои интересы, базируясь на географическом положении, экономическом потенциале, культуре, обычаях и истории.

Политика в области обеспечения безопасности требует одобрения населения, в таком случае, государство имеет возможность эффективно защищать себя, сплотить общество, и стать уважаемым, мощным и влиятельным. Время от времени, это обсуждается мировой общественностью в ряду других важных международных событий. Государство также должно защищать свои границы, лучше совместно с соседями. Продемонстрировать и доказать миру наличие внутреннего порядка и безопасности, базирующийся на букве закона, где политика способствует эффективному управлению и функционированию системы, что также улучшает отношения с соседями.

Политическим лидерам и гражданам необходимо поверить в национальную цель и судьбу. Без этого невозможно сделать так, чтобы национальная безопасность и благополучие стали синонимами.

Но до этого еще далеко. Между двумя наиболее многочисленными конфессиями остаются значительные разногласия, религиозные группы и племена с меньшей численностью не защищены и неудовлетворенны своим положением, неуверенны в будущем и перспективах, ожидающих их детей, в крайне сложной системе государственного устройства [5; 6; 8]. Север желает введения запретов на убийство коров. С другой стороны, юг хочет получать качественное образование, соприкоснуться с плодами технического прогресса и особенно жаждут использовать плоды информационной революцией. Одна часть смотрит назад, другая вперед в будущее. Ввиду вышесказанного можно заключить, что, несмотря на заложенные в конституции страны принципы и наличие ряда позитивных традиций у Индии осталось еще немало препятствий на пути построения эффективной системы национальной безопасности.

Список литературы:

1. Кулаков Д.А., Яковлев А.Ю. Вопросы обеспечения безопасности в административно-территориальном образовании // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций, — 2008, — № 1. — С. 53—60.
2. Латфуллин Г.Р. Антитеррористический опыт Индии // Социально-гуманитарные знания, — 2012, — № 3. — С. 366—268.
3. Яковлев А.Ю. В поисках правой квалификации терроризма // Проблемы права, — 2011, — № 5. — С. 178—181.
4. Яковлев А.Ю. Глобальное и региональное противодействие терроризму (на примере ООН и СААРК) // Социально-гуманитарные знания, — 2013, — № 1. — С. 110—122.
5. Яковлев А.Ю. Индия. Террор во имя «социальной справедливости» // Азия и Африка сегодня, — 2010, — № 8. — С. 30—35.
6. Яковлев А.Ю. Индия: террор и антитеррор: Монография. М.: Тривант, 2012. — С. 157—161.
7. Яковлев А.Ю. Кашмир, региональная безопасность и индо-пакистанские отношения // *Ars administrandi*, — 2011, — № 4. — С. 97—107.
8. Яковлев А.Ю. Этнос и политика в Индии // Социально-гуманитарные знания, — 2011, — № 1. — С. 294—307.

СЕКЦИЯ 2. СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

РОЛЬ ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ В ДОСУГЕ ЛЮДЕЙ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Ахалина Оксана Викторовна

*студент СурГПУ, менеджер социально-культурной деятельности,
г. Сургут
E-mail: aow.92@mail.ru*

Белошарка Геннадий Иванович

*канд. пед. наук,
доцент кафедры социально-художественного образования СурГПУ,
г. Сургут
E-mail: gbeloshapka@yandex.ru*

THE ROLE OF THEATRE AND MUSIC FESTIVAL IN LEISURE PEOPLE OF THE THIRD AGE

Akhalina Oksana Viktorowna

*student SurGPU, , manager of social and cultural activities,
Surgut*

Beloshapka Gennadiy Ivanovich

*candidate of pedagogical science, teacher СурГПУ,
Surgut*

АННОТАЦИЯ

В данной статье говорится об организации досуга людей третьего возраста, посредством проведения театрально-музыкального фестиваля. Авторы выявляют особенности формы театрально-музыкального фестиваля в организации досуга пожилых людей, благодаря которой раскрывается творческий потенциал пожилых людей, улучшается их душевное и психологическое состояние.

ABSTRACT

This article deals with the organization of leisure for people of the third age, through the conduct of theatre and music festival. The authors reveal the features of the forms of theatre and music festival in the organization of leisure of older people, thanks to which reveals the creative potential of older people, improving their mental and psychological state.

Ключевые слова: фестиваль; люди третьего возраста; социально-культурная деятельность; досуг.

Keywords: the festival; people of the third age; socio-cultural activities; leisure.

В первом десятилетии XXI века проблемы организации досуга для пожилых людей возбудили особый исследовательский интерес. В работах Шукиной Н.П., Грищенко Е.А., Холостовой Е.И., Красновой О.В., Гончаровой Г.Н. и др. раскрываются основные направления социально-культурной работы с пожилыми людьми в настоящий период [3].

По мнению А.Д. Жаркова человеческие контакты в процессе развлекательных мероприятий особенно позитивны для взаимного влияния, поскольку они происходят в условиях досуга, в непринужденной обстановке, когда наиболее свободный характер поведения располагает к взаимопониманию. Поэтому все виды и формы культурно-досуговой деятельности развиваются и совершенствуются на основе общения [2].

В настоящее время существует большое количество форм проведения досуга для пожилых людей. Для решения поставленной проблемы мы выделяем такую форму как театрально-музыкальный фестиваль.

Фестивалем является массовое празднество, в ходе которого происходит демонстрация достижений по таким направлениям, как музыка, киноискусство, театр, эстрада и др. Благодаря фестивалю удовлетворяется потребность в социальном общении пожилых людей, в общественной оценке проделанной работы, психологической

разрядке. Проведение подобных фестивалей оказывает значимое влияние на культурно-досуговое времяпрепровождение людей третьего возраста.

Мы согласны с А.Д. Жарковым, говоря о субъективной стороне общения в процессе проведения фестиваля, исходя из которой, может быть обусловлена оценка человека своей роли и места в социальной группе. Это напрямую связано с сопоставлением человеком своих личных качеств и оценкой своего общественного положения [2].

Следует отметить, что фестиваль как форма работы с пожилыми людьми достаточно актуален. Ведь решение проблемы продление активной жизни людей третьего возраста посредством творческой деятельности является важной задачей в организации досуга данной социальной группы.

Благодаря проведению театрально-музыкального фестиваля, раскрывается творческий потенциал пожилых людей, улучшается их душевное и психологическое состояние. И как следствие общение людей в условиях концертно-праздничной обстановки становится синтезом разнообразных интересов и эмоционально-эстетических компонентов. Разумеется, это сложный и многообразный процесс способствующий взаимопониманию и сопереживанию личностей, где коллективные переживания являются фактором эффекта наибольшей сопричастности к событиям фестиваля.

Об организационных аспектах проведения фестивалей упоминают такие авторы, как Д.М. Генкин «Организация и методика художественно-массовой работы», а также в учебном пособии «Массовые праздники»; А.И. Четин «Основы драматургии и театрального концерта»; О.И. Марков «Сценарно-режиссерские основы художественно-педагогической деятельности клуба»; Л.П. Шарапов и В.Г. Косяков «Методические рекомендации в помощи организации массовых мероприятий» и др.

В рамках нашего исследования мы выявили ряд особенностей в организации досуга людей третьего возраста посредством проведения театрально-музыкального фестиваля.

В программном содержании фестиваля целесообразно использовать методы и способы воздействия на все органы чувств участников. Например, следует выделить световое, звуковое и художественное оформление фестивальных программ. Это способствует, на наш взгляд, быстрому включению участников фестиваля в атмосферу действия.

Учитывая геронтологическое понятие «сексизм», как повышенный интерес к противоположному полу на фоне угасающих физиологических функций. Мы рекомендуем использовать в программах фестиваля такие

сюжеты, которые могут вызвать желание у пожилых людей нравиться, выглядеть привлекательно.

Использование в программе фестиваля театральной и музыкальной деятельности может действовать на пожилых людей терапевтически, где в процессе активизации их творческих сил, происходит выброс негативных чувств через эмоции.

С целью организации досуга людей третьего возраста нами был разработан проект театрально-музыкального фестиваля «Вдохновение», в рамках которого одной из задач инициативной группы являлась собрать как можно больше интервью, чтобы выяснить, как пожилые люди относятся к музыке и театру как искусству и могут ли они себя соотносить с театрально-музыкальной деятельностью, будучи в новом социальном статусе.

В связи с этим нами была разработана классификация вовлеченности человека в процесс театрально-музыкальной деятельности в геронтологическом центре города Сургута. В классификацию вошли следующие пункты:

1. Глубина вхождения в процесс театрально-музыкальной деятельности.
2. Уровень интереса человека к театру и музыки.
3. Уровень активности человека включенного в процесс театрально-музыкальной деятельности.
4. Степень осознанности обращения к театрально-музыкальной деятельности.
5. Мотивация участия человек в творческой деятельности.
6. Ролевой признак человека в процессе творческой деятельности по отношению с другими, как он проявляет себя как подчиненный, или как лидер, или все зависит от конкретного случая, и происходит смещение ролевого признака.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что такой тип досуговых программ, как театрально-музыкальный фестиваль, можно назвать интегративным. Он обуславливает освоение пожилыми людьми творческих умений и навыков, которые необходимы для проведения полноценного досуга и самостоятельной адаптации в геронтологическом учреждении.

Процесс творчества — это попытка передачи словами и музыкальными звуками своих ощущений. Вследствие чего жизненные проблемы, сливаясь с музыкой и театром, превращаются в образы. Таким образом, человек может прочувствовать «негативные» эмоции и избавиться от них. Вышесказанное убедительно доказывает,

что групповая театрално-музыкальная деятельность вызывает у пожилых людей чувство сплочённости и уверенности в жизни.

Список литературы:

1. Ариарский М.А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления / М.А. Ариарский. СПб.: Арт-студия «Концерт», 2008. — 791 с.
2. Жарков А.Д. Технология культурно-досуговой деятельности: Учебное пособие для студентов вузов культуры и искусств. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Изд-во МГУК, ИПО «Профиздат», 2002. — 288 с.
3. Щукина Н.П., Грищенко Е.А. Свободный доступ пожилых людей к социальным услугам как теоретическая и практическая проблема / Отечественный журнал социальной работы. — 2005. — № 1. — С. 29—33.

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Белова Надежда Юрьевна

*преподаватель физической культуры, филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Сибирский государственный университет путей сообщения»,
г. Новоалтайск*

E-mail: belovanadezhda20@yandex.ru

THE SOCIAL VALUE OF GYMNASIC AND SPORTING ACTIVITY IN SECONDARY VOCATIONAL SCHOOLS

Belova Nadezhda Yuryevna

*the teacher of physical culture, the branch of the Federal State budget
educational institution of higher professional education
"Siberian State transport University,
Novoaltajske*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные ценностные характеристики физкультурно-спортивной деятельности и ее значение в социологическом подходе к актуальной в настоящее время деятельности человеческой активности, заключающейся в востребованности физической культуры и спорта для воспитания личности студента средней профессиональной школы, в связи с чем ставятся дальнейшие задачи ее изучения.

ABSTRACT

In article the basic values of the characteristics of physical training and sports activity and its significance in the sociological approach to relevant current activities of human activity, namely the demand for physical culture and sports for the student's personality education of middle vocational school, in connection with which are further tasks of its study.

Ключевые слова: ценности; социальная деятельность; физкультурно-спортивная деятельность.

Keywords: values; social activities; sports and athletic activities.

Физкультурно-спортивная деятельность одно из специфических направлений деятельности человека, связанных с познанием его физиологии во всем многообразии, его места в системе общественных отношений, в живой природе. Она включает в себя характеристики, связанные с удовлетворением многообразных потребностей человека и общества. Поэтому физкультурно-спортивная деятельность, как любая деятельность в сфере культуры (литература, живопись, театр т. д.), имеет свою внутреннюю логику развития, неразрывно связанную с процессами, происходящими в обществе.

Эта деятельность позволяет выявлять новые аспекты сущности человека, поскольку она создает условия и предоставляет возможности для деятельности, через которую идет процесс социализации личности, перевод различных ценностей общества в плоскость внутреннего содержания человека. Многие молодые люди, поступившие в вуз, а в школе посещающие только уроки физкультуры, начинают пробовать свои силы в спортивных группах, то есть начинают интенсивно заниматься спортом. С одной стороны у студента происходит выработка социальных потребностей и установок, он начинает осваивать новые ценности. С другой стороны студент включается в активную деятельность в этой важной сфере социальной жизни студенческого общества, он превращается в участника коллективной деятельности.

Физкультурно-спортивная деятельность как социальная деятельность выступает способом существования, формирования личности. Насколько успешно развивается общество, настолько гармонична и физкультурно-спортивная деятельность. Многообразие и гармонизация деятельности определяют степень всесторонности и гармоничности развития личности. Односторонность и дисгармоничность общества определяют одномерность личности.

Физкультурно-спортивная деятельность в качестве общественного явления есть один из способов социальной деятельности. В качестве специфического способа деятельности, своеобразной формы общественных отношений физкультурно-спортивная деятельность направлена на всестороннее и гармоническое развитие личности, основывающейся на физическом совершенстве. Именно поэтому физкультурно-спортивная деятельность выступает одной из значимых форм социальной деятельности.

Основным видом деятельности человека является социально обусловленный, осознанный, целенаправленный труд. Особенностью труда в процессе физкультурно-спортивной деятельности является то, что ему присущи как признаки профессиональной спортивной деятельности (учитель физкультуры, тренер, методист по спорту, спортсмен-профессионал и др.), так и компонента любительского отношения к физической культуре и спорту в целях оздоровления, физической реабилитации и т. д.

В контексте социальной многопризнаковости физкультурно-спортивной деятельности следует выделить следующие компоненты: физкультурно-образовательный; физкультурно-спортивный; физкультурно-рекреационный; физкультурно-реабилитационный; физкультурно-адаптационный.

Как объект собственной деятельности человек является создателем самого себя в процессе самосовершенствования путем саморегуляции, основанной на результатах самопознания, включая физкультурно-спортивное самовоспитание.

Самосознание и самосовершенствование достигаются индивидом в процессе занятий физической культурой и спортом в силу того, что здесь всегда предусматривается конкретная и эмоционально привлекательная цель, связанная либо с укреплением здоровья, повышением работоспособности, улучшением общего самочувствия, либо с достижением более высокого спортивного мастерства [5].

Физкультурно-спортивная деятельность отвечает основным социальным потребностям нашего общества и является одним из важных средств развития и воспитания современного человека,

созидателя общественных благ и общества в целом. В этом и заключается основная ценность физкультурно-спортивной деятельности.

Как область социальной деятельности, физкультурно-спортивная деятельность помогает созданию материальных ценностей: дворцы спорта, бассейны, стадионы, лыжные базы, спортивный инвентарь и т. п. И в то же время, физкультурно-спортивная деятельность создает значительные духовные ценности — научные положения, теории, методы исследования. Формирует ценности организационно-управленческого плана — система управления, организация, руководство, кадры.

Физкультурно-спортивная деятельность способствует созданию культурных и духовных ценностей. В этой сфере реализуется одна из главных социальных потребностей — потребности в непосредственном общении с людьми. А это формирует ценностные ориентиры и идеалы личности. Следовательно, физкультурно-спортивную деятельность можно отнести к тем видам деятельности, через которые личность проявляет свои ценности и развивает их. В данном контексте ценности могут развиваться в форме улучшения здоровья, физического совершенствования, либо в виде конкретных результатов (установление личного рекорда, занятого места), либо опосредовано — в виде повышения результатов трудовой деятельности, общей воспитанности и культуры человека.

Быть здоровым — естественное стремление человека. А главный признак здорового образа жизни — регулярная физическая активность. Как же увлечь студентов занятиями физической культурой, сформировать привычку самостоятельно регулярно заниматься физическими упражнениями?

Одной из главных задач физического воспитания в вузе является профессионально-прикладная физическая подготовка к труду, способствующая развитию физических и психических качеств, двигательных навыков применительно к профилю приобретаемой профессии. Для решения данной задачи следует подготовить организм соответственно особенностям избранного вида труда, развить и укрепить необходимые органы и системы, наладить совершенную координацию в их работе. Эффективность использования специальной физической подготовки зависит от своевременного включения соответствующих физических упражнений в физический процесс.

Главное условие укрепления глубоких прочных изменений в организме (адаптационные изменения) — систематическое и длительное выполнение этих упражнений. По данным ученых

специальная физическая подготовка приобретает ежедневной тренировкой на протяжении длительного времени.

Группы профессий отличаются друг от друга, и, чтобы определить, какие качества выделить как профессионально важные, достаточно хорошо знать содержание профессий.

В настоящее время, по новым стандартам, половина часов «по программе физическая культура» в системе СПО отдана студентам на самостоятельную работу. И появилась проблема мотивации студентов к самостоятельным занятиям физической культурой. Для решения этой проблемы в нашем учебном заведении используется метод постоянных тестов по профессионально-прикладной физической подготовке. Основным отличием этого метода является то, что он позволяет оценивать не только динамику изменения уровня физической подготовленности, но и степень овладения упражнениями, отвечающих за развитие профессионально-прикладных качеств.

Основная цель, поставленная перед каждым учащимся — улучшить свои адаптационные возможности к будущей профессии. У каждого студента есть карточка постоянных тестов по ППФП (профессионально-прикладная физическая подготовка). Программа тестов включает в себя несложные, но довольно важные физические упражнения, поскольку они рассчитаны на развитие определенных двигательных качеств и укрепления основных групп мышц и носят прикладной характер. Студенты занимаются самостоятельно. Два раза в семестр, согласно календарно-тематическому планированию, осуществляется контрольное тестирование на занятиях физической культурой. Тестирование по ППФП проводится в течение всего времени обучения (один-два раза в каждом семестре).

Физическая подготовленность — важный компонент здоровья, а ее улучшение — одна из главных задач физического воспитания в учебных заведениях. На основании тестирования по ППФП в относительно короткие сроки можно получить информацию о физической подготовленности студента, планировать подходы, определять стратегию и тактику по улучшению физической подготовки в современных условиях. При использовании данной методики, у студентов появился живой интерес к самостоятельным занятиям физической культурой. Также при использовании данного вида тестирования, повышается культура труда студентов: умение доводить начатое дело до конца; забота о количественных и качественных результатах труда; умение продуктивно и эффективно работать (выполнять намеченное в отведенные, планируемые сроки); умение продумывать организацию своего труда.

В спортивной жизни ссуза главным фактором является внеурочная работа, которая ведется в двух направлениях: занятия студентов в группах спортивного мастерства и участие в спортивно-массовых мероприятиях. Привлечение студентов в группы спортивного мастерства — одно из приоритетных направлений работы преподавательского состава кафедры физической культуры.

Так как спортивная деятельность раскрывает силы человека на предельных и субпредельных уровнях, происходит накопление опыта о резервных возможностях человечества. Установление рекорда есть не что иное, как интегративное проявление сущностных сил не только одного человека, но и команды, а в известном смысле общества и даже человечества. Рекордсмен как бы «персонифицирует» в себе общество, поскольку рекорд есть плод объединенного творчества многих людей и интеграции этого творчества в действия личности. И за каждым новым рекордом будут стоять многие годы борьбы, поисков, проб и ошибок [6].

Результаты творчества в сфере физкультуры и спорта проявляются не только в установлении рекордов, но и в разработке новой техники, тактики спортивной борьбы, создании новых спортивных снарядов. Также значимыми и интересными событиями являются подготовка и проведение спортивно-массовых мероприятий: спартакиада внутри учебного заведения; спортивные праздники; товарищеские встречи между студентами и преподавателями и т. д. С каждым годом, количество студентов, принимающих участие во внеурочных мероприятиях, увеличивается, это свидетельствует о возрастании интереса студентов к физической культуре личности, появлению целевой установки на здоровый образ жизни.

В физкультурно-спортивной деятельности выделяются определенные группы ценностей:

1. Функциональное содержание спорта, сама деятельность, эмоциональная составляющая;
2. Коммуникативность (общение);
3. Красота (зрелищность спорта);
4. Физическое «Я» (здоровье, телосложение, физические качества);
5. Материальные ценности (премиальные, призовые, участие в рекламе, заработная плата);
6. Досуг;
7. Знания;
8. Социальное признание и авторитет;
9. Волевые качества;

10. Самоактуализация (испытание своих сил, стремление использовать свои способности);

11. Полезность другим (чувство необходимости для других).

Для выяснения ценностных ориентаций и отношения к физкультурно-спортивной деятельности, провели опрос у студентов, занимающихся в спортивных группах. В опросе участвовали 80 студентов-спортсменов. Проанализировав полученные ответы, пришли к следующим результатам: 60 % опрошенных выбрали следующее: досуг, физическое «Я», функциональное содержание спорта, волевые качества и самоактуализация, общение (в основном такой выбор сделали студенты, которые только начали заниматься спортом); 30 % выбрали: материальные ценности, социальное признание и авторитет (это студенты, которые достигли более высоких спортивных результатов, занимающиеся не по одному году, входящие в составы сборных команд ссуза); из числа опрошенных студентов-спортсменов, среди, которых 10 % девушек, выбрали: полезность другим.

Все это говорит о том, что физические кондиции, физическая подготовленность повышают жизнеспособность личности студента, что в свою очередь обеспечивает наиболее возвышенную ценность физкультурно-спортивной деятельности. Что позволяет использовать эту деятельность в качестве действенного средства удовлетворения биологических и социальных потребностей студента и культурных запросов общества.

Физкультурно-спортивная деятельность, как многопризнаковый объект, выступает способом социализации и формирования личности. Насколько успешно развивается общество, настолько гармоничен этот вид человеческой активности. И напротив насколько односторонне и дисгармонично общество, настолько одномерна личность [5].

Как общественное явление, физкультурно-спортивная деятельность есть один из способов социальной, специфической деятельности многопризнакового характера в форме общественных отношений. Физкультурно-спортивная деятельность направлена на всестороннее и гармоничное развитие личности, особенно на процесс ее физического совершенства. Поэтому эта область деятельности индивида выступает одной из форм социализации личности.

Таким образом, становится ясно насколько большое место в жизни человека, а тем более студента, занимает физкультурно-спортивная деятельность. Поэтому ее изучение, разработка новых методик должны способствовать активному вовлечению большего числа людей в ее процесс.

Чтобы понять пути совершенствования физкультурно-спортивной деятельности, надо уточнить ее роль в процессе социализации студента и значение тренера, его творческих способностей, данная проблема будет рассмотрена в следующих статьях.

Список литературы:

1. Дельцова Т.Ю. Институт спорта в системе формирования ценностных ориентаций молодежи: Автореф. дис. канд. соц. наук. Пенза, 2007. — 183 с.
2. Ковалева А.И. Социализация личности. Норма и отклонение. М., 1996. — 223 с.
3. Лях В.И. Тесты в физическом воспитании школьников. М.: АСТ, 1998. — 272 с.
4. Мильштейн О.А. Социальные проблемы формирования личности в спорте // Лекция для студентов институтов физ. культуры. М., 1980. — 46 с.
5. Мелёхин В.А. Социология физкультурно-спортивной сферы: история теории, содержание: монография канд. соц. наук, доц. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. — С. 127, — С. 133. — 204 с.
6. Рогалева Л.Н. Влияние спорта и установок тренера на личность юного спортсмена: дис. канд. псих. наук. М., 1999. — С. 1—17. — 145 с.
7. Смирнов Н.Г. Физическая культура как фактор социального развития личности в современном российском обществе: Автореф. канд. дис., СПб., 1995. — 19 с.
8. Столяров В.И. Социальные проблемы спорта // Философские науки. — 1980, — № 4. — С. 51—57.

СЕКЦИЯ 3.
ФИЛОСОФИЯ

**3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**УНИВЕРСАЛИИ «ВИНА» И «СТЫД»
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

Данилова Юлиана Николаевна
аспирантка КГУ,
г. Курган
E-mail: uriko73@mail.ru

**THE UNIVERSALS A «GUILT» AND «SHAME»
IN THE HUMAN'S SCIENCES**

Uliana Danilova
post-graduate student of Kurgan State University,
Kurgan

АННОТАЦИЯ

Данная статья раскрывает проблему универсалий вина и стыд в гуманитарных науках — психологии, этике, культурологии и лингвокультурологии. Они определяются как переживания, моральные чувства, понятия языка и культуры. Все это говорит о наддисциплинарном характере этих универсалий.

ABSTRACT

Given article considers a problem of universals a guilt and shame in the human's sciences — a psychology, ethics, culturology and linguistics culturology. They to determine as emotion, morals sense and notion of

language and culture. All this speak about ondiscipline character these universals.

Ключевые слова: универсалии; вина; стыд; психология; этика; культурология; лингвокультурология.

Keywords: universals; guilt; shame; psychology; ethics; culturology; linguistics culturology.

Понятия «вина» и «стыд» имеют наддисциплинарный характер и выступают в качестве объектов исследования в ряде таких гуманитарных дисциплин, как психология, этика, культурология, лингвокультурология. Философский вывод относительно этих исследований позволяет создать целостный образ человека как личности, творца культурных ценностей.

Отечественные психологи придерживаются традиционного взгляда на вину и стыд, соотнося вину с совестью, а стыд со страхом. В.П. Ильин утверждает, что «вина является сложным психологическим феноменом, тесно связанным с таким моральным качеством, как совесть» [8], и считает неправильным отождествление вины и стыда, вины и страха. Переживания стыда и страха не свидетельствуют о переживании вины и угрызениях совести, с которой вина тесно связана. Суть заключается не во внешнем наказании и не в страхе, а в том, что переживание вины, угрызение совести само по себе является наказанием для человека. *Относительно стыда психолог* утверждает, что он является одной из сильных эмоций, испытываемых человеком и поглощающим его полностью, и, рассуждая о его природе, признает, что «стыд», скорее всего, является социальной эмоцией, связан со страхом и тревогой.

В психологии сложились две точки зрения на происхождение вины. Представители первой (К. Изард, О. Маурер, Л.П. Гримак и др.) полагают, что интериоризация индивидами этических норм имеет биологическую основу, которая возникла в ходе эволюции нервной системы человека. Изард [7, с. 370—371] рассматривает вину как реализацию побуждений совести, считая ее эмоцией, сформировавшейся эволюционным образом. По мнению Гримака и О.С. Кордобовского [5, с. 40—47], оценочные функции совести превращаются в побудительные стимулы благодаря двум видам нервных механизмов, сформировавшихся в антропогенезе. Со второй точки зрения, переживание вины связано со становлением человека в процессе индивидуальной социализации.

Согласно позиции З. Фрейда, законы права и нормы религии, призванные ограничивать «агрессивные первичные позывы человека», не всегда справляются с поставленной перед ними задачей. В ином случае судьей над поступками человека выступает внутренний судья — совесть (у Фрейда Сверх-Я), имеющая двухуровневый характер: внешний — стыд и внутренний — вина. Фрейд считает совесть эффективным средством в борьбе с агрессивной природой человека: «Это авторитетная инстанция через создание «Сверх-Я» переносится вовнутрь. Тогда феномены совести поднимаются на иную ступень; по существу, только тогда и следовало бы говорить о совести и о чувстве вины. Тут уже отпадает страх перед раскрытием и, следовательно, различие между совершением зла и желанием зла, так как от «Сверх-Я» ничего не может быть скрыто, даже в мысли» [17, с. 491—492]. Тем самым у человека имеются два источника вины - страх перед авторитетом и более поздний страх пред «Сверх-Я»: один требует отказаться от агрессивных намерений и действий, а другой призывает человека к самонаказанию.

Психоанализ определяет «стыд» как защитную реакцию, связанную с раскрытием влечений и нарциссических устремлений и неудавшейся попыткой их реализовать. Это парализующая, устраняющая и подавляющая реакция, связанная с неудачей попытки получить одобряющую реципрокность (взаимность) [14]. Он является сильной защитной реакцией, связанной с нереализованным стремлением к взаимодействию и одобрению окружающих.

Экзистенциальная психология возвела вину на уровень мировоззренческой, философской категории. В экзистенциальной психологии принято было разводить понятие невротической вины и экзистенциальной вины. Критикуя представителей психоанализа, в частности Фрейда, за то, что те выводили вину из нарушения табу и общественных норм, экзистенциалисты признают онтологический статус вины. М. Бубер указывает, что необходимо «рассматривать вину как нечто, имеющее бытийный характер и существующее не в душе, а в бытии» [1]. В. Франкл отмечает, что «вина» способствует обесцениванию ценностей, лишает жизнь смысла. Р. Мэй выделяет три формы экзистенциальной вины: первая возникает вследствие недостаточной самореализации человека, вторая является результатом одиночества и отсутствия единства с другим, третья происходит из-за утраты связи с природой и Абсолютом. Экзистенциальные психологи уверены, что, будучи связанной с человеческой природой, «вина» является изначальной и абсолютной, она возникла вследствие деструктивности существования человека.

Представители этики говорят о том, что если жизнедеятельность остальных живых существ заранее запрограммирована, содержит свою норму в себе, то человек был вынужден создать среду своего обитания и заботиться о ее сохранении, в связи с чем им были введены особые ограничения в поведении, среди которых важную роль играли этические нормы. Следование моральным ценностям воспринимается человеком как долг, а неисполнение долга переживается как вина и проявляется в укорах совести: «Вина есть состояние человека, обусловленное нарушением им долга, требований авторитета, обязанностей, накладываемых законом или соглашением» [20, с. 67]. Она есть некий ответ на нарушение моральных норм, требований или соглашений, и если данного нарушения нет, то у человека отсутствует повод испытывать чувство вины. Без вины совести невозможно проявить себя, напомнить о своём существовании. Совесть независима от мнения окружающих, и этим она отличается от другого внутреннего контрольного механизма — стыда. «Стыд» в этике понимается как нравственное явление, наряду с виной, гневом, обидой и страхом, имеющее определенную негативную направленность: «Стыд есть чувство, выражающее осознание человеком своего... несоответствия принятым в данной среде нормам или предполагаемым ожиданиям» [20, с. 476]. «Стыд» имеет нравственную основу и является побудителем совести, одной из ярких форм ее эмоционального выражения, именно в стыде обнаруживается эмоциональный характер совести. Для вины и стыда как этических понятий категория совесть выступает, как подчеркивал Я.А. Мильнер-Иринин, идеальной природой человека, субъективным началом нравственности [11]. Вина представляет собой переживание, финальный этап проявления совести, где совесть выступает как стыд перед самим собой. Чувство стыда наступает либо одновременно, либо до появления мук совести. Таким образом, вина и стыд являются этапами становления совести.

Культурология представляет собой науку, занимающуюся исследованием исторических явлений культуры и выявлением их универсальных закономерностей. В каждую историческую эпоху в том или ином обществе существуют нормы и ценности, составляющие каркас культуры, присутствующие в жизни в явной или неявной форме, откладываясь в сознании и проявляясь в поведении. Среди них особое значение имеет такая культурная ценность как совесть и тесно связанные с ней чувства вины и стыда. Под совестью в культурологии принято понимать «способность человека, критически оценивая свои поступки, мысли, желания, осознавать и переживать свое несоответствие

должному — неисполненность долга» [10, с. 798]. Субъективно совесть можно считать чужим голосом внутри человека, голосом Бога или голосом значимых других, перенесенным во внутренний мир личности. В отличие от таких аффектов как страх, агрессия, являющихся общими для человека и большинства живых существ, «стыд» и «вина» трактуются в культурологии как окультуренные эмоции, сформировавшиеся в результате социогенеза. «Стыд» принято определять как «внутренний контрольный механизм; осознание человеком своего несоответствия принятым нормам» [10, с. 818—819]. Чувства вины и стыда помогают лучше раскрыть соотношение субъективного и объективного в человеке, ибо, совершая тот или иной поступок, тот ориентируется, прежде всего, на оценку со стороны окружающих, которая, в свою очередь, может вызвать в нем глубокие душевные переживания. Рассмотрение стыда и вины в культурологическом контексте позволяет проследить динамику их развития, преодолеть противопоставление культур, утверждающее невозможность полноценного диалога между ними.

Феномены совести, вины и стыда исследуются и в лингвокультурологии. Исследование универсалий «вина» и «стыд» в разных культурах может осуществляться через изучение толкований данных лексем в различных типах словарей, а также посредством изучения фольклорных и художественных текстов. Лексемы «вина» и «стыд» рассматриваются в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, «Этимологическом словаре русского языка» А.П. Преображенского, «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных и «Этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского. Фасмер определяет «вину» как причину или основание, проводит параллели данной лексемы с украинским *вина́*, болгарским *вина́*, чешским *vina* («ошибка»), указывает его родство с литовским *vaipa* («ошибка»), латвийским *vindex* («мститель», «назначающий пеню»). Преображенский относит лексему «вина» к группе «вой-» (война, воин), старославянскому *вѣзѣ* — *вить*, добыча, прибыль, лихва (сравнить с латвийским *vepor* — «охочусь», «гоню»). Черных считает, что лексема «вина» восходит к праславянской форме слова *vina*, образовавшейся от формы *vĕna*, что может обозначать «гнать», «преследовать», «вызывать страх» [18, с. 151]. В словаре Шанского сказано, что лексема «вина» образована при помощи суффикса «-на» от старославянского *вѣзвить* — «добыча», «война», «воин» [19, с. 81]. Можно прийти к выводу, что под виной все эти исследователи понимают переживание ошибочности или неправильности поведения, преследующее человека и заставляющее испытывать чувство

греховности. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» связывает слова «стыд» и «студа» и сравнивает их со словенским *stûd* («отвращение») и чешским *stydětise* («стыдиться») [16, с. 789]. Фасмер считает, что лексема «стыд» имеет своим основанием слово «студ» (со звуковым изменением, перегласовкой у/ы, сравнить с мороз — мерзкий) и связывает его со словами остуда (досаждение), студень, студенца (ключ, колодец). Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» производит лексему «стыд» от слов «студ», «студенца», «стыть» и считает, что «стыд» и его производные имеют ту же основу, что и церковнославянское слово студодействие, студодеянье (непотребство), а именно — древнерусское слово *студь* [13, с. 410]. Шанский в «Этимологическом словаре русского языка» пишет, что такие слова как «срам» и «позор» являются переносными, развившимися от слов «холод», «студь», «студить» [19, с. 430]. Все они сходятся во взглядах на «стыд», что он представляет собой внешнюю оценку его как срама.

Лексемы «вина» и «стыд» присутствуют в языковой картине мира восточных стран, таких как Япония, и широко представлены в словарях по общей лексике. В «Русско-японском словаре» С.Ф. Зарубина, А.М. Рожецкина можно встретить несколько близких по значению к цуми («вина») слов: сэкининся — «виновник» («ответственный»), юдзай — «виновность», цуми-но уму (в словосочетании «невьясненное наличие вины») [6, с. 69]. В «Японско-русском словаре» (под ред. Н.И. Фельдмана) отмечается, что «цуми» может означать также «проступок», «преступление» (цуми-но окасу — «совершать преступление»). Оно также входит в состав других лексем: цумиагэру («нагромождать»), цумитатэру («накапливать»), цумору («скапливаться»), цумихоробоси («искупление») [21, с. 786—787]. Под «виной» в японском языке принято понимать то, что способно накапливаться (в душе человека) со временем, лежать тяжелым грузом на его совести; то, что требует ответственности, признания, искупления или наказания (цуми-но суру — «карать»); то, что унижительно. Лексема «стыд» нашла в японском языке широкое применение в виде слов хадзи (а также тидзёку, сюти) — в выражениях «к стыду своему», «сгорать от стыда», а также производных от него: когото («стыдить»), хадзи-о («стыдиться», «стесняться»), вару («стыдливо», «скромно», «застенчиво»), тидзёкукан («стыдливость»). Вину принято связывать с ответственностью, преступлением, требующим искупления, а стыд является чувством, проявляющимся в поведении человека, выступающим ответной реакцией на осуждение окружающих, заставляющим действовать более осмотрительно.

В английском языке есть несколько существительных, означающих «вину» — *guilt, fault, blame*. В Русско-английском юридическом словаре [15] представлены выражения, подтверждающие широкое употребление слов *guilt, fault, blame* в правовых (юридических) текстах: *to assign a guilt* («инкриминировать вину»), *to be presumed innocent until proved guilty according to law* («считаться невиновным, пока вина не будет доказана в установленном законом порядке»), *consideration of the victims fault* («учет вины пострадавшего»). В «Большом русско-немецком словаре» [3] по общей лексике универсалия «вина» определена лексемой *schuld*, которая употребляется в немецком языке в двух значениях — «вина» и «долг», а также «задолженность» и «обязательство», что свидетельствуют о том, что в немецком языке широко распространено употребление слова «вина» в правовом контексте: *mortifizieren* («погашать долг»), *fuer die Nichtbezahlung der Schuld* («за неуплату долга»), *die Schuld abzuschreiben* («списывать долг»). Лексема «вина» представлена во французском языке словами *faute* и *tort*. В «Большом русско-французском словаре» [4] приводятся выражения, в которых они используются в значениях «вина», «ошибка», «прегрешение», «промах», «проступок», юр. «неумышленная вина». Также лексема *faute* используется в значении «изъян», «недостаток» (*faire faute*). «Вина», согласно словарям, есть прегрешение, проступок требующий искупления, некое обязательство человека перед собой и другими.

В «Русско-английском словаре» [2] по общей лексике лексема «стыд» представлена лексемой *shame*, и приводятся следующие примеры ее использования: *to burn with shame* («сгореть со стыда»), *to have no conscience at all* («нет ни стыда, ни совести»). Лексема *shame* в английском языке может быть также использована в значении позор, бесчестье: *to bring shame upon to somebody* («бросать тень на кого-либо») или в значении «досада», «неприятность». В «Большом русско-немецком словаре» [3] по общей лексике мы находим лексемы *scham* и *schande*, употребляемые в значении «стыд», «стыдливость» и «позор». В немецком языке слово «стыд» больше связано с личностными характеристиками человека, переживанием им собственных поступков: *zu meiner schande* («к моему стыду»), *nicht zu wissen, wohin von der scham eingetan zu werden* («не знать, куда деться от стыда»). Слово «стыд» представлено во французском языке лексемами *honte* и *rudeur*, последняя также может быть употреблена в значении «стыдливость», «сдержанность», «застенчивость». В «Большом русско-французском словаре» [4] приведены следующие устойчивые выражения, в которых использованы данные лексемы: *fausse honte*

(«ложный стыд»), avoir toute honte bue («отбросить стыд»), á ma honte («к моему стыду»). В Новом французско-русском словаре [12] указано выражение, в котором лексема *pudeur* использована в юридическом значении — *attentat á la pudeur* («бесстыдное действие, преследуемое законом»). В данных словарях больше подчеркивается эмоционально-оценочная составляющая стыда и его юридическое значение.

Обращение к анализу энциклопедических, толковых и этимологических словарей позволяет обнаружить понятийную, образную и ценностную стороны универсалий «вина» и «стыд». Их *понятийную сторону* составляют осознание человеком ошибочности собственных действий, а также наказание за ошибки или же их прощение. *Образную сторону* описываемых универсалий представляют собой устойчивые ассоциации вины с некой сущностью, что заставляет испытывать физические неудобства, преследует человека. *Ценностную сторону* составляет оценочное отношение к переживанию вины индивидом и, в частности, оценочные характеристики ее последствий. Анализ лексем «вина» и «стыд» в данных типах словарей позволяет выявить сходство и различие в их происхождении, объяснить причины и способы их использования и сделать вывод, что данные лексемы присутствуют почти во всех языковых картинах мира, имеют сходное толкование и способы применения.

Рассмотрение фольклорных произведений свидетельствует, что в русском языке чаще используется лексема «вина», она имеет преимущественно этико-религиозное значение, истолковывается не как преступление, за которое надо нести правовое наказание, а как грех, который может быть прощен. В европейских языках лексема «вина» характеризует самооценку, которую человек дает своим действиям. Эта лексема часто имеет юридически-правовое значение и используется в правовом контексте. В.В. Колесов пишет о западном менталитете, что на Западе «человек чести связан с законами долга, наложенными на него обществом... герои западной литературы живут понятиями чести... У европейца границы свободы определены долгом» [9].

При выявлении ценностной составляющей большое внимание уделяется изучению паремий и метафор, пронизывающих язык и культуру, которые можно назвать «универсалиями сознания». В пословицах и поговорках в русском языке «вина» связывается с грехом, раскаянием, наказанием, а «стыд» — с долгом и совестью. В западных языках вина может пониматься как честь, долг, слава, совесть, а поговорки о стыде немногочисленны. В восточных языках (японский) под виной понимается страх осуждения, потеря репутации,

презрение, а под стыдом — долг, осуждение, презрение, т. е. не делается различий между универсалиями «вина» и «стыд». Таким образом, универсалии «вина», «стыд», «совесть» исследуются в гуманитарных науках (психология, этика, культурология, лингвокультурология), через призму предмета данных наук, как, соответственно, психические переживания, моральные чувства, выражение менталитета народов и лексемы, связывающие язык и культуру.

Список литературы:

1. Белинская Е.В. Подход экзистенциальной психологии к пониманию вины // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// rasstanovki-rostov.ru](http://rasstanovki-rostov.ru) (дата обращения 23.06.2013).
2. Большой русско-английский словарь // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// slovari.yandex.ru](http://slovari.yandex.ru) (дата обращения 12.06.2013).
3. Большой русско-немецкий словарь // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// slovari.yandex.ru](http://slovari.yandex.ru) (дата обращения 12.06.2013).
4. Большой русско-французский словарь // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// slovari.yandex.ru](http://slovari.yandex.ru) (дата обращения 12.06.2013).
5. Гримак Л.П., Кордобовский О.С. Совесть — эволюционно сложившийся вид // Человек. 2003. № 4.
6. Зарубин С.Ф., Рожецкий А.М. Русско-японский словарь. М.: «Русский язык», 1988. — 896 с.
7. Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. — 439 с.
8. Ильин В.П. Эмоции и чувства // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// www/ alleng.ru](http://www/alleng.ru) (дата обращения 12.07.2013).
9. Колесов В.В. Честь и совесть. Русская ментальность в языке и тексте // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bibliofond.ru> (дата обращения 11.08.2013).
10. Культура и культурология. Словарь. М.: Академический Проект, 2003. — 927 с.
11. Мильнер-Иринин Я.А. Понятие о природе человека и его место в составе науки этики // Вопросы философии. 1987. № 5.
12. Новый французско-русский словарь // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 12.06.2013).
13. Преображенский А.П. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1959. — 39 с. изд. листов.
14. Происхождение стыда и его проявления // Рехард Э., Иконен П. // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://psyjournal.ru> (дата обращения 14.06.2013).

15. Русско-английский юридический словарь // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// slovari.yandex.ru](http://slovari.yandex.ru) (дата обращения 12.06.2013).
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: «Прогресс», 1971. — 827 с.
17. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // З. Фрейд. Основной инстинкт. М.:Олимп,1997. — 656 с.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз.,1999. — 624 с.
19. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: «Просвещение», 1971. — 542 с.
20. Этика. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. — 671 с.
21. Японско-русский словарь // Под ред. Фельдмана Н.И. М.,1951. — 65 уч. изд. листов.

О СУЩНОСТНОМ СВОЕОБРАЗИИ ФИЛОСОФИИ

Михайлов Михаил Иванович

*д-р филос. наук, д-р филол. наук, профессор
Нижегородского государственного педагогического университета
им. К. Минина,
г. Нижний Новгород
E-mail: gigara@mail.ru*

ABOUT THE ESSENTIAL PECULIARITY OF PHILOSOPHY

Mikhail Mikhailov

*professor, doctor of philosophical sciences, doctor of philological sciences,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, professor of chair
of philosophy and theology,
Nizhny Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию существенных сторон и особенностей философии. Выделяются и раскрываются три уровня

(среза) философии: 1) философия как *познание*; 2) философия как *отношение* и 3) философия как *творчество*. Обращается внимание на соотношение философии и других форм общественного сознания.

Методы научного исследования: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение.

Автор приходит к выводу, что философию нельзя изолировать от науки, но вместе с тем ее нельзя сводить к *научной* философии. Как явление творчества философия находится ближе всего к искусству.

ABSTRACT

The article is devoted to the disclosure of the essential aspects and features of philosophy. Three levels (cuts) of philosophy are allocated and revealed: 1. philosophy as cognition; 2. philosophy as relation; 3. philosophy as creativity. Attention is drawn to the correlation between philosophy and other forms of public consciousness.

Methods: analysis, synthesis, abstraction, generalization.

Conclusion: philosophy cannot be isolated from the science, however, it is impossible to reduce it to scientific philosophy. As a phenomenon of creativity philosophy is closest to art.

Ключевые слова: философия; познание; отношение; творчество; наука; искусство.

Keywords: philosophy, cognition, relation, creativity, science, art.

Обращаясь к раскрытию темы, вынесенной в заголовок статьи, целесообразно задаться вопросом: является философия наукой? Ответы на него существуют разные: от отождествления философии и науки [5, с. 48, 55] до их резкого противопоставления [2, с. 26]. Особый интерес тут представляет суждение П.С. Гуревича: «Философия имеет такие черты, которых нет у науки. Можно, вероятно, говорить о том, что у философии есть признаки науки, точнее сказать — научности, что она руководствуется научными критериями. Но для того, чтобы понять философию, необходимо помнить о ее своеобразии, отличии от науки. Философия в целом относится к гуманитарному знанию, т.е. знанию о человеке, человеческом духе, человечестве» [3, с. 26].

На наш взгляд, философия и наука имеют много общего. В то же время нельзя не видеть и их существенного различия.

Что же сближает, роднит философию и науку? Прежде всего и главным образом то, что философия, как и наука, является формой *познания* мира, а это значит, что в своей значительной части она,

под стать науке, базируется на знании. Отсюда она предстает как *миропонимание*.

Соответственно этому философия, начиная с античности, как правило, пользуется категориальным аппаратом, а порою дает знания о мире на уровне законов (к примеру, законов диалектики). Это особенно характерно для марксистской философии.

Разумеется, философское знание, по сравнению с научным, по своей природе и содержанию весьма специфично. Дело в том, что если научное знание носит частный характер, то философское — *обобщенный*. Другими словами, если наука дает знания, касающиеся отдельных сторон, граней мироздания и человеческого бытия, то философия, опираясь на эти частные знания, дает нам обобщенные представления о мире и о человеке как части мира. Но это с одной стороны.

С другой, нельзя отрицать того, что развитие частных наук в значительной мере зависит от философии (как обобщенно-теоретического миропонимания), ибо научное познание не может успешно осуществляться вне опоры на общее, общую картину мира (природы и общества), которую дает философия. Во всем этом философия являет себя по отношению к частным, в том числе общественным, наукам в качестве *методологии*.

Вместе с тем философия и наука — это не только «одного поля ягоды», но и принципиально, качественно разные вещи. В чем же это проявляется?

Прежде всего, следует признать, что философия имеет дело не только с познанием мира (а также человека как части мира), иначе, с созданием общей картины, образа мира, но и с *отношением* самого философа как человека к этому миру, главным образом социальному миру, которое реализуется в его произведениях. В основе своей это отношение — отрицательное, критическое, т. е. отношение, наполненное чувством, «пафосом» неприятия мира в силу его падшести и несовершенства. Пожалуй, наиболее ярким выражением неприятия существующего мира является философия Ф. Ницше.

Пафос критического отношения философа к миру (социальному миру) выражается в его трудах в том, что идеи, высказанные им, — это не просто идеи (как некие абстракции), а идеи-чувства, идеи-переживания, пропущенные через горнило сомнений и раздумий, через его сердце, говоря словами К. Маркса, «идеи.., из уз которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца». Нередко философия в таком случае становится *публицистикой (эссе)*.

Речь, таким образом, идет здесь о субъективно-личностной оценке мира, происходящих в нем событий, о ценностном смысле и значении тех или иных явлений действительности для человека (философа как человека), для его жизни. Очевидно, что философия тут предстает, являет себя как *мироотношение*. Важно при этом отметить, что без субъективно-философского, критического мироотношения вряд ли бы вообще стало возможным какое-либо серьезное позитивное изменение и преобразование мира, общественной жизни.

Что касается науки (науки как таковой), то для нее вопрос об отношении человека к миру неактуален. Для науки существенно знание как объективное раскрытие необходимости, т. е. причинно-следственных связей между явлениями, а не отношение как проявление, выражение субъективного начала, а именно человеческих чувств и переживаний.

В контексте вышесказанного представляется некорректным определение основного вопроса философии как *отношения мышления к бытию*, как в свое время считал Ф. Энгельс и как считают сегодня его последователи. Основным вопросом философии скорее является *отношение человека к миру*, как справедливо утверждают некоторые современные философы.

Вместе с тем философия — это так или иначе не только отношение, но и более того: *творчество* (творческое самовыражение, самореализация). Нельзя не согласиться с суждением Н.А. Бердяева: «Философия есть творчество, а не приспособление и не послушание ... В философии совершается самоосвобождение творческого акта человеческого духа в его познавательной реакции на мир, в познавательном противлении миру данному и необходимому, а не в приспособлении к нему [1, с. 53].

С учетом этого нужно признать родственность философии и искусства. Здесь есть смысл обратить внимание на то, что философия жизни, подчеркивая «принципиальное различие, несовместимость философского и научного подхода к миру», утверждает следующее: «наука стремится овладеть миром и подчинить его, философии же свойственна созерцательная позиция, роднящая его с искусством» [6, с. 732]. Наиболее же адекватной формой философского познания, постижения целостной реальности с этой точки зрения является художественный символ.

Представляет интерес и утверждение Н.А. Бердяева: «Философия есть искусство... — искусство познания. Философия — искусство, потому что она предполагает особый дар свыше и призвание.

Философия — искусство, потому что на ней запечатлевается личность творца не менее, чем на поэзии и живописи» [1, с. 53] .

Как видно, дело философии нельзя сводить к рациональному, абстрактно-логическому познанию мира и человека в нем. Стремление философа заглянуть, проникнуть в глубины человека, его таинственного бытия нередко приводит к тому, что он невольно становится не просто субъектом познания, а *философом-художником*.

Важными, определяющими основаниями философии как творческого самовыражения человека являются его саморефлексия, самоуглубление, самопереживание, особенно характерные для философии, философской антропологии Нового и Новейшего времени.

Как феномен творчества философия позволяет человеку переступить порог внешнего существования мира, всего того, что относится к повседневному, прозаическому, «слишком человеческому» и почувствовать, ощутить себя перед лицом вечности, первобытной пустоты и в обычном смысле «ничто».

Основной силой, опорой философского самовыражения, следовательно, служит чувство вневременной, в том числе внеисторической, первоизданной сути человека, его чистого, т. е. совершенного бытия. На наш взгляд, последнее является отличительной чертой художественно-философского *гения*.

Соответственно вышесказанному философию можно характеризовать и как *эстетическое* миротворение (миропреображение). Это значит, что мир в данном случае предстает как феномен художественных представлений, художественно-эстетического воображения человека. Отсюда следует: каково «я» философа, таков и мир (бытие).

Судя по всему, философия, а точнее философствование не сводится к мысли, познанию, что как раз и определяет суть науки, философия, наряду с этим, предстает и как особое *поэтическое* состояние (самостояние) человека, которое позволяет ему быть свободным изнутри, а тем самым быть самим собой, т. е. целостной индивидуальностью. И тут существенно не знание, а чувство, воображение, сверхсознание. К сожалению, философия, начиная с Нового времени и по сей день, излишне гносеологизирована. Нельзя забывать о том, что в философии, помимо онтологии и гносеологии, есть и эстетика, и этика, и нечто другое. Попутно отметим, что многие выдающиеся представители мировой философской мысли определяющее значение придавали не только решению вопросов онтологии и гносеологии, но не в меньшей степени и вопросов эстетики. Достаточно здесь вспомнить Платона, Аристотеля, Канта,

Гегеля, Н. Федорова. Вл. Соловьева, Н. Бердяева. А. Лосева и др., чтобы убедиться в этом.

Иначе говоря, в философии, по крайней мере, в ее европейском варианте царствует логоцентризм. Невольно вспоминается декартовское: «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую»). В сущности, это философия языка (слова). «Однако неземное и вечное не может быть выражено в языке» [4, с. 217]. А. Швейцер не случайно писал: «Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами». С его точки зрения, этика возможна не как знание, а как действие, индивидуальный выбор. По словам А.А. Гусейнова, «Этика, как ее понимает Швейцер, и научное знание — разнородные явления: этика есть приобщение к вечному, абсолютному, а научное знание всегда конечно, относительно, этика творит бытие, а научное знание описывает его. Этика умирает в словах, застывая в них, словно магма в горных породах, а научное знание только через язык и рождается» [4, с. 218].

Не только истинная этика, но и истинная эстетика начинается там, где «перестают пользоваться словами». Она скорее всего эстетика образа, художественного символа как творения бытия в единстве земного (телесного) и небесного (духовного) начал в человеке.

Итак, мы постарались раскрыть три уровня (среза) философии: философия как *познание* мира, 2) философия как *отношение* человека к миру и 3) философия как *творчество*. Общий же вывод такой. Нельзя изолировать философию от науки (научного познания), но вместе с тем нельзя философию в целом сводить к *научной* философии. В таком случае философия становится сподвижницей искусства, устремленного к красоте (совершенству) как конечной цели человеческой и мировой жизни. Согласимся: в этом нет умаления философии, роль и значение ее более чем достойное.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. — 542 с.
2. Гулыга А.В. Дух и духовность // Диалог. 1991. № 17.
3. Гуревич П.С. Основы философии: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. — 438 с.
4. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 1998. — 472 с.
5. Каменский З.А. Философия как наука. М.: Наука, 1995. — 171 с.
6. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Агеева Наталья Алексеевна

*канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
г. Ростов-на-Дону
E-mail: nataliya.ageeva@mail.ru*

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE INDIVIDUAL

Nataliya Ageeva

*candidate of philosophical sciences, associate professor of History
and Philosophy Department, The Rostov State Medical University,
Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В современном обществе борьба с коррупцией стала первостепенной задачей в масштабах всей страны. Правовой основой противодействия коррупции первоначально является правовое сознание народа, а уже во вторую очередь — нормативно-правовые акты. Формирование зрелого правосознания граждан является одной из главных обязанностей государства, что представляется возможным при создании условий для всестороннего развития личности, возрождения традиционных семейных ценностей и духовности народа.

ABSTRACT

Fight against corruption has become the task of prime importance nationwide in the modern society. Originally the legal basis of corruption management is the legal consciousness of a nation, and only secondarily — laws and regulations. Formation of mature legal consciousness of citizenry appears to be one of the main state duties. It turns to be possible under creating conditions for all-round development of the individual and for revival of traditional family values and spirituality of people.

Ключевые слова: коррупция, правосознание, культура семьи.
Keywords: corruption; legal consciousness; family culture.

В современном обществе борьба с коррупцией стала перво-степенной задачей в масштабах всей страны. Эта проблема не нова, однако, в наши дни слово «коррупция» прочно вошло в лексикон россиян и стало привычным для образования, медицины и других сфер жизнедеятельности общества. С каждым годом коррупция растет как в количественном, так и в денежном выражении, приобретая все более изощренные формы организованной преступности, угрожающие не только каждому отдельному индивиду, но и в целом безопасности страны, — это признано на самом высшем государственном уровне. За цифрами статистики о числе возбужденных дел и суммах причиненного вреда стоят тысячи человеческих жизней.

Правовой основой противодействия коррупции первоначально является правовое сознание народа, а уже во вторую очередь — нормативно-правовые акты (Президента РФ; Правительства РФ; федеральных, региональных, муниципальных органов государственной власти и т. д.) Правовой закон в основной своей идее является формулой зрелого правосознания, сформированного благодаря принятию индивидом общественных норм как своего личного закона (закон индивида = закону общества). Таким образом, у индивидов с наличием уродливой формы правосознания наблюдается склонность к коррупционному поведению и, наоборот, у людей со зрелым правосознанием в поведении преобладает антикоррупционная составляющая.

Каждый человек имеет правосознание вне зависимости от того, знает он об этом или нет, заботится он о нем либо пренебрегает им, укрепляет его в себе или игнорирует его проявления. И.А. Ильин подчеркивал, что основы правосознания народа закладываются именно в семье. Русский религиозный философ и блестящий юрист писал: «...семья есть первая, естественная школа свободы: в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни — найти верный путь к внутренней свободе: принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиняться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания» [3; с. 242].

Общество, культура, семья — неразрывны. Культура семьи — это развитие и становление личности в почитании истинных ценностей своего народа. И.А. Ильин писал, что семья — это лаборатория человеческих судеб. Духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить ребенку потребность в чистой любви, склонность к мужественной искренности и способность к спокойной и достойной дисциплине. Безусловно, семья — важнейший источник социального и экономического развития общества, потому что она возвращает главное богатство общества — человека.

Нет человека без правосознания, так как даже преступник, нарушающий закон, в своей повседневной жизни, так или иначе, ставит перед собой вопрос: о праве и не праве, о моем праве и твоём праве, о взаимных обязанностях, о законах и т. д. К сожалению, в обществе распространён вредный предрассудок, согласно которому право есть нечто «внешнее» и «формальное». Однако, не стоит забывать, что все мы постоянно нуждаемся в правосознании и пользуемся им в повседневной жизни. Первое проявление естественного правосознания проявляется в человеке в тот момент, когда он поставлен перед фактом попрания своих личных прав, тогда инстинкт самосохранения переносит его в поле правовой совести и взывает к другим людям об их священных и неприкосновенных правах. Пропустив ситуацию через себя, индивид осознает, что естественное правосознание не есть кабинетное измышление, а реально духовный орган, необходимый не только всем людям в повседневной жизни, дабы они уважали его право, но и ему самому, чтобы он уважал права других людей.

В современном обществе есть множество людей с уродливой формой правосознания, которая свойственна не только отдельным индивидам, но и государству в целом, если оно погрязло в коррупции и цинизме. Государство нельзя назвать лишь «системой внешнего порядка», осуществляющейся через внешние поступки людей. Государство, прежде всего, творится внутренне, в своей духовной сущности, совершается и протекает в душе своих граждан через проявление человеческого правосознания. Граждане, принадлежащие государству только формально юридически, а душевно и духовно чуждые ему, могут стать вредителями и предателями Отечества: «Свокорыстные, безнравственные, продажные люди, беззастенчивые и беспринципные карьеристы, циничные демагоги, честолюбивые и властолюбивые авантюристы — не говоря уже о простых преступниках — не могут ни создать, ни поддерживать здоровый государственный организм» [3; с. 328].

В деле воспитания граждан РФ необходимо помнить, что семья — лаборатория человеческих судеб, а родители — это главный авторитет в жизни любого человека. В большинстве случаев коррупционер воспитывает в своем чаде будущего взяточника или взяточдателя. Зачастую дети воспроизводят модель поведения своих родителей, поэтому очень важно упражнять каждого ребенка в правильном поступке, то есть тренировать не только его тело, но и его душу, и совесть!

С точки зрения Аристотеля, добродетель есть некая «установленная предрасположенность характера», которую человек приобретает «в практике морально благих действий». По мнению философа, именно через практику следует учиться добродетели подобно тому, как мы учимся искусству или ремеслам. Истинную добродетель невозможно сформировать только лишь посредством философского изучения этики, если человек предварительно не приобрел практического опыта добродетели, не упражнял деятельность своей души согласно добродетели [2; с. 87—88]. Аристотель полагал, что государству, заботящемуся о своем существовании и благополучии, необходимо осуществлять полный и абсолютный контроль над образованием.

Возможно, что процесс борьбы с коррупцией сдвинется с мертвой точки лишь тогда, когда вокруг этой идеи объединятся не только первые лица государства и религиозные деятели, но также образовательные учреждения и СМИ, каждый россиянин в отдельности и гражданское общество в целом. «Преодоление духовного кризиса возможно посредством укрепления общественной морали личной моралью каждого индивида» [1; с. 58].

Задача совместного педагогического воздействия семьи и образовательных учреждений страны на «автономную волю» воспитываемого заключается в том, чтобы «побудить его самого к необходимому и духовно верному автономному самоприращению» [3; с. 408].

Уважение к морально-этическим нормам и правовым законам общества, чувства долга и справедливости изначально формируются у ребенка в семье и получают дальнейшее развитие на всех ступенях образования: детский сад — школа — вуз. Особое внимание в высшей школе необходимо уделять гуманитарным наукам, поскольку с их помощью формируется мировоззрение личности обучаемого и совершенствуются его профессиональные качества.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что формирование зрелого правосознания граждан является одной из главных

обязанностей государства, что представляется возможным при создании условий для всестороннего развития личности, возрождения традиционных семейных ценностей и духовности народа.

Список литературы:

1. Агеева Н.А. Социокультурные образцы как эффективное средство духовного возрождения семьи и общества // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 3. — с. 58—64.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, — 1983. — Т. 4. — 830 с.
3. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения / И.А. Ильин. М.: Эксмо, 2008. — 912 с.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КАРОЛЯ ВОЙТЫЛЫ

Никифоров Алексей Юрьевич

*аспирант Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород*

E-mail: nikiforoov@gmail.com

PROBLEM OF PERSON IN PHILOSOPHY OF KAROL WOJTYLA

Alexey Nikiforov

*post-graduate student at Nizhny Novgorod State Linguistics
University named after N.A. Dobrolyubov,
Nizhny Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена философским взглядам Кароля Войтылы на проблему личности. В статье используются компаративистский метод исследования и метод системного анализа. Исследование показало, что Кароль Войтыла, разрабатывая проблему личности

в категориях философии Фомы Аквинского, делает особый акцент на понятиях субъектности, свободной воли и самостановления.

ABSTRACT

The article is devoted to philosophical views of Karol Wojtyła on the problem of person. Comparative method and method of system analysis are used in this paper. The study has found that Karol Wojtyła elaborates the problem of person in the categories of philosophy of Thomas Aquinas and emphasizes the concepts of subjectivity, free will, self-determination.

Ключевые слова: проблема личности; Кароль Войтыла; антропология; неотомизм; томизм; современная религиозная философия.

Keywords: problem of person; Karol Wojtyła; anthropology; neothomism; thomism; contemporary religious philosophy.

Одним из наиболее ярких представителей неотомизма в целом и одного из его направлений — феноменологического томизма — в частности является Кароль Войтыла. Ключевое место в системе антропологических взглядов Войтылы, безусловно, занимает проблема личности, которая «может быть исследована в категориях философии и теологии Фомы Аквинского» [9, с. 165].

Кароль Войтыла определяет личность как «существующий субъект существования и действия» [9, с. 167]. Именно представление о личности как о субъекте становится краеугольным камнем антропологической проблематики в учении Войтылы. Выходя за рамки объектного подхода, философ говорит о «необходимости задержаться на том, что составляет нередуцируемое, что есть уникальное и неповторимое в каждом человеке» [7, с. 214], о способности личности быть познанной изнутри. Действительно, субъектность обуславливает невозможность редуцирования личности к естественной природе и отражает изначальную уникальность человека [7, с. 211]. Апеллируя к понятию «субъектность», Войтыла проводит четкую грань между миром личностей и миром вещей, по его словам «слово «личность» для того и придумано, чтобы обозначить, что человека нельзя сводить только к понятию «особь определенного вида», что он содержит в себе нечто большее, некую особую полноту и совершенство существования» [3]. Таким образом, философ отходит от классической иерархии, предложенной Фомой Аквинским, где «в природных вещах виды упорядочены по степеням совершенства; так, смешанные вещи совершеннее элементов, растения —

минералов, животные — растений, люди — остальных животных: в каждом случае один вид совершеннее другого» [1, с. 48].

По мнению Кароля Войтылы, превосходство человека отнюдь не предопределяется его природой, но есть исключительно следствие его собственных поступков: «Существо, которое постоянно изменяет природу, в каком-то смысле поднимая ее на свой уровень, должно чувствовать себя выше природы и быть выше нее» [6, с. 178]. Опыт всего человечества подтверждает данный тезис: человек не только находится в центре различных трансформаций и достижений общества, но и осуществляет все эти достижения и трансформации. При этом все, что создано людьми, является лишь средством для достижения их собственных целей. Мы не живем во имя технологии, цивилизации и даже культуры. Мы живем посредством этих вещей, следуя своим целям.

Понятие субъектности напрямую связано с разумной природой человека. Развивая мысль Фомы Аквинского, выделявшего последнюю как отличительную черту личности, Кароль Войтыла основывает сходство человека с Богом — и противопоставление с другими существами — именно на разумной природе. Следовательно, обладать субъектностью означает обладать разумом, свободой и внутренним миром.

По мнению Войтылы, субъектность личности является базой для его нравственной жизни, которая «концентрируется вокруг правды и добра и включает множество проблем, из которых главными представляются две: в чем, в конечном счете, причина всего, и как быть добрым, постичь добро во всей его полноте» [3].

Обладая свободной волей, личность несет ответственность не только за свои действия, но и за себя. Выбирая, какое действие совершить, человек выбирает, кем он станет: «добро и зло существуют только в поступке и через него становятся уделом человека» [2]. Таким образом, Войтыла называет свободную волю «властью самостановления» [3], которая является основой уникальности личности.

Кароль Войтыла убежден, что свобода и самостановление человека связаны с творчеством: «Мы по природе творцы, а не просто потребители. Мы творцы, потому что мы думаем. <...> Творчество, как производное мышления, настолько свойственно личности, что является её признаком, доказательством существования или присутствия личности» [9, с. 171].

Вслед за Фомой Аквинским, Войтыла говорит о невозможности существования человека в изоляции. Он настаивает на том, что личность зависит не только от Бога, но и от тех, кто ответственен

за ее воспитание. Более того, личности самореализуются во взаимодействии друг с другом: «именно тогда, когда человек дарует себя другим, он становится в полной мере собой» [8, с. 194]. Концепт самодарования напрямую связан с концептом «любви». Только люди могут дарить любовь и получать ее. Настоящим объектом любви может быть только личность, не вещи или качества. По мнению Войтылы, любовь свойственна лишь личностям и связана со свободной волей: «На способность к любви указывает то, что человек готов сознательно искать добро вместе с другими и подчиниться этому добру в угоду кого-то или кому-то в угоду добра. Любовь свойственна исключительно личностям» [3].

В контексте рассмотрения человека как «общественного существа» Кароль Войтыла говорит о личности в том числе и как о разумном объекте действия. Чрезвычайно симптоматична позиция философа: личность «не может быть объектом использования» [3], она должна быть объектом любви. В этом и заключается «персоналистский принцип» Войтылы: «личность — это такое существо, надлежащим отношением к которому является любовь. Мы справедливы к личности, если любим её. Это относится и к Богу, и к людям. Любовь к личности не позволяет обращаться с ней как с предметом пользования. <...> Она требует большего: требует утверждения личности ради неё самой» [4, с. 245].

Персоналистский принцип, сформулированный Войтылой, имеет ключевое значение при решении проблемы человека. Действительно, сегодня в погоне за свободой, за немедленной пользой, человек поставил свое существование под угрозу: «человек сегодня стал жертвой великого страха, ему угрожает то, что он производит» [5]. Социально-этические последствия научно-технического прогресса, принцип гуманизма в значительной степени игнорируются, человек становится рабом созданных им материальных вещей. Призыв Кароля Войтылы относиться к другому человеку, прежде всего, как к личности — объекту любви, а не использования — как никогда актуален сейчас.

Список литературы:

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Ч. I. Т. 2: Вопросы 44—74. / Пер. с лат., ред. и прим. С.И. Еремеева. Киев: Эльга; Ника-Центр, 2003. — 335 с.
2. Войтыла К. Личность и поступок. М.: «Издательство Францисканцев», 2003 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://agnuz.info/app/webroot/library/157/236/> (дата обращения 01.09.2013).

3. Войтыла К. Любовь и ответственность. М.: «Кругъ», 1993 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://agnuz.info/app/webroot/library/158/239/> (дата обращения 01.09.2013).
4. Иоанн Павел II. Переступить порог надежды. М.: «Истина и жизнь», 1995. — 276 с.
5. L'Osservatore Romano. vol. 12. n. 14. April 3, 1979. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.its.caltech.edu/~nmcenter/sci-cp/sci79031.html> (дата обращения 01.09.2013).
6. Wojtyla K. On the Dignity of the Human Person. Person and Community: Selected Essays, volume 4 of Catholic Thought from Lublin, edited by Andrew N. Woznicki. // New York: Peter Lang. 1993.
7. Wojtyla K. Subjectivity and the Irreducible in the Human Person. Person and Community: Selected Essays, volume 4 of Catholic Thought from Lublin, edited by Andrew N. Woznicki. // New York: Peter Lang. 1993.
8. Wojtyla K. The personal structure of self-determination. Person and Community: Selected Essays, volume 4 of Catholic Thought from Lublin, edited by Andrew N. Woznicki. // New York: Peter Lang. 1993.
9. Wojtyla K. Thomistic Personalism. Person and Community: Selected Essays, volume 4 of Catholic Thought from Lublin, edited by Andrew N. Woznicki. // New York: Peter Lang. 1993.

ПЕЧАТНОЕ СЛОВО И ПРИНЦИП ЛИНЕЙНОСТИ В МЫШЛЕНИИ (ПО РАБОТАМ М. МАКЛЮЭНА)

Потапова Наталья Андреевна

*студент, факультет психологии, валеологии и спорта,
направление «Психология», Курганский государственный университет,
г. Курган*

E-mail: nata45-93@yandex.ru

Юровских Наталья Геннадьевна

*научный руководитель, канд. филос. наук, доцент,
кафедра философии, Курганский государственный университет,
г. Курган*

THE PRINTED WORD AND PRINCIPLE OF LINEAR THINKING (ON THE WORKS M. MCLUHAN)

Potapova Natalia

*the student, faculty of psychology, valeology and sports, t
he course of "Psychology", the Kurgav State University,
Kurgan*

Urovskih Natalia

*the supervisor, candidate of philosophy, docent of department
of philosophy, Kurgan State University,
Kurgan*

АННОТАЦИЯ

Введение. Анализ теории М. Маклюэна. Вывод.

Цель: выявить особенности влияния коммуникации на культуру с точки зрения М. Маклюэна.

Методы: анализ литературы.

Выводы: развитие коммуникации сформировало линейность в мышлении человека, однако нельзя дать положительную или отрицательную оценку этому явлению.

ABSTRACT

Foreword. Analysis of the theory of M. McLuhan. Conclusion.

Purpose: identify feature to influence of communication on culture with point of view by M. McLuhan.

Methods: analysis of literature.

Conclusion: the development of communication formed the linear of thinking, but it can not be estimated positive or negative.

Ключевые слова: Теория коммуникации; принцип линейности; печать; печатное слово.

Keywords: theory of communication; principle of linear; print; printing word.

Наука о коммуникации возникла в начале XX века. Предпосылками для её становления стали развитие техники и технологии, появление средств массовой информации (радио и телевидение), развитие кибернетики, развитие большого бизнеса, глобализация общества. Представители теории коммуникации пытались выяснить, как воздействуют средства массовой информации на общественное сознание. Одним из предшественников коммуникативистов был Маршалл Маклюэн — канадский философ, основоположник англо-саксонской традиции медиа-теории.

Американский писатель и публицист Том Волф написал о Маклюэне: «Важный мыслитель, место которого в одном ряду с Ньютоном, Дарвиным, Фрейдом, Эйнштейном и Павловым» [1]. Маршалл Маклюэн родился в 21 июля 1911 г в Эдмонтоне, умер 31 декабря 1980 г. в Торонто. Лучшими его произведениями считаются «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» (1962), «Понимание медиа: Внешние расширения человека» (1964). На страницах этих книг автор выдвигает несколько тезисов о влиянии печати на общество и культуру. Почему принцип линейности и последовательности стал считаться эталоном логики и рассудка, когда человеческое сознание отнюдь не последовательно? Как же случилось, что принцип причинно-следственных связей, модель о том, что каждое последующее явление вытекает из предыдущего, стали основой построения социальных, общественных, политических отношений? Как современные технологии влияют на познавательные процессы человека и на становление личности в целом? Ответы на эти вопросы Маклюэн и пытается найти.

Устная культура опирается на слух. Она более эмоциональна, характеризуется богатством переживаний, экспрессивностью выражения эмоций. Письменная же культура основывается на зрительном восприятии и имеет некоторый оттенок отстранённости, холодности. Письменность послужила причиной формирования линейности в сознании людей, свела переживания к одностороннему восприятию мира с помощью зрения. Маклюэн пишет, что фонетический алфавит

сократил все богатство чувств до одного, визуального, кода [2, с. 20]. Но в допечатную эпоху люди имели больше возможностей использовать в познании все органы чувств, так как письменные источники были практически недоступны. Однако с помощью письма людям было удобно передавать и хранить информацию, перенимать опыт. Усмотрев в распространении знания через письменность великое благо, человечество изобрело печатный станок.

Печать показала человечеству, что у каждого события есть причина и следствие, что все события происходят последовательно. Формировалось представление о пространстве-контейнере и о времени, как о прямой с отрезками.

Вопрос пространства находит новое толкование в теории Маклюэна. Дом он считает расширением кожи и теплообменных процессов человека. Маклюэн даже объясняет переход людей из жилищ, имеющих круглое и треугольное основание, в четырёхугольные. Круглое жилище — исторически более ранний вариант организации пространства, который не предполагает расширения человеческого тела. Дом, в основании которого окружность или треугольник, находится в единстве и гармонии с миром, существует как орган Вселенной. А жилище, имеющее четыре угла, имеет цель оградить человека от окружающего мира, фрагментировать и структурировать пространство. Он считает, что этот переход обусловлен интеграцией принципов, навязанных печатной культурой: гомогенизацией процессов, фрагментацией, многократно повторяющимися действиями в работе печатного станка [3, с. 63—67].

Как же повлияли новые установки и навыки восприятия на человека и общество?

Огромное влияние печать оказала как на культуру и развитие общества в целом, так и на сознание каждого человека. Печать определила нормы устного и письменного языка, способствовала разделению поэзии и песни, песни и слова. Печатная технология внесла в культуру роль автора, тогда как до изобретения Гуттенбергом печатного станка автор был обобщённой фигурой, часто в этом качестве выступал народ.

Используя печать и письменность в повседневной жизни, человек привыкает к последовательному восприятию информации. Мы понимаем, что проще воспринимать информацию, выстроенную в какой-либо системе: в хронологическом порядке или в иерархической системе «от простого к сложному». Подобные системы растягивают во времени множество одновременных событий: мы воспринимаем события, в реальности происходящие однове-

менно, как последовательные. Это ограничивает человеческую способность видеть шире, формирует привычку линейного восприятия. В реальном же мире имеет место и одновременность, и последовательность. Поэтому преобладание лишь одного типа восприятия создаёт в нашем сознании недостоверную модель мира, сужает наше сознание, делает его неспособным воспринимать реальный мир во всем многообразии (следует обратить внимание на то, что Маклюэн характеризовал свой способ изложения мыслей, как мозаичный и нелинейный).

Таким образом, под влиянием технологии печати сформировался иной мирообразец в сознании людей. Многомерное представление о мире сменилось представлением об его линейности и последовательности.

Маклюэн прослеживает некую деградацию умственных способностей человека. В допечатную эпоху людям приходилось все знания о мире хранить в памяти, так как они не имели возможности записать свои наблюдения и мысли или зафиксировать события, происходящие вокруг. Все знания, жизненный опыт передавались от отца к сыну, «из уст в уста». Когда появилась письменность, навыки восприятия на слух всё ещё имели огромное значение в жизни человека: рукописные книги были большой редкостью, и священные писания приходилось учить наизусть. Теперь же, когда весь мир овладел не только письмом, но и технологией печати, мы привыкли видеть информацию, записывать мысли и планы. Опыт прошлых поколений приобретает также из письменных источников. Это связано и с увеличением объёма информации, она стала более сложной для понимания: появились науки, религии, развивалась культура. То есть переход на визуальные средства восприятия неизбежен для существования человека в новых условиях. Однако Маклюэн отмечает, что письменность вывела человека на новый уровень: сначала письменная речь, а затем печать, сделали из человека индивида, способствовали развитию индивидуалистической культуры в обществе. Поэтому вопрос о том, совершенствовался или деградировал человек с развитием письменности и печати, остаётся открытым.

В работе «Понимании медиа» Маклюэн частично отвечает на эти вопросы: «Парадокс механизации состоит в том, что хотя она сама по себе является причиной максимального роста и изменения, лежащий в ее основании принцип исключает саму возможность роста или понимания изменения». Т. е., например, с изобретением калькулятора исключается возможность развития навыков устного

счёта; изобретение и распространение письменности не тормозит развитие навыков устной речи, и так далее. Человек полагается на машины, выбирая более простое средство для передачи информации. И, развиваясь, техника заменяет нервную систему человека. В этом и состоит идея деградации человека, первопричина которой в сведении познания к одному органу чувств.

Конец эпохи Гуттенберга приходит с изобретением электричества. Печать способствует централизации общества, тогда электрическое общество способствует интеграции и расширению, стиранию границ центра и периферии. В электрической технологии нет последовательности, здесь главное — механизм, взаимосвязь элементов, одновременность. Эпоха электричества, в отличие от печатной эпохи, характеризуется иррациональностью.

Появляются более совершенные средства коммуникации, такие, как радио, телевидение, Интернет. Они, в отличие от печати, способствуют созданию единого информационного пространства — так называемой «глобальной деревни». Это один из самых ярких терминов, введённых Маклюэном, описывающий современное состояние системы коммуникации в мире. Земной шар, благодаря электрической технологии, в частности Интернету, сжался до таких размеров, что люди ведут себя как жители одной деревни. Действительно, развитие средств коммуникации привело к тому, что человек может, не выходя из комнаты, узнать о событиях в любой части земного шара. Частная жизнь становится достоянием широких масс, и общественные потрясения становятся предметом переживаний каждого отдельного человека.

Сегодня нет предела возможностям в плане образования и получения информации. Безграничное общение воодушевляет людей, забывается чувство одиночества — обостряется чувство принадлежности к мировому сообществу. Формируется тенденция к существованию лишь образа, персонажа, но не самого человека. И виртуальная жизнь настолько увлекает, что люди забывают о реальной жизни, где законы намного сложнее, где для высказывания своего мнения необходимо больше смелости, а для совершения поступков — больше ответственности. Быть лишь образом, тенью самого себя — проще. В любой момент можно «удалить» себя прежнего и «создать» новое отражение. Имеет место формирование неадекватного, искажённого восприятия действительности в силу несоответствия образа и реальности. Электрическая культура предоставляет нам, в противоположность печатной, полностью

открытую для доступа информацию при анонимности и закрытости человека, с которым мы вступаем в диалог.

Теряется живое общение, необходимое для развития личности. Для развития человеку нужен другой человек, а для поддержания образа — лишь только другой образ.

Парадокс средств коммуникации в том, что они соединяют человечество воедино, дробя его на части, равные отдельному человеку. Нельзя однозначно определить, положительно или отрицательно влияет коммуникация на жизнь общества и каждого отдельного человека в частности. Распространение информации ведет в конечном итоге к ограничению познавательных способностей, экономии времени — к непродуктивному его использованию.

В своих работах М. Маклюэн раскрыл предпосылки развития коммуникации, особенности её влияния на культуру, опираясь на работы многих исследователей. Ему удалось предсказать развитие коммуникации, и достоверность его прогнозов мы можем проверить сегодня. Маклюэн объяснил механизмы, действующие в мире с нестандартных, непривычных позиций.

Каким должен быть человек в условиях мира информации? Этот вопрос звучит между строк в работах Маршалла Маклюэна. На него нам ещё предстоит ответить.

Список литературы:

1. Горюнова О. Медиа: история экспансии. Курс лекций. Часть IV. Маршалл Маклюэн — пионер медиа теории: гений или идиот? — 2008. — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3169/3173> (дата обращения 15.03.2013).
2. МакЛюэн, Маршалл. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. — 432 с.
3. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. — 464 с.

3.3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ДЕТЕРМИНИЗМ И ИНДЕТЕРМИНИЗМ В ПОНИМАНИИ СВОБОДЫ ВОЛИ (ПО РАБОТЕ Н.О. ЛОССКОГО «СВОБОДА ВОЛИ»)

Дзема Алексей Игоревич

*канд. филос. наук, доцент кафедры общих гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин Новороссийского филиала*

Московского гуманитарно-экономического института,

г. Новороссийск

E-mail: dzema@front.ru

DETERMINISM AND INDETERMINISM IN UNDERSTANDING OF FREE WILL (ON N.O. LOSSKY'S WORK «FREE WILL»)

Alexey Dzema

candidate of philosophical science, associate professor

of General Humanitarian and Natural-Science Department,

Novorossiysk Branch of Moscow humanitarian and economic institute,

Novorossiysk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу исследования свободы воли русским философом Н.О. Лосским. В работе применены компаративный и диалектический методы. Согласно Лосскому, детерминизм и индетерминизм не дают удовлетворительной трактовки человеческой свободы, так как категории необходимости и случайности не позволяют составить адекватное понятие о свободе воли. Собственную концепцию свободы воли Лосский вырабатывает на основе идеи нормативной сущности человека и принципа осмысленной индетерминированности решений.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of research of free will by Russian philosopher N.O. Lossky. In the paper comparative and dialectic

methods are applied. According to Lossky, the determinism and indeterminism don't give satisfactory interpretation of human freedom as categories of necessity and accident don't allow to make an adequate concept of free will. Lossky develops his own conception of free will on basis of the idea of imperative essence of person and the principle of intelligent indetermination of decisions.

Ключевые слова: свобода воли; детерминизм; индетерминизм; идеал.

Keywords: free will; determinism; indeterminism; ideal.

Слово «свобода» имеет множество значений, каждое из которых распространяется на определенную сферу жизни личности. Решение проблемы свободы немислимо без понимания специфики этих значений и без раскрытия внутренней взаимосвязи видов свободы. Чаще всего, говоря о свободе, мы имеем в виду два основных ее значения. Это свобода воли (хотения), то есть возможность без стеснения внутренне определять свои желания, устремления, и свобода действия, то есть отсутствие препятствий для осуществления желаемого действия.

Разумеется, наличие понятия той или иной свободы еще не свидетельствует о ее реальности. Поэтому вполне закономерен вопрос: какие из употребляемых значений слова «свобода» выражают действительное свойство личности, а какие возникли в результате неверных представлений о человеке, его деятельности и внутреннем мире?

Понятием наиболее сложным для теоретического объяснения является свобода воли. В философской литературе этой теме посвящена масса произведений. Мы остановимся на одном из них, принадлежащем русскому философу Серебряного века Николаю Онуфриевичу Лосскому (1870—1965). Книга Лосского «Свобода воли» была опубликована в 1927 году, когда он уже находился в эмиграции, и получила признание со стороны научной общест-венности. Знаменитый русский философ Н.А. Бердяев, для которого свобода была главным предметом размышлений, называет эту работу «очень ценной и заслуживающей самого широкого распространения, одной из лучших книг» по данной теме [4, с. 750].

Н.О. Лосский выделяет два крайних подхода к пониманию свободы воли: детерминизм и индетерминизм. Детерминизм утверждает, что все явления с необходимостью вытекают из предшествующих процессов и состояний. Все происходящее имеет достаточную

причину. Тем самым, детерминизм отрицает свободу воли и считает предопределенными в каждый момент все действия человека и события, его окружающие. Лосский различает три типа детерминизма: материалистический, психологический и супранатуралистический. Первый ярко выражен в учении английского философа-материалиста Томаса Гоббса. Он учил, что всякое изменение это механическое движение, вызванное давлением или толчком, а душевный процесс только пассивно воспроизводит процесс материальный. Воля влечется к удовольствию и избегает страдания. Страдание или удовольствие обусловлены строением тела и воздействием на него окружающей среды. «Таким образом, — резюмирует мысль Гоббса Лосский, — ... первоначальная причина всякого действия находится вне деятеля, и уже потому необходимо признать, что действие находится вне власти деятеля» [3, с. 498]. И хотя Гоббс оставляет человеку свободу действия в смысле отсутствия препятствий для реализации движения, эта свобода не относится к духовной стороне человеческого бытия, так как может быть свойственна в зависимости от ситуации любому телу (свободное падение, беспрепятственное течение реки и т. д.).

Психологический детерминизм Лосский разбирает на примере учения Т. Липпса. Здесь признается относительная независимость психической жизни от материальных процессов. Однако психические явления также подчинены принципу причинности. Внутренний мир человека, характер его реакции и действий обусловлены его психической системой, которую Кант в «Критике практического разума» справедливо назвал «духовным автоматом» (*automaton spirituale*). В итоге, как замечает Лосский, внутренний детерминизм получает характер детерминизма внешнего: мое «я» — продукт более ранних условий, предопределивших мою жизнь. Причина моего появления и развития лежит вне меня, «так как в противном случае я должен бы был существовать прежде, чем я родился» [3, с. 503].

Особую разновидность представляет собой супранатуралистический детерминизм, имеющий религиозные корни. Его последователем был немецкий протестантский богослов Мартин Лютер. По Лютеру, Всеведение и Всемогущество Божье несовместимы со свободой человеческой воли. Если Бог обладает абсолютным знанием, все предвидит и всем управляет, то даже самые ничтожные мысли, желания, поступки человека изначально составляют часть Божественного плана, проявление Божественной, а не человеческой воли. Правда, сразу же возникает вопрос: как мог Всемогущий и Всеблагий Господь допустить в своем творении несовершенство

и зло, существование которых бесспорно для каждого из нас? Лютер отказывается давать на него ответ. Он уповает, что истины религии, логически непостижимые для естественного света разума, то есть ограниченного человеческого познания, станут очевидными для нас посредством света благодати и света славы Господней [3, с. 506].

По оценке русского философа, детерминистические учения обедняют мир. В них сохраняется только отрицательная относительная свобода, которая при более близком рассмотрении оказывается опять же зависимостью, необходимостью. «Детерминисты находят в составе мира только бытие и необходимость» (508), но ведь существует также идеальное, должное. Именно осознание долга дает личности возможность творчески преодолеть свою природу. В этой связи Лосский цитирует Канта, утверждая вслед за ним господство идеала над действительностью в духовном мире человека: «Ты должен, значит, ты можешь» [3, с. 508].

Позицию, противоположную детерминизму, занимает индетерминизм. В своей крайней форме это учение отрицает наличие каких бы то ни было оснований для свободы воли; волевое решение есть безразличный выбор и абсолютная случайность [3, с. 513]. Лосский подчеркивает: принимая это учение, мы также должны принять и выводы, следующие из него. Случайность выбора означает, что мои решения ничем не связаны с моей личностью, никак не подготовлены ее предшествующим опытом, целями и мотивами. Так как связь между действием и личностью разорвана, теряет смысл и воспитание, и угроза и пр.; акт решения предстает как «нечто чуждое, что в нас протекает» [3, с. 514].

Приведенные выводы явно не согласуются с наблюдением за поведением других людей, а также непосредственным наблюдением за собственными волевыми актами. Более того, в них обнаруживается сходство с детерминизмом. Детерминизм и индетерминизм, абсолютизируя необходимость и случайность, приходят к одному и тому же результату, продиктованному диалектическим единством категорий случайности и необходимости. Согласно детерминизму, внешняя необходимость вторгается в мою внутреннюю жизнь помимо моей воли, никак не сообразуясь с ее самоопределением, которое здесь отрицается. В этом смысле необходимость выступает как абсолютная случайность. С другой стороны, если случайность целиком определяет мою жизнь, является причиной всего, что со мной происходит, то она есть не что иное, как внешняя слепая необходимость.

Анализ случайности и необходимость мы встречаем у Канта, когда он рассматривает третье противоречие трансцендентальных

идей, то есть антиномию причинности по законам природы и свободы. Свобода у Канта по содержанию совпадает со случайностью, так как имеется в виду спонтанность, безусловность, отсутствие причины. С одной стороны, говорит Кант, следует допустить в мире помимо необходимости еще и свободу, то есть абсолютную спонтанность, как того требует закон достаточного основания. Иначе при познании причин мы бы столкнулись с непознаваемой бесконечностью. С другой стороны, об этой спонтанной причине ничего не может быть известно, так как действие свободы предполагает переход из потенциального состояния в актуальное, и, следовательно, действие причины. Но если это не естественная причина, то она непознаваема [2, с. 254—258].

Между тем, антиномия Канта, воспроизводящая спор детерминистов и индетерминистов, не имеет прямого отношения к свободе воли. Как доказал Гегель, необходимость является диалектической парой для случайности, но не для свободы [1, с. 322]. Указанные категории не позволяют составить адекватное понятие о свободе воли. Необходимость в рамках новоевропейской механистической картины мира, установившей свое господство с XVII века, воспринимается как внешнее соотношение причины и следствия. Она оказывается *слепой* (внутренне нецелесообразной, бессмысленной) необходимостью, и, в конечном счете, случайностью. Ведь определение, данное извне, со стороны иного, так или иначе, акцидентально.

По убеждению Лосского, преодолеть крайности рассмотренных позиций и одновременно сохранить их относительную правоту позволяет учение о свободе как «осмысленной индетерминированности решений» [3, с. 560]. По сути, Лосский призывает вернуться к античному и средневековому понятию целевой причины, вытесненному механистическим мировоззрением. Чтобы поведение было осмысленным, оно «должно исходить из ценностных оснований». «Однако, — продолжает русский философ, — основание, имеемое деятелем ввиду, не производит решения; действующая причина есть сверхкачественное я, стоящее выше всех мотивов, поводов, оснований, правил и т. п., оно остается всегда источником и господином решения» [3, с. 560—561]. В свете ценностей, по Лосскому, мы осознаем смысл своего бытия, высшую цель нашего существования. Свобода воли есть, прежде всего, способность управлять своими проявлениями. Но способность *управлять* сопряжена со способностью *направлять* свою жизнь к идеалам. Идеал не способен самостоятельно воплотиться, подчинив себе волю человека. В свою очередь, не только идеал нуждается для осущест-

вления в человеке; сам человек для осмысленного бытия нуждается в идеале.

Список литературы:

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1975. — 452 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь: «Реноме», 1998. — 528 с.
3. Лосский Н.О. Свобода воли // Лосский Н.О. Избранное. М.: Изд-во «Правда», 1991. — 622 с.
4. Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1. I—VI. М.: Информ-Прогресс, 1992. — 752 с.

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ У Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Шульгина Лилия Александровна

канд. филос. наук, доцент

*Костромского государственного технологического университета,
г. Кострома*

E-mail: lili.shulgina@mail.ru

DIALECTICS OF THE DEVELOPMENT OF CULTURE AND CIVILIZATION HAVE N.Y. DANILEVSKY

Shulgin Liliya

*ph.D., associate professor Kostroma State Technological University,
Kostroma*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются особенности философского мышления русского философа Н.Я. Данилевского. К числу важнейших проблем его философского творчества относится вопрос о сущности и взаимоотношениях таких феноменов, как культура и цивилизация.

ABSTRACT

This paper analyzes the characteristics of philosophical thought Russian philosopher N. Danilevsky of the most important issues of his

philosophical work is the question of the nature and the relationship of such phenomena as culture and civilization.

Ключевые слова: культура, цивилизация, культурно-исторический тип, Россия и Европа, история человечества.

Keywords: culture, civilization, cultural-historical type, Russia and Europe, the history of mankind.

Диалектика развития культуры и цивилизации рассматривается Н.Я. Данилевским в контексте теории культурно-исторических типов изложенной в книге «Россия и Европа» опубликованной в журнале «Заря» (...). Развитие цивилизации возможно в тесной связи с диалектикой культуры что показано в его теории. Данилевский в философии и историко-социологической науке был последователем органической теории, и это позволяло ему рассматривать культурно-исторические типы как «развивающиеся организмы», которые функционируют и развиваются по своим особым законам, и имеют общие, типологические признаки. В своей теории он пытался сформулировать общие черты и такие обобщения, которые могли бы считаться законами культурно-исторического движения и «служить нормой для будущего» развития. Поэтому возникает несколько аспектов в разработке теории культурно-исторических типов. В одном из них культурно-исторический тип рассматривается как процесс исторического развития человеческой духовности — эволюции морального, эстетического, религиозного, научного, правового и политического сознания, обеспечивающий прогресс человечества. В этой связи анализируются особенности всех сторон духовного развития и различных направлений исторического воспитания, проявленных различными культурно-историческими типами. Другой аспект акцентирует внимание не на особенностях и различных типах общества, а рассматриваются различные культурно-исторические типы как автономные системы ценностей и идей, определяющих тип социальной организации. Учитывая все особенности историко-философского анализа, культурно-исторический тип у Данилевского — это общественные образования, состоящие из разнообразных этнографических элементов, близких между собою по своим духовным задаткам, способные к историческому развитию, характеризующиеся отдельным языком и обладающие условиями существования сложились в организацию, отличную от других.

Анализируя особенности исторического развития цивилизаций, Данилевский признавал необходимость введения классификации

исторических явлений. Применение естественной системы истории отражает богатство «форм исторической жизни человечества» [1. с. 90] Он писал: «Формы исторической жизни человечества, как формы растительного и животного мира, как формы человеческого искусства (стили архитектуры, школы живописи), как формы языков (односложные, приставочные, сгибающиеся), как проявление самого духа, стремящегося осуществить типы добра, истины и красоты (которые вполне самостоятельны и не могут же почитаться один развитием другого), не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но и еще и разнообразятся по культурно-историческим типам» [1. с. 85] Поэтому, каждый исторический тип имеет свой самостоятельный план развития — религиозный, научный, бытовой, политический, социальный, художественный.

Важно отметить, что естественная система истории рассматривалась Данилевским как совокупность всех исторических явлений и фактов, разделенных на основные периоды истории — древнюю, среднюю и новую, которые составляют эволюционные фазисы развития культурно-исторических типов. Он писал: «только внутри одного и того же типа или цивилизации, можно отличать те формы исторического движения, которые обозначаются словами; древняя, средняя или новая история» [1. с. 85] Поэтому Данилевский хотел господствующую систему объяснения истории заменить альтернативной, т. е. естественной, которая помогала ему рассматривать исторический процесс с максимальной объективностью, представив его в качестве совокупности разнообразных индивидуализированных форм жизни народов, существующих самобытно и определяемых своими собственными внутренними стимулами и факторами. Такое подчинение к исторической системе, по мнению Данилевского, имеет свое преимущество. Во-первых, в истории развития отдельных культурно-исторических типов можно выявить возможности этого развития. Во-вторых, исследовать сам процесс исторического развития и сказать о развитии человечества вообще. Таким образом, рассматривая историю развития отдельного культурно-исторического типа как цикл развития, философ исследует различные возможности проявления этих типов в зависимости от степеней их развития. Он утверждал, что «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы могут подразделяться» [1. с. 87] Основным началом этой естественной системы истории является изучение и оценка главных признаков характеризующих культурно-историческое развитие народов и племен.

В этой связи культурно-исторические типы рассматриваются Данилевским как «важнейший исторический аспект жизни народов, характеризующий особенности духовной природы и своеобразие внешних условий, а также задатков самостоятельного развития».

В теории Данилевского в историческом развитии каждого культурно-исторического типа была своя внутренняя логика. Движение его мысли шло от отождествления культурно-исторического типа, со всем, что было сотворено человеком, к анализу человеческой активности культурно-исторической деятельности, благодаря которой создается надприродная сфера человеческого бытия. Он утверждал, что «народы, составляющие тип — вышедшие из бессознательной чисто этнографической формы быта, создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц — проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть задатки в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния» [1. с. 106]

Любой культурно-исторический тип имеет свою особенность развития в направлении, в призме которого преломляются задатки к культурной деятельности и особенностях духовной природы. Данилевский подводит под общие категории все стороны народной деятельности, которые охватывают все разнообразные обнаружения исторической жизни, обозначаемые словами культура и цивилизация. Он считал, что деятельность культурно-исторического типа проявляется в четырех аспектах: религиозном (отношение к Богу), культурном (в узком смысле слова), политическом и общественно-экономическом. Например, еврейский «был исключительно религиозным», греческий был типом культурным, и преимущественно художественно-культурным, римский тип «развивал и осуществлял политическую. Европейский или романо-германский культурно-исторический тип проявил себя и в религиозном, и в общественно-экономическом плане, и поэтому оказался двухосновным. Таким образом, указанные культурные типы, развившие только одну из сторон культурной деятельности философ называет одноосновными. Следуя прогрессу, на более высокой ступени развития выступает европейский или германо-романский тип, который оказался богато одаренным в политическом смысле и способным для научного, художественного и промышленного культурного развития.

Анализируя взаимоотношения России и Европы, Данилевский естественно фиксировал факты не только сотрудничества и совмест-

ных союзнических действий, но и особо останавливался на их противопоставлении, так как это противопоставление составляет важнейший элемент философского осмысления европейского и славянского культурно-исторического развития. Данилевский стремится выяснить различие между западноевропейским и славянским миром — он находит это различие в психическом строе, в религиозном сознании, и в процессе исторического развития. Исследуя «специально русское национальное» Н.Я. Данилевский апеллировал к учению славянофилов, которые настаивали на необходимости самобытного национального развития, и подчеркивали высокое достоинство славянских начал. В.В. Зеньковский указывал, что главный пафос книги в том, что Данилевский убежден в своеобразии русской культуры [2. с. 70] Но кроме того актуальность темы об отношении России к Западу определяется одинаковой неустранимостью двух важных моментов: с одной стороны здесь существенна неразрывность связи России с Западом и невозможность духовно и исторически изолировать себя от него, а с другой стороны, существенна бесспорность русского своеобразия, правда в искании своего собственного пути [2. с. 63]

Список литературы:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. — 574 с.
2. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., Республика, 2005. — 368 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

**ПРЕДМЕТНЫЕ РУБРИКИ,
КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИСТОРИИ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ
«УКРАИНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»
ЗА 1991—2011 ГГ.**

Тенетко Ирина Федоровна

студентка

*Черноморского государственного университета имени Петра Могилы,
г. Николаев, Украина*

E-mail: tenetko-ira@mail.ru

Гайдай Ольга Михайловна

канд. ист. наук, доцент

*Черноморского государственного университета имени Петра Могилы,
г. Николаев, Украина*

E-mail: osvita13@mail.ru

SUBJECT HEADINGS, AS ONE OF THE TYPES OF RESEARCH OF THE HISTORY OF RUSSIA ON THE PAGES OF «UKRAINIAN HISTORICAL JOURNAL» FOR 1991—2011

Irina Tenetko

*student of the Black Sea State University of a name of Petro Mohyla,
city of Nikolayev, Ukraine*

Olga Gaidai

*candidate of historical sciences, associate professor
of the Black Sea State University of a name of Petro Mohyla,
city of Nikolayev, Ukraine*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается освещение основных проблем русской истории расположенных в тематических рубриках «Украинского исторического журнала» за 1991—2011 годы.

ABSTRACT

The article considers the coverage of the main problems of Russian history located in the thematic headings «Ukrainian historical journal» for 1991—2011.

Ключевые слова: исторический журнал, издание, исследования, украинская историография, историк.

Keywords: history journal, publishing, research, Ukrainian historiography, historian.

Как профильный республиканский исторический журнал на территории бывшего СССР «Украинский исторический журнал» начал свою деятельность в 1957 году, пройдя долгий путь к усовершенствованию. Редакторами было сделано множество изменений и коррективов: в структуре журнала, в печатном материале на его страницах, менялся внешний вид, но главная идея, которая была заложена изначально, осталась без изменений, а именно — правдивое освещение исторического процесса с любыми вытекающими из этого последствиями.

Поскольку на страницах журнала можно ознакомиться с историей разных стран, то цель исследования состоит

в рассмотрении основных проблем истории России освещенных в тематических рубриках за 1991—2011 гг.

После провозглашения независимости Украины произошли положительные сдвиги в тематической направленности и научном уровне исследования украинскими учеными проблем российской истории. Их научные труды можно найти в таких тематических рубриках как «Рецензии», «Критика и библиография» а так же «Обзор», где на основе постепенного усвоения новейших методов и методик научной работы авторами освещались отдельные вопросы истории России, в том числе такие, которые раньше не пользовались интересом в украинских историков и редколлегии.

В разностороннем освещении проблем российской истории, ее народа важный вклад сделали ученые: С.В. Виднянский [2], В.Н. Горобець [3], А.Н. Катренко [4], Н.Ф. Котляр [5], В.Б. Молчанов [6], А.П. Толочко [8], В.Л. Харитонов [9], В.С. Шандра [10].

Важным есть отзыв В.Б. Молчанова на монографию В.Н. Орлика «Налоговая политика Российской империи в Украине». Автор отмечает, что книга разделена на четыре раздела. В первом разделе обращено внимание на финансовую политику казацкого государства, а также охарактеризовано наступление царского самодержавия на ресурсы украинских регионов и их привлечение к общеимперским доходам [6, с. 215].

Второй раздел посвящен изучению налоговой политики как в империи, так в украинских губерниях. Крупнейший по объемам является третий раздел — «Налогообложение в украинских губерниях», в котором В. Орлик провел анализ эволюции подушного налога, как в крестьянской среде, так и среди казаков и мещан Украины в дореформенный период. И последний раздел монографического исследования целиком и полностью посвящен местному налогообложению.

В рецензии Владимир Молчанов указывает на недостатки и пробелы в работе автора и рекомендует исследователю обратить внимание на необходимость более детального изучения соотношения бумажных и металлических денег в дореформенный период [6, с. 218].

А.Н. Катренко анализируя книгу И.Н. Петренко «Брачно-семейные отношения в повседневной жизни мирян Русского государства XVIII в.» отмечает, что монография содержит исторический анализ и теоретическое обобщение основных закономерностей становления и развития брачно-семейных отношений православного населения в Российской империи в XVIII вв.

Исследователь в своей монографии обратил внимание на то, что семейная жизнь базировалась на межгрупповых нормах и крайне трудно поддавалась регламентации, что ее пытались проводить церковные и государственные органы. Независимо от общей модели и образцов, каждый брак формировал собственный мир отношений, который зависел от его партнеров, то есть конкретных лиц, их семейного опыта, родительского воспитания, мировосприятия, характера и т. д. [4, с. 205—208].

Андрей Николаевич отмечает, что монография содержит определенные дискуссионные моменты, но это не отразилось на общем впечатлении от работы, которая является существенным вкладом в исследовании социальной истории, в частности истории повседневности.

Заслуживает внимания рецензия историком В.С. Шандры монографии Л.Ф. Писарьковой «Государственное управление в России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы». В своем отзыве Валентина Степановна пишет: «... ее книга, недавно увидевшая свет, интересна для украинского историка по многим соображениям, и прежде тем, что позволяет достаточно зримо и подробно увидеть устройство того государства, к которому присоединялись удельные украинские земли последней четверти XVIII в., как и тем, что предлагает новые подходы и параметры, по которым следует изучать историю государственного управления» [11, с. 175].

Не менее интересны другие рецензирование работы В.С. Шандры — «Ученые степени в Российской империи XVIII вв. — 1917 г.» ученого А.Е. Иванова и «Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей» под редакцией А.И. Миллера.

В обзоре исследовательница отмечает, что тема монографии А.Е. Иванова относится к малоисследованным проблемам в истории высшего образования в Российской империи. Книга состоит из четырех разделов, каждый из которых посвящен конкретным аспектам системы формирования научных кадров, существовавшей в России. В первом разделе говорится о зарождении научной аттестации, отсутствие которой начала ощущаться сразу после основания российской Академии наук (1724 г.) и открытие Московского университета (1755 г.) [10, с. 135].

Во втором разделе автор проследил основные этапы становления государственной системы научной аттестации кадров в XIX — начале XX вв. Третий раздел книги посвящен освещению проблем подготовки научно-педагогической смены для высшей школы. Исследователь

рассмотрел все виды подготовки ученых, что позволило ему утверждать в 60—70-х гг. в России в основном сформировалась стационарная служба подготовки научно-педагогических кадров, которая опиралась на российские университеты и европейские центры.

В четвертом разделе «Технология научной аттестации» подробно рассмотрены основные аспекты подготовки кандидатских, магистерских и докторских диссертаций, прослежено в ретроспективе требования к научным работам всех уровней, в том числе их специфику в учебных заведениях не университетского типа [10, с. 136].

Валентина Степановна отмечает, что в книге помещены указатели имен и высших учебных заведений. В ней также приводятся иллюстрации нагрудных знаков, которые вручались магистрам и докторам наук, с описанием их цветов и материала изготовления. Также работа А.Е. Иванова является ценной для украинских исследователей по истории образования, науки и культуры.

Как настоящий специалист и ученый в своей сфере, В.С. Шандра на страницах журнала дала отзыв на комплекс книг американского историка Ричарда С. Вортман «Властители и судьи: Развитие правового сознания в императорской России» и «Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т.».

Свое исследование Р.С. Вортман начинает с выяснения специфики абсолютистской монархии в России, когда самодержавие, беря за пример европейское «полицейское» государство, полностью начало брать на себя государственное управление. Автор анализирует изменения, которые произошли в судебной власти начиная от правления Петра I и заканчивая пребыванием на российском престоле Александра II. Также на страницах книги историк обращается и к историческим фигурам, как Г.Р. Державину, В.П. Кочубею, М.М. Сперанском, В.М. Панину.

Рецензент отмечает, что труд Ричарда С. Вортман принадлежит к хорошей научной литературе, но в работе присутствует преувеличение в обращении автора к художественным образам, что может быть обусловлено ограниченной возможностью работать с архивными фондами. Но В.С. Шандра надеется, что книга будет побуждать и украинских исследователей к изучению сложной проблемы судебной власти на территории Украины второй половины XIX в., поскольку запоздалое введение уставов 1864 г. свидетельствовало об определенной ее специфике в имперском правовом поле [13, с. 217].

Другая книга исследователя Ричарда С. Вортман «Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т.» знакомит читателя с проведением церемоний в Российской империи при восхождении царя на престол.

Валентина Степановна в своем отзыве отмечает, что Р. Вортман подробно остановился на изменениях государственных регалий каждым российским монархом и наиболее полно на фигуре Петра, при котором на задний план отошло малоубедительное происхождение династии, зато произошел коренной переворот в символах власти и ее церемониалах [14, с. 207—208].

В рубрике «Критика и библиография» представлена рецензия В.Л. Харитоновой на книгу Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства».

Рецензируемая книга является двухтомным фолиантом с большим количеством статистических вкладок, различных таблиц, широким перечнем литературы. Как было отмечено В. Харитоновым, в книге автор сделал ряд выводов, которые меняют произведенный стереотип в освещении российской истории. Например, важнейший вывод фундаментального порядка заключается в том, как отмечает Б. Миронов, что в социальном, культурном, экономическом и политическом отношении Россия в принципе изменялась в тех же направлениях, что и другие страны Европы.

Интерес критика в монографии также вызвал прогноз Б. Миронова относительно сроков выхода из современного экономического кризиса. Ссылаясь на российский опыт XVIII—XX вв., автор делает вывод о том, что на преодоление кризисной трансформации нужно 20—25 лет, то есть жизни одного поколения. С исторической точки зрения, это небольшой срок, но, с точки зрения людей, которые попали под колесо истории, — достаточно долгий [9, с. 206—207].

Свой отзыв на книгу научно-популярного жанра трех авторов — Р.А. Симонова, А.В. Чернецова и А.А. Турилова «Древнерусская книжность (Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым)» представил на страницах журнала А.П. Толочко.

«Сюжет рецензируемой книги — история научного поиска, начался довольно случайно и поначалу не предвещал ничего неожиданного, а в результате привел к открытию неизвестного имени в истории русской культуры XVI в. — Ивана Рыкова — «русского

Фауста», как называют его авторы, фигуры для того века необычной — математика, астронома, чернокнижника...» — именно такими словами и начинается анализ работы ученым, из которого ясно видно, что работа действительно интересна и основательна [8, с. 128].

В приложениях к книге опубликовано произведения Рыкова, которые авторы считают оригинальными («Легенда о происхождении книги Рафл», «Притча о четырех временах года», «Притча о царе — годе», «Изложение античных мифов») [8, с. 130].

А.П. Толочко в своем обзоре дает положительную оценку работе, которая является важным открытием еще одной страницы русской истории.

Еще одной интересной и одновременно противоречивой странице русской истории — эпохе государственных реформ Петра посвящена монография доктора исторических наук Е.В. Анисимова, отклик на которую написал Виктор Николаевич Горобец.

Виктор Николаевич отмечает, что проблемы, освещенные на страницах рецензируемой книги, неоднократно рассматривались как в отечественной, так и зарубежной историографии. Кроме того, автор работы главное внимание сосредотачивает на личности Петра, а именно Е.В. Анисимов стремится исследовать более или менее полно все реформаторские действия царя. При этом предпочтение отдается прежде исследованию нововведений в области военного производства, ведь именно оно в значительной степени активизировало проведение остальных реформ. Успехи, которые достигли новые вооруженные силы в Северной войне, вызвали в Петра желание провести также реформы гражданского правления [3, с. 149].

Предметную рубрику «Критика и библиография» дополняет также обзор Г.В. Павленком и В.Г. Сарбеем на монографию Л.В. Таран «Историческая мысль Франции и России. 70-е годы XIX — 40-е годы XX вв». Монография посвящена сравнительной характеристике развития французской и русской исторической мысли последнего столетия с точки зрения изучения проблем Французской революции 1789 года. Основное внимание писательница сосредоточила на выяснении какой мере исследования этих проблем способствовало совершенствованию научных принципов историографии в целом, меняло ее парадигмы как во Франции, так и в России.

Г.В. Павленко отмечает, что основное внимание в монографии уделено раскрытию роли и места французской историографии, особенно школы «Анналов», в развитии и обогащении методологических основ исторической мысли. Параллельно в монографии анализируется развитие исторической мысли России и Украины

последнего столетия. И все же ведущее место в работе занимает французская, а не российская историография (с четырех глав три посвящены первой и лишь немного больше главы — второй) [7, с. 138—139].

Зато В.Г. Сарбей после тщательного ознакомления с монографией Л.В. Таран, говорит: «...автор как в постановке вопроса, так и в его аргументации ломится в дверь, уже фактически открытую французскими историками школы «Анналов». Но впоследствии, историк меняет свое мнение, отмечая, что в рецензируемой книге по-новому поставлена проблема кризиса исторической науки как во Франции, так и в Российской империи [7, с. 141].

Одновременно два исторических периода охватывает тема работы В.Д. Козлитина «Российская и украинская эмиграция в Югославию (1919—1945 гг.)», в которой автор освещает разностороннюю жизнь российских и украинских эмигрантов в Югославии.

С.В. Виднянский — рецензент работы акцентирует внимание, прежде всего, на источники исследования. При написании работы автор использовал документы 12 архивов Украины, Российской Федерации, Республики Боснии и Герцеговины, уже опубликованные материалы российских и украинских эмигрантских учреждений и организаций, действовавших в Югославии в 20—30-е гг., периодические издания русских эмигрантов в этой стране, обще эмигрантские русскоязычные периодические издания (более 50 названий), западную и советскую периодику 20—30-х гг. мемуары, общую и специальную литературу.

Структура рецензируемой книги научно обоснованная, отмечается логичностью и внутренней гармоничностью. В ее основу положен проблемно-хронологический принцип. Книга состоит из введения, шести глав (26 параграфов), заключения, примечаний и ссылок, указателя имен [2, с. 146].

Проводя обзор работы, Степан Васильевич подробно останавливается и на характеристике каждого раздела книги. Например, в первой главе — «Изгнание из родины» — автор анализирует факторы и условия массового беженского движения с юга России и Украины в 1919—1920 гг., состав беженцев, прослеживает их путь в Королевство СХС. В четвертом разделе рассматривается религиозно-церковная жизнь беженцев, деятельность основных и общественно-политических сил: объединений монархистов и республиканских демократов, союзов бывших военнослужащих российской армии.

Кроме всего сказанного, С. Виднянский высказывает и некоторые замечания по работе, а именно что книга местами перенасыщена фактическим материалом и чрезмерная детализация заметна в третьем разделе. Но замечания историка не ставят под сомнение высокий уровень всего исследования.

Таким образом, предметные рубрики являются весомыми носителями информации на страницах «Украинского исторического журнала». За время независимости Украины, на страницах журнала, в тематических рубриках было напечатано четырнадцать научных исследований по истории России. Что свидетельствует о том, что интерес украинских исследователей к вопросам истории зарубежных стран и международных отношений, в том числе и русской истории, присутствует, и возможно, в будущем, количество публикаций увеличится новыми научными исследованиями.

Список литературы:

1. Блануца А.В., Ващук Д.П. Рецензія на кн.: Государев двор в истории России XV—XVII столетий: Материалы международной научно-практической конференции. 30.X—01.XI. 2003, Александров. Владимир, 2006. — 366 с. / Андрій Васильович Блануца, Дмитро Петрович Ващук // УІЖ. — 2008. — № 1. — С. 221—223.
2. Віднянський С.В. Рецензія на кн.: Козлитин В.Д. Российская и украинская эмиграция в Югославии (1919—1945 гг.) / В.Д. Козлитин Харьков: Харьковский государственный педуниверситет им. Г.С. Сковороды, 1996. — 476 с. / Степан Васильович Віднянський // УІЖ. — 1997. — № 6. — С. 146—148.
3. Горобець В.М. Рецензія на кн.: Анисимов Е.В. Время Петровских реформ / Е.В. Анисимов. Л.: Лениздат, 1989. — 496 с. / Віктор Миколайович Горобець // УІЖ. — 1992. — № 6. — С. 149—151.
4. Катренко А.М. Рецензія на кн.: Петренко І.М. Шлюбно-сімейні відносини в посвяченному житті мирян Російської держави XVIII ст.: У 2 ч. / І.М. Петренко. Полтава : РВВ ПУЕТ, 2010. — Ч. 1. — 272 с.; Ч. 2. — 305 с. / Андрій Миколайович Катренко // УІЖ. — 2011. — № 3. — С. 204—208.
5. Котляр М.Ф. Рецензія на кн.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пашуто. М. : Наука, 1992. — 400 с. / Микола Федорович Котляр // УІЖ. — 1993. — № 11—12. — С. 151—154.
6. Молчанов В.Б. Рецензія на кн.: Орлик В.М. Податкова політика Російської імперії в Україні в дореформений період: Монографія / В.М. Орлик. Кіровоград : Імекс-ЛТД, 2007. — 631 с. / Володимир Борисович Молчанов // УІЖ. — 2009. — № 4. — С. 214—218.

7. Павленко Г.В., Сарбей В.Г. Рецензія на кн.: Таран Л.В. Историческая мысль Франции и России. 70-е годы XIX — 40-е годы XX вв. / Л.В. Таран. К.: Наукова думка, 1994. — 200 с. / Григорій Васильович Павленко, Віталій Григорович Сарбей // УІЖ. — 1997. — № 2. — С. 137—142.
8. Толочко О.П. Рецензія на кн.: Симонов Р.А., Турилов А.А., Чернецов А.В. Древнерусская книжность (Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым) / Р.А. Симонов, А.А. Турилов, А.В. Чернецов. М.: Изд-во МГАП, 1994. — 168 с. / Олексій Петрович Толочко // УІЖ. — 1997. — № 1. — С. 129—130.
9. Харитонов В.Л. Рецензія на кн.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Том 1(548 с.) и Том 2(566 с.) / Б.Н. Миронов. СПб., 1999 / Володимир Львович Харитонов // УІЖ. — 2005. — № 1. — С. 205—207.
10. Шандра В.С. Рецензія на кн.: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. / А.Е. Иванов. М.: Российская Академия наук, Институт российской истории, 1994. — 198 с. / Валентина Степанівна Шандра // УІЖ. — 1998. — № 5. — С. 135—137.
11. Шандра В.С. Рецензія на кн.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление в России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы / Л.Ф. Писарькова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2007. — 743 с. / Валентина Степанівна Шандра // УІЖ. — 2008. — № 2. — С. 75—180.
12. Шандра В.С. Рецензія на кн.: Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под. ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. — 384 с. / Валентина Степанівна Шандра // УІЖ. — 2005. — № 6. — С. 210—214.
13. Шандра В.С. Рецензія на кн.: Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Р.С. Уортман. М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 520 с. / Валентина Степанівна Шандра // УІЖ. — 2006. — № 1. — С. 213—217.
14. Шандра В.С. Рецензія на кн.: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. — Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / Р.С. Уортман. М.: ОГИ, 2004. — 605 с.; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Р.С. Уортман. М.: ОГИ, 2004. — 796 с. / Валентина Степанівна Шандра // УІЖ. — 2006. — № 2. — С. 206—210.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ ПОЛЕВЫХ СРАЖЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ДРЕВНИХ АССИРИЙЦЕВ

Мочалов Михаил Юрьевич

*преподаватель социально-экономических дисциплин
Самарского техникума железнодорожного транспорта
им. А.А. Буянова — структурного подразделения
ФГБОУ ВПО «СамГУПС»,
г. Самара
E-mail: motchalov79@mail.ru*

ON THE AMOUNT OF ANCIENT ASSYRIANS' OPEN FIELD BATTLES

Mikhail Motchalov

*teacher of socio-economic sciences,
Samara Railway Technical School named after A.A. Buyanov —
the Branch of Samara State Transport University,
Samara*

АННОТАЦИЯ

Цель приведённой работы — дать статистическую оценку военной мощи древних ассирийцев, а именно полевых сражений с их участием. Чтобы прояснить данный вопрос, исследованы источники, а также современная научная литература. Результаты работы, отображённые в таблице, позволяют сделать наглядный вывод о неоднозначности военной послужной древних ассирийцев. Образ непобедимого воинства не всегда коррелирует со списком побед и поражений ассирийской армии.

ABSTRACT

The question of ancient assyrians' open field battles, namely the total amount of them, is one of the blank pages of Assyriology. This article is an attempt to give answer to this question. As a result of thorough source study

combined with statistical approach we witness quite a realistic scene of the assyrian armies' victories (41 instances) and defeats (8 instances) which doesn't always correlate with the image of invincible Ancient Near-Eastern hegemon.

Ключевые слова: полевые сражения; древнеассирийская армия.

Keywords: open field battles; the Assyrian army.

Ассирийская армия в учебной и популярной литературе рисуется как несокрушимая военная машина. Подобное же уважение и страх вызывает она на страницах Библии. Этот колосс, получается, пал как-то неожиданно, и лишь при объединённом натиске мидийцев и вавилонян. Но было ли всё так однозначно? Были ли ассирийцы неотразимы не только в осадном деле, но и в полевых баталиях? Ниже мы попытаемся выяснить, каково соотношение ассирийских викторий к общему списку сражений, данных этими гегемонами древнего Ближневосточья.

Наш отчёт мы начнём со среднеассирийской эпохи, когда на определённом этапе отношения между митаннийским вассалом Аррапхой и соседним Ашшуром переходят в открытый конфликт. Войска ассирийского царя Ашшур-убаллита вторгаются на земли своего восточного соседа. Со складов аррапхского города Нузи распределяется вооружение, из Митанни выделяются в подмогу колесничные войска [15, р. 34—35]. Видимо, вскоре после этих самых приготовлений между ассирийцами и митаннийско-аррапхскими войсками происходит полевое сражение. Отчёт о задействованных там колесничных войсках (58 колесниц левого фланга, 26 колесниц правого фланга) имеется в архиве Нузи. Ни время, ни место битвы нам не известны. Однако в том же документальном массиве содержатся таблички о беззащитных землях и селениях города Турша, опустошаемых ассирийскими контингентами [15, р. 39—48]. Судя по всему, эти бедствия явились как раз следствием победы ассирийцев в отмеченном выше безымянном сражении, произошедшем где-то поблизости. Поэтому, вслед за Мэйдмэном назовём сражение «битвой при Турше». Нузийские архивы косвенно свидетельствуют об ещё одном сражении того же времени — от города Зизза «не вернулось» более сотни человек [15, р. 52—60]. Митаннийцы потеряли как пехотинцев, так и членов колесничных экипажей. Другой документ из Нузи сообщает о двух битвах с участием колесничных войск, состоявшихся у Циллия и Лубти — городишек на востоке Аррапхи [15, р. 73].

Первым документально засвидетельствованным полевым сражением среднеассирийской эпохи является битва при Сугагу на Тигре (между 1317—1308). В вавилонской «Хронике Р» говорится о столкновении вавилонского царя Куригалзу II с ассирийским царём Адад-нирари: «Он пошёл захватить Адад-нирари, царя Ассирии. Он вступил с ним в битву у Сугага, что на Тигре, и нанёс ему поражение» [20]. Ассирийская версия событий содержится во вступлении стандартной надписи Адад-нирари и говорит об обратном исходе дела: «Адад-нирари, ... внук Энлиль-нирари ..., который разбил войско касситов...». Как мы видим, ассирийский правитель Энлиль-нирари разбил кассито-вавилонские войска Куригалзу. Думается, стоит говорить всё же о победе ассирийцев, и во главе именно с Энлиль-нирари, а в вавилонской хронике вместо Энлиль-нирари в битве у Сугагу ошибочно фигурирует его внук Адад-нирари. Так или иначе, но однозначно судить о победе Ассирии в этом сражении не стоит. Информация среднеассирийских надписей касательно полевых сражений очень лапидарная. Есть, к примеру, не совсем внятное указание на ещё одно сражение правления Энлиль-нирари — битву при Килизи. Однако, как оно соотносится по времени со сражением при Сугагу, не совсем понятно. Не ясно, к тому же, состоялось ли в итоге сражение или нет. Понятно одно — конфронтация при Килизи имела место в правление Энлиль-нирари.

1308—1296. Сын Энлиль-нирари, Арик-ден-или I, тоже имел опыт полевых сражений. В так называемой «Хронике Арик-ден-или» сообщается о победе ассирийского царя над неким неизвестным нам противником: «... В это время он со своими девятью колесницами пересёк нижний [...]. Он убил шестьсот человек Хи [...]». Далее говорится о последующих кампаниях, где повествуется, видимо, об очередной победе в сражении: «... из Халахху... [...] он опустошил. Он убил 254,000 человек. Он нанёс им поражение».

1295—1282 — Адад-нирари I при Угарсаллу одержал победу над царём Вавилонии Назимарутташем.

1263—1234 — Салманасар I при городе Нихрийя разбил хеттов [5: с. 5—8; 11: р. 317].

1186—1182 — Энлиль-кудурри-уцур был разбит вавилонянами.

1133—1125 — Ашшур-реш-иши, если верить хронике его имени, наносил поражения своим противникам. Иногда, как в случае с вавилонским царём Нинуртой-надин-шуми у Арбелы, дело вообще до полномасштабной сечи не доходило — тот попросту бежал от ассирийской армии: «... В тот год Ашшур-реш-иши, царь Ассирии, собрал своих воинов и свои колесницы и двинулся на Арбелу.

Нинурта-надин-шуми, царь Кардуниаша, услышал о приближении Ашшур-реш-иши, царя Ассирии. Он [велел вернуться] своим войскам. Армия и царь Кардуниаша спаслись бегством». Очевидно, неожиданно быстрое продвижение ассирийцев привело к отступлению вавилонян. Затем ассирийскому царю удалось разбить и рассеять объединённое войско арамеев. Наконец, у крепости Иди он остановил продвижение войска Навуходоносора I. В плен было захвачено 40 колесниц и вавилонский генерал [19: 2. А 8—13].

Ок. 1114 — В начале своего правления, в стране Куммух (Коммагена) Тиглатпаласар I разбил объединённое войско мушков. Позже у Гурмарриту, на Нижнем Забе, побеждено вавилонское войско царя Мардук-надин-аххе. Победу ассирийцы одержали со второй попытки [19: 2. А 14—17].

911—891 — Адад-нерари II нанёс поражение вавилонянам у горы Йялман [19: 3. А 2—8]. Позже он ещё раз разбил их войско [19: 3. А 10—11].

882 — У г. Кинабу Ашшурнацирапал II победил войско страны Нирбу [9: I. 101]. 881 — В сражении у крепости Бабите ассирийцы разбили войско Нур-Адада, правителя замуанской области Дагара. Уничтожено 1460 вражеских бойцов [9: II. 24—29]. 879 — У г. Матиату (совр. Мидият) ассирийский царь вступает в упорное сражение с наирийцами. Из всех битв, данных Ашшурнацирапалом II в землях Наири, это было одним из самых кровопролитных — polegло 2800 вражеских воинов. 878 — В земле Сухи, на среднем Евфрате, Ашшурнацирапал подверг осаде укреплённый город Зуру. Его защитники во главе с правителем Садуду и при поддержке союзного вавилонского контингента решили дать сражение ассирийцам — последовала упорная двухдневная сеча [9: 3. 18]. В конечном счёте, войскам Ашшурнацирапала удалось прижать противника к Евфрату, и Садуду с оставшимися воинами, дабы спастись, попрыгали в реку. Город был взят. Снова 878 г. — властители земель Сухи восстали, объединили силы и смогли собрать довольно приличное войско — не менее 6—6,5 тыс. воинов, включая колесничные войска. Где-то у городка Хариди, в области Лакаи, они схлестнулись с ассирийцами в очередном кровавом сражении. Ассирийцам удалось достичь превосходства, и царские анналы сообщают о 6,5 тыс. убитых воинов противника [9: 3. 34—36]. В том же 878 г. у городка Кипина ассирийцам удалось разгромить войско арамейского царька Азиэля и уничтожить 1000 его воинов. Сам Азиэль бежал в близлежащие горы Бисуру.

856 — Салманасар III, сын Ашшурнацирапала, разбил царя урартов Араму.

853 — Решающее сражение, своего рода «битва народов», произошло при городе Каркаре на реке Оронт в 853 (855) году. Подробности этой грандиозной битвы нам неизвестны. Салманасар III заявил в анналах о своей победе и об уничтожении 20,5 тысяч воинов врага [10: D. 64—66]. Но то ли победа эта была не такой уж полной, то ли ассирийцы и сами понесли тяжёлые потери, но Салманасар вынужден был остановить своё продвижение на запад. В 841 г. он собирает огромную армию, и с этой силой обрушивается на Дамаск. Дамасские войска были разбиты, но сам город устоял. 832 — ассирийский полководец Дайан-Ашшур совершает поход на север. Между ассирийцами и урартами состоялось сражение, которое не принесло решающего успеха ни одной из сторон [10: D. 141—146].

823—811 — Шамши-Адад V разбил вавилонян Мардук-балассу-икби [19: 3. С. 7—9].

780 — Салманасар IV отправляет против урартского царя Аргишти I армию во главе с полководцем Шамши-илу. Стороны встретились на северных границах Ассирии, в районе современного Дехока, у древнего перевала Андарутта. Сражение, по словам самого Шамши-илу, окончилось победой ассирийцев. Впрочем, оно не принесло им весомого успеха. Ассирийский туртан не упоминает об убитых и пленных урартах. Очевидно, для последних полным разгромом эта сеча не обернулась — они сумели ретироваться. По крайней мере, Шамши-илу им не препятствовал. Это версия победителей. А что же побеждённые? В своей Хорхорской надписи Аргишти о данном неудачном для него сражении умалчивает. Зато в следующем году он, согласно летописи, «отбросил Ассирию».

753 — Урартский царь Сардури сумел разгромить ассирийскую армию царя Ашшур-нерари V.

743 — Войско Тиглатпаласара III в полевом сражении в стране Куммуху (между её округами Киштаном и Халпи) наголову разбило коалиционное войско во главе с урартским царём Сардури, владыкой Мелида Сулумалом, гургумским царьком Гархуларой. Ассирийцы захватили походный лагерь противника. Позже в том же 743 г. войско Тиглатпаласара нанесло поражение Сардури в сражении у Турушпы, урартской столицы [17: 49]. 733 — В полевом сражении у Дамаска Тиглатпаласар III разбил войско царя Рецина (асс. Рахиану) [17: 20]. В том же 733 г. у горы Сакурри войска Тиглатпаласара III нанесли поражение арабской царице Самси, в войске которой было 9400 человек; был захвачен её лагерь [17: 42, 44].

721 — Войско Саргона II, подошедшее защитить город Дер от эламо-халдейского захвата, было разбито эламитами Хумбаникаша [6: с. 206]. Однако в том же 720 г. одержана победа Саргона над войсками правителя Газы Ганнона и союзным египетским контингентом в битве у Рафии. Ганнон и египетский генерал захвачены в плен. 714 — Широко известная победа Саргона над Русой Урартским и Метати Зикертийским в битве при горе Уауш. 710 — Мардук-апла-иддин разбит ассирийцами на юге Вавилонии.

702 — Победа Синаххериба над эламо-халдейскими войсками в битве при городе Киш. 701 — Сражение при Альтакку. Синаххериб разгромил египетско-экронские войска. В данном случае жители Экрона призвали на помощь «Царей Египта, лучников, колесничих, конников царя Эфиопии». Как утверждает Синаххериб, «...могуществом Ашшура, моего владыки, я сразился с ними и нанёс им поражение. Колесничих и воинов царя египетского и колесничих царя эфиопского живьём в разгаре сражения захватили руки мои». 693 — Коалиционные войска Нергал-ушезиба и эламитов разбиты у Ниппура.

691 — У города Халулэ, на берегу р. Тигр, эламита Хумбаниммены и вавилоняне Мушезиб-Мардука первыми начали наступление, но были контратакованы «по флангу и по фронту», остановили своё продвижение и были окружены. В то же время, Вавилонская хроника утверждает, что ассирийцы отступили перед коалицией. Как бы там ни было, ясно одно — сражение было упорным; мятежники может и были разбиты, но и Синаххериб понёс столь тяжёлые потери, что не смог в полной мере воспользоваться плодами своей победы — только в 689 г., после смерти эламского царя, ему удалось справиться с Мушезиб-Мардуком.

679 — Войско Асархаддона разбило киммерийцев у т. н. Киликийских ворот. 671 — В результате сражения (или, скорее, ряда боёв) фараон Тахарка отброшен от Мемфиса.

667 — Во время первой египетской кампании, в районе Карбанити ассирийцы Ашшурбанапала разбили египетско-эфиопские войска фараона Тахарки. Сам Тахарка пребывал в Мемфисе, войска возглавлял его военачальник [16: VI 63, с. 70—79]. Позже в 667 г. фараон Танутамон у стен Мемфиса наносит поражение оставленному там ассирийскому гарнизону и захватывает город.

660—659 — Экспедиционная армия под командованием военачальника Набу-шарру-уцура перешла горы Загроса и раскинула походный лагерь, но ночью подверглась нападению войск маннейского царя Ахшери. Однако ассирийские бойцы не сплеховали и в последовавшей сече разбили противника [16: VIII 30]. Истребив

полевую армию противника, Набу-шарру-уцур прошёлся без особых забот по всей Манне. 655 — Широко известная победа ассирийцев Ашшурбанапала над эламитами и их союзниками у городка Туллиз, на берегу реки Улай. 652 — У Вавилона армии Ашшурбанапала удалось взять верх над войском его восставшего брата Шамаш-шумукина. Разбитый противник укрылся за стенами города. В том же 652 г. у Дера вавилонское войско разбито ассирийцами во второй раз.

625 — мидийцы царя Фраорта были разбиты на пути к центру Ассирии [3].

626, 12 день ташриту — Ассирийцы потерпели поражение от вавилонян (и халдеев), вышедших защищать Вавилон. 624, 9 августа — Син-шар-ишкун у канала Баниту не смог нанести поражение вавилонским войскам Набопаласара. 616, 12 день абу (24 июля) — Ассирийцы и союзные им маннеи разбиты у города Габлину. В том же 616 г, в месяце улулу, во втором сражении у Габлину ассирийско-египетское войско, пытавшееся нанести поражение Набопаласару, так и не одолело его, и вернулось в Ассирию. В конце 616 г, в месяце аддару, ассирийцы разбиты вавилонянами у местечка Мадану и отброшены до Малого Заба.

Итак, общий реестр данных ассирийцами сражений следующий: из имеющихся в нашем распоряжении 59 свидетельств 41 относятся к победам ассирийского войска, 10 можно причислить к «ничьим» и событиям неясного характера, а 8 — к поражениям. Отмеченные факты не позволяют говорить об ассирийской армии, при всех её многочисленных победах, как о непобедимой. Ассирийцы проигрывали полевые сражения. Многочисленные противники Ассирии знали об этом. Местные властные элиты верили, что, при умелой подготовке, агрессии войск Ашшура можно дать отповедь. Пожалуй, это понимание было одним из тех стимулов, что возбуждали и воодушевляли систематические антиассирийские восстания на беспокойной периферии Империи — от средиземноморских берегов до гор Ирана.

Таблица 1.

**Полевые сражения ассирийцев
(средне- и новоассирийский периоды)**

Правитель, военачальник	Дата	Место	Результаты	Источники, литература
Ашшур-убаллит I	1350-е — 1340-е гг.	Турша	победа ассирийцев	Maidman. Nuzi texts ... P. 34—48.
		Зизза	- « » -	Ibid. P. 52—60.
		Циллийя	- « » -	Ibid. P.73
		Лубти	- « » -	Ibid.
Эллиль-нерари	между 1317 и 1308	Сугагу на Тигре	Оспариваемая победа (Ассирия или Вавилония ?)	Я открою тебе сокровенное слово... С. 250. ABC-21. Col.1, A 19—23. Сравн.: ABC-22. Col.3, 20—22.
		Килизи	?	СМ-11
Арик-ден-или I	между 1308 и 1295	?	Победа ассирийцев	СМ-12. 19—26
		Халахху ?	- « » -	Ibid. 28-34
Адад-нерари I	между 1295 и 1282	Кар-Ишгар, Угарсаллу	- « » -	Сартс. Вавилоняне. С.158. ABC-21. Col.1, C 24—27.
Салманасар I	между 1263 и 1234	Нихрийя, к северу от Тигра	Хетты разбиты	Bryce T.R. The Kingdom of The Hittites. P.317. ВДИ, 2008, № 2. С. 5—8.
Эллиль-кудурри-уцур	между 1186 и 1182	?	Ассирийцы разбиты	ABC-21. Col.2, B3-B8. Chronicle 25, 3—5.
Ашшур-реш-иши	между 1130 и 1125	у Арбелы	Вавилонские войска потерпели поражение	СМ14. Сартс. Вавилоняне. С. 166.
	между 1133 и 1125	?	Арамеи разбиты и рассеяны	Сартс. Вавилоняне. С. 171.
	между 1125 и 1115	ассир. крепость Иди	Вавилоняне разбиты	ABC-21. Col.2, A 8—13.

Тиглат-папласар I	начало правл-я	страна Куммух	Мушки разбиты	Inscription of Tiglath Pileser I. 5.
	между 1114 и 1076	Гурмарриту, на Ниж. Забе	Вавилоняне разбиты со второго раза	ABC-21. Col.2, A14-A17.
Адад-нерари II	между 911 и 891	у горы Йялман	Вавилоняне разбиты	ABC-21. Col.3, A2-A8. История древнего востока. С. 346
	тогда же	?	Вавилоняне разбиты	ABC-21. Col.3, A10-A11.
Ашшур-нацир- апал II	882	Рядом с г. Кинабу	Войска Нирбу разбиты ассирийцами, но отошли в г. Тэлу	Я открою тебе сокровенное слово... С. 253.
	881	г. Бабите	Войска Заб-ява (Нур-Адада) разбиты	Annals of Assur-Nasir-Pal. (2. 24—2. 29). Babylonian and Assyrian Literature. 1901.
	879	г. Матиату, в Наири	Наирийцы разбиты	Ibid.
	878	Страна Сухи	Войска Сухи (правитель Садуду) и вавилоняне разбиты	Ibid. 3.18
	Тогда же	Страна Сухи, область Лакаи, г. Хариди	Войска Сухи разбиты	Ibid. 3.34—3.36.
	Тогда же	Там же, у города Кишина	Войска Азиэля разбиты	Ibid. 3.39—3.40.
	Тогда же	Там же, у города Кишина	Войска Азиэля разбиты	Ibid. 3.39—3.40.
Салманасар III	856	Урарту	Араму разбит	Black Obelisk. С, 43—44. История древнего востока. С. 350.
	855(853)	г. Каркар на р. Оронт	Ничья	Black Obelisk. D, 59—66. Kelle В.Е. Ancient Israel at War. P. 36.
	840	Дамаск	Войска Газ-ила разбиты,	Black Obelisk. В (base), 97—99.

полководец Дайан-Ашшур	832	Урарту	Ничья	Black Obelisk. C (base), 141—146. История древнего востока. С. 406
Шамши-Адад V	между 823 и 811 гг.	Вавилония	Вавилоняне разбиты	ABC-21. Col.3, C7-C9. История древнего востока. С. 351.
наместник-полководец Шамшиилу	780	Перевал Андарутта, на границе Ассирии и Урарту	Победа ассирийцев	Assyrian Eponym List: 781/780. Надписи Аргишти I, сына Менуа. 127. Стб. II, III. (ВДИ, 1953, № 3).
Ашшурнерари V	753	Урарту	Ассирийцы разбиты	Надписи Сардури II, сына Аргишти. 157. DI. (ВДИ, 1953, № 4). Арутюнян Н.В. Биайнили — Урарту. С. 191
Тиглат-паласар III	743	Страна Куммух	Коалиц. войска разбиты	RINAP. 47: 45-50
	Тогда же	г. Турушпа, Урарту	урарт. войска Сардури разбиты	RINAP. 49.
	733	г. Дамаск	Войско Рецина разбито	RINAP. 20.
	Тогда же	Гора Сакурри	Арабы разбиты	RINAP. 42, 44.
Саргон II	721	у крепости Дер.	Ассирийцы разбиты	ABC-1: I, 33—35.
	720	у Рапиха (Рафии)	Ганон и египтяне разбиты	Records of The Past. Vol. IX. P.5
	714	Урарту, гора Уауш	Руса разбит	Я открою тебе сокровенное слово... С. 256—258.
	710	юг Вавилонии	Мардук-апла-иддин II разбит	CM-17: II, 9—12.

Синаххериб	февраль 702	При Кише	Коалиц. войска разбиты	Sennacherib Prism: I.20—28.
	701	Город Альтакку	Египтяне разбиты	Ibid. II.79-III.5
	693, 7-ой день ташриту	Ниппур	Коалиц. войска разбиты	СМ-17: III, 1—2.
	691	При Халулэ, на Тигре, севернее Вавилона	Видимо, ничья с некоторым перевесом ассирийцев	Sennacherib Prism: V, VI.1-35. Сравн.: СМ- 17: III, 15-18. История древнего востока. С. 366—367.
Асархаддон	679	У «Киликийских ворот» (Шубухну)	Киммерийцы разбиты и остановлены	ABC-14: 12. История древнего востока. С. 384.
	671	У Мемфиса (от Ишупри — до Мемфиса)	В результате сражения (или ряда боёв) Тахарка отброшен от Мемфиса	ABC-14: 28—29. Dan'el Kahn. Taharqa, King of Kush... P. 112.
Ашшурбанипал	668	Нижний Египет, Карбанити	Египтяне разбиты	Piepkorn A.C. Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal. B1, 73—80.
	667(?)	У стен Мемфиса	Ассирийский гарнизон окружён и разгромлен в сражении у стен города	Ibid. B2, 14—16.
	660-659	Манна	Маннеи разбиты	Ibid. B3, 23—30
	655	При Тиль- Туба, у Суз, на р. Улайя	Эламиты разбиты	Ibid. B5 89—97.
	652	У Вавилона	Войска Шамаш-шум- укина разбиты	Ibid.
	652	у Дера	Коалиция разбита	Ibid. B7, 3—35.

Ашур-этель-илани (?)	626, 12 день месяца ташриту	г. Вавилон	Ассирийцам нанесено тяжёлое поражение	Вавилонская хроника// Хрестоматия по истории Древнего Востока: Ч. I. С. 219.
?	625 (?)	На пути к центру Ассирии	Мидийцы разбиты, царь Фраорт убит	Геродот I, 102.
Син-шарра-ишкун	624	канал Баниту	ничья	Вавилонская хроника... С. 220.
	616, 12 день месяца абу	У г. Габлину в с-з. Двуречье	Ассирийцы и союзные им маннеи разбиты	Вавилонская хроника... С. 220.
	616, месяц улулу	Второе сражение у Габлину	Ассиро-егип. войска не смогли разбить Набопаласара	Там же.
	616, месяц аддару	г. Мадану, обл. Аррапха	Ассирийцы разбиты	Там же.
	615	У Ашшура	Ассирийцы преследовали вавилонян до Такритаина. Последняя их победа.	Там же.
	615	У Такритаина	Ассирийцы разбиты	Там же. С. 221.

Список литературы:

1. Арутюнян Н.В. Биайнили-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. — 368 с.
2. Вавилонская хроника// Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие, в 2-х частях. Ч. I//Под ред. М. А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1980. — С. 219—224.
3. Геродот. История в 9 книгах, I.
4. История древнего востока: От ранних государственных образований до древних империй/ Под ред. А.В. Седова; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2004. — 895 с.

5. Немировский А.А. К истории хетто-ассирийских отношений в конце XIII — начале XII вв. до н. э.// ВДИ, 2008, № 2.
6. Саггс Г. Вавилоняне. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. — 256 с.
7. Я открою тебе сокровенное слово. М.: Худож. лит., 1981. — 351 с.
8. Assyrian Eponym List (CM-9). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.livius.org/li-ln/limmu/limmu_1b.html (дата обращения: 17.10.13).
9. Babylonian and Assyrian Literature. 1901. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://mcadams.posc.mu.edu/txt/ah/Assyria/Inscra02.html> (дата обращения: 17.10.13).
10. Black Obelisk of Shalmaneser II. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://mcadams.posc.mu.edu/txt/ah/Assyria/Inscra01.html> (дата обращения: 17.10.13).
11. Bryce T.R. The Kingdom of The Hittites. Oxford, 2005.
12. Great Inscription in the Palace of Khorsabad. 8// Records of The Past. Vol. IX.
13. Kahn D. Taharqa, King of Kush and the Assyrians//JSSEA 31(2004).P. 109—128.
14. Kelle B.E. Ancient Israel at War: 853-586 BC. Osprey Publishing Ltd, 2007.
15. Maidman M.P. Nuzi texts and their uses as historical evidence/ edited by Ann Guinan. Society of Biblical Literature, № 18. Atlanta. 2010.
16. Piepkorn A.C. Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal/ The Oriental Institute of The University of Chikago. Assyriological Studies. № 5.
17. Royal Inscriptions of The Neo-Assyrian Period (RINAP). Vol. 1.
18. Sennacherib Prism. URL: <http://www.utexas.edu/courses/classicalarch/> [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [readings/sennprism.html](http://www.utexas.edu/courses/classicalarch/readings/sennprism.html) (дата обращения: 17.10.13).
19. Synchronistic Chronicle (ABC-21). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/abc21/synchronistic1.html> (дата обращения: 17.10.13).
20. Chronicle P (ABC-22). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/abc22/p.html> (дата обращения: 17.10.13).
21. Walker Chronicle (Chronicle 25). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://livius.org/cg-cm/chronicles/walker/walker.html> (дата обращения: 17.10.13).

4.3. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ИСТОРИЯ ФИЗИОЛОГИИ РАСТЕНИЙ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИНАХ. ВОДНАЯ ТЕОРИЯ ПИТАНИЯ

Барштейн Виктор Юрьевич

*ст. научн. сотр., канд. техн. наук, зав. лабораторией
Институт пищевой биотехнологии и геномики НАН Украины,
г. Киев, Украина*

E-mail: ihbar@rambler.ru

THE HISTORY OF PHYTOMORPHOLOGY IN SPECIAL HISTORICAL DISCIPLINES. THEORY OF WATER SUPPLY

Barshteyn Victor Yu.

*senior Researcher, PhD, Head of the Laboratory
of the Institute of Food Biotechnology and Genomics
of the National Academy of Sciences of Ukraine,
Kyiv, Ukraine*

АННОТАЦИЯ

Цель работы — исследовать и ввести в научный оборот настольные медали, отображающие появление водной теории питания растений. Исследования Яна Баптисты ван Гельмонта, ставшие основой этой теории, Роберта Бойля и Эдма Мариотта проиллюстрированы медалями Бельгии, США и Франции. Водная теория питания растений помогла сделать вывод о питании растения, как процессе его жизнедеятельности.

ABSTRACT

Background — to explore and enter into scientific turn art medals, depicting the appearance of the aquatic theory of plant nutrition. Researches by Jan Baptist van Helmont, which became the basis of this theory, Robert Boyle and Edme Mariotte have been illustrated by art medals of Belgium,

USA and France. Water theory of plant nutrition has helped to conclude plant nutrition, as the course of its life.

Ключевые слова: история фитофизиологии; водная теория питания; медаль.

Keywords: history of phytomorphology; aquatic theory of plant nutrition; medal.

Изучение истории биологии в рамках направления «история науки и техники» должно опираться на весь комплекс исторических источников. Среди них преобладают письменные, однако в последние десятилетия новую функцию, связанную с изучением истории наук [2, с. 77—79], приобретают такие вещественные исторические источники, как объекты, изучаемые специальными историческими дисциплинами (СИД): нумизматикой, филателией и др.

Исследование истории физиологии растений, науки о функциональной активности растительных организмов, с использованием объектов, изучаемых СИД, является актуальным, имеющим научную значимость для исторической науки и современной биологии.

Цель данной работы — исследовать и ввести в научный оборот произведения медальерного искусства (раздел нумизматики), содержащие информацию для изучения истории физиологии растений.

Как и развитие многих научных дисциплин, формирование физиологии растений было вызвано практическими потребностями — обеспечения высоких урожаев. Толчком к физиологическим исследованиям послужило распространение в XVII в. экспериментального метода. Целью первых фитофизиологических исследований стало выяснение механизма питания растений.

Попытку изучения питания растения, предпринятую голландским врачом, химиком, физиологом Яном Баптистой ван Гельмонтом (также: Ян Баптист ван Гельмонт, нидерл. *Jan Baptist van Helmont*, англ. *Jan Baptist van Helmont*, между 1577 и 1580—1644), считают первым экспериментом в области физиологии растений. Он посадил ивовую ветвь весом в 5 фунтов в сосуд с 200 фунтами сухой земли и регулярно поливал дождевой водой. Ветка выросла через пять лет в деревцо весом 164 фунта, однако ван Гельмонт не обнаружил значительной убыли в весе почвы (2 унции). Это позволило ему сделать вывод, что растение обязано своим ростом воде, а не почве [1, с. 71; 3, с. 65]. Исследования ван Гельмонта стали основой так называемой теории водного питания растений.

Портрет ван Гельмонта присутствует на бельгийской медали (57 мм, бронза), посвященной организации Королевской академии медицины Бельгии. На аверсе медали — портрет бельгийского короля Леопольда I (рис. 1). На реверсе (рис. 2), в окружении портретов семи выдающихся бельгийских ученых, врачей (среди которых третий сверху слева — ван Гельмонт) — надпись: «INSTALLÉE LE 26 SEPTEMBRE 1841 NOTHOMB MINISTRE DE L'INTÉRIEUR» (УЧРЕЖДЕНА 26 СЕНТЯБРЯ 1841 МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НОТОМБОМ). По краю медали, снизу надпись: «ACADEMIE ROYALE DE MEDECINE DE BELGIQUE» (КОРОЛЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНЫ БЕЛЬГИИ).

Рисунок 1. Медаль с портретом ван Гельмонта. Бельгия

Рисунок 2. Медаль с портретом Аверс ван Гельмонта. Бельгия. Реверс

Так же, как и ван Гельмонт, считал воду источником роста растений английский физик и химик Роберт Бойль (англ. *Robert Boyle*, 1627—1691). Он сделал такой вывод после эксперимента с выращиванием тыквы (1661). Земля была взвешена, в нее посажено тыквенное семя, регулярно производился полив. По сравнению с весом выращенной тыквы убыль в весе почвы была крайне незначительна [1, с. 71; 3, с. 65].

Бойлю посвящена американская настольная медаль (38 мм, бронза, 1972). На аверсе — Бойль, сидящий в лаборатории в окружении химического оборудования (рис. 3). Под изображением — надпись: «BOYLE» (БОЙЛЬ). В верхней части реверса (рис. 4) — изображения первобытного человека, планеты Юпитер, морского конька, реторты и т.д. Под изображением — надпись в восемь строк: «ROBERT BOYLE / (1627—1691) / MECHANISTIC PHILOSOPHER, / STUDENT OF GASES, / CRITIC OF ELEMENTAL / CONCEPTS. FOUNDER / MEMBER OF THE / ROYAL SOCIETY» (РОБЕРТ БОЙЛЬ (1627—1691) ФИЛОСОФ-МЕХАНИСТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГАЗОВ, КРИТИК КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ, ЧЛЕН-ОСНОВАТЕЛЬ КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА).

Рисунок 3. Медаль, посвященная Роберту Бойлю. США. Аверс

Рисунок 4. Медаль, посвященная Роберту Бойлю. США. Реверс

Французский физик, аббат Эдм Мариотт (фр. *Edme Mariotte*, 1620—1684) считал, что питательные вещества образуются самими растениями в результате протекающих в них химических процессов, аргументируя свое предположение примером произрастания на одном участке разных растений, продуцирующих различные вещества, отсутствующие в почве. Мариотт впервые исследовал процесс транспирации, определив количество выделенной растением влаги.

Портрет Мариотта — на аверсе (рис. 5) французской медали (73 мм, бронза). По краю — надписи: «EDMOND MARIOTTE» и: «DIJON 1620 PARIS 1684». Реверс (рис. 10) — композиция, в правой части которой угадывается Солнце. По краю, внизу надпись: «FONDATEUR DE LA PHYSIQUE EXPERIMENTALE» (ОСНОВАТЕЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФИЗИКИ).

Рисунок 5. Медаль, посвященная Эдму Мариотту. Франция. Аверс

Рисунок 6. Медаль, посвященная Эдму Мариотту. Франция. Реверс

Водная теория питания растений помогла сделать вывод о питании растения, как процессе его жизнедеятельности, а не простом всасывании питательных веществ из почвы.

История появления и развития водной теории питания растений отражена в данной работе в медалях Бельгии, США и Франции. Актуальность, междисциплинарность, научная значимость результатов исследования для исторической науки и биологии состоит, среди прочего, в возможности их использования в процессе обучения на исторических и биологических факультетах высших учебных заведениях.

Список литературы:

1. Базилевская Н.А., Белоконь И.П., Щербакowa А.А. Краткая история ботаники. М: Наука, 1968. — 310 с.
2. Барштейн В.Ю. Новая функция специальных исторических дисциплин // Материалы междунар. заоч. науч. конф. «Исторические исследования». Россия. Уфа. 2012. — С. 76—79.
3. История биологии с древнейших времен до начала XX века / ред. С.Р. Микулинского. М.: Наука, 1972. — 563 с.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ОБ ОДНОЙ НАДПИСИ НА МЕЧЕТИ, ПОСТРОЕННОЙ В XIV ВЕКЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Гулузаде Афэг Али кызы
научный сотрудник Института Археологии и Этнографии НАНА,
г. Баку
E-mail: afag-quluzade@mail.ru

ABOUT THE INSCRIPTION OF THE XIV CENTURY MOSQUE OF AZERBAIJAN

Afag Guluzadeh
scientific researcher Institute of Archaeology and Ethnograph ANAS,
Baku

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена надписи мечети, построенной над зданием древнего святилища в селении Нуснус. Надпись на арабском и персидском языках, выгравированная на двери святилища, была опубликована в 1862 г. русским востоковедом Н.В. Ханыковым. Ученый секретарь ААК В.М. Сысоев 1927 г. опубликовал текст надписи на арабском языке и ее русский перевод с французского, прочитанным Н.В. Ханыковым. В 2001 г. Надпись была издана М.С. Неймат. В статье использованы архивные материалы об этом памятнике, чтение и перевод надписи рассмотрено еще раз.

ABSTRACT

The article is about the inscription of a mosque built in the village of Nusnus on an ancient pir (sacred place). The inscription engraved in the Arabic and Persian languages was published in 1862 by Russian orientalist N.V. Khanikov. The Scientific Secretary of the Archaeological Committee V.M. Sisoyev published the text in Arabic language with its Russian translation that N.V. Khanikov read in 1927. In 2001, it was published by

M.Kh. Nematova. In the article were used the archive materials on this historical monument, reading and translation of the inscription was reviewed once again.

Ключевые слова: Ордубад; мечеть в селении Нуснус; надпись; Н.В. Ханьков; Абу Саид Багадур хан; писец Садр сын Сарима.

Keywords: Ordubad; mosque of Nusnus village; inscription; N.V. Khanikov; Abu Said Bahadur khan; secretary Sadr Sarim oğlu.

Работы по научному исследованию и сбору эпиграфических памятников Нахчыванской Автономной Республики Азербайджана впервые были осуществлены русскими и советскими учеными. Академик Российской Императорской Академии Х.Д. Френ, в 1837 году опубликовал надписи прочитав копии, снятые английским археологом Дж. Делафруа на фризе мавзолея Мумина хатун (XII век, город Нахчыван) [14]. В 50—60-е годы XIX века большую роль в ознакомлении научных кругов европейских стран с эпиграфическими памятниками Нахчывана сыграл русский востоковед Н.В. Ханьков. В 1862 году он опубликовал надпись мечети селения Нуснус Ордубадского района, и она вошла в научный обиход как еще один эпиграфический памятник эпохи господства хулагуида Абу Саид Багадур хана [15].

В деятельности местного отдела, созданного 1925 году в Нахчыване, Обществом Обследования и Изучения Азербайджана важное место заняли выявление эпиграфических памятников и сбор их копий. С этой целью, под руководством ученого секретаря Мирбагира Миргейдарзаде, на территории автономной республики были созданы научные экспедиции. На проведенных в августе-сентябре, ноябре 1926 года на заседаниях отдела были заслушаны отчеты М. Миргейдарзаде о результатах полевых исследовательских работ, проведенных в Ордубадском округе [2, с. 198—201; 3, с. 115—127; 12].

В сентябре 1926 года сотрудник отдела Сейид Сабри в своей статье, опубликованной в местной газете, сообщил о том, что на двери святынища «*Чехелтан*» в селении Нуснус Ордубадского района была обнаружена надпись о постройке здания в 726 году хиджры и на ее четырех краях были выявлены имена четырех халифов — Абуебра, Омара, Османа и Али [10].

Из содержания надписи выясняется, что текст, опубликованный Н.В. Ханьковым под названием «Надпись на мечети Насмус», является надписью, выгравированной на двери святынища. В отчете

Мирбагира Миргейдарзаде более подробно сообщается о селении Нуснус и об обнаруженном здесь святилище. М.Миргейдарзаде отмечает, что «население селения состоит из 174-х домов и здесь проживают 684 человек азербайджанских тюрков (226 мужчин, 204 женщин, 250 детей), в селении имеются три квартала — *Сат*, *Мейдан*, *Ашаги кюча* (Нижняя улица); здесь находится святилище, являющееся одним из исторических памятников селения и на нем построена мечеть. По преданию, появление на этом месте, называемом «*Риджал аль-гаиб*», сорока человек, стало причиной поклонения ему местного населения. Здание святилища, называемое «*Чехелтан*» или «*Челтанан*», двухэтажное. Верхний этаж является мечетью. На первом этаже имеются две комнаты». В отчете М. Миргейдарзаде указывается на то, что длина первой из комнат составляет 8 шагов, ширина — 4 шага, длина второй из комнат составляет 9 шагов, ширина — 6 шагов. Как ему рассказал житель селения Мамедали Аливерди оглы, сюда приносят женщин, которые не имеют детей и помешанных людей, у которых бывают приступы. М. Миргейдарзаде записал в отчете текст о поклонении святилища — *зийаратнаме* — на арабском языке, но не дал его перевода. Он не указывает, на каком материале была сделана эта запись. Как выясняется из терминов в тексте о поклонении написанного Рза ханом Тебризи, предполагается, что здесь захоронен один из святых людей.

Научный секретарь Археологического Комитета Азербайджана В.М. Сысоев в июне 1927 года в своем отчете о командировке в Ордубадский уезд также отмечал, что «Нуснус, будучи мусульманским селением, состоял из 673 человек населения и являлся большим селением городского типа». Он дает описание внутреннего убранства старой, но обновленной мечети, построенной из кирпича в центре села на небольшой площадке. Хотя В.М. Сысоев и отмечает, что «на стене вид михрабом есть черной краской цифра 1335 (1917) и еще пятистрочная надпись», он не говорит о тексте надписи. Он указывает и на то, что на маленьких камнях, поставленных снаружи над дверью и окнами, не каллиграфическим почерком написаны суры из Корана. В.М. Сысоев включил в свой отчет и факт, о котором он узнал в селении — информацию о том, что в 1925 году сюда из Нахчывана приходил пожилой старик и сообщил о надписях на мечети, сделанной 585 лет тому назад. В.М. Сысоев, ссылаясь на статью Н.В. Ханькова под названием «Заметки о мусульманских надписях Кавказа», писал о том, что «у Ханькова имеется надпись из этих мест, он называет ее надписью на мечети селения Насмус».

По мнению В.М. Сысоева, так как в этих местах не было селения с похожим названием, предположительно эта надпись была обнаружена в селении Нуснус. В своем отчете он дает чтение арабоязычной надписи и русский перевод текста с французского языка, указанных в статье Н.В. Ханькова [11, с. 152]. Обычно, надписи отражающие дату постройки мечетей, высекались на камне и закреплялись над их входной дверью или на стенке. Может быть, поэтому В.М. Сысоев предполагал, что опубликованная Н.В. Ханьковым надпись была вырезана на камне; в 1927-ом году, не найдя ее на стене мечети, о которой он рассказывал, пишет, что «надпись, 720 г. хиджры в настоящее время не существует и никто о ней ничего не знает». Но в отчете В.М. Сысоева мы не встречаем информацию о святылище. В начале 1980-х годов, когда мы изучали надписи мечетей села Нуснус, выяснилось, что информации в отчете В.М. Сысоева касаются сельской мечети «Мейдан». Он, скорее всего, не был в святылище Чехелтан, поэтому не увидел надпись, выгравированную на двери.

Известный русский востоковед В.А. Крачковская в своей статье, опубликованной в 1948 году, более подробно высказывает свои мысли об этой надписи. В июле 1940 года, в архиве Всесоюзного Географического Общества она знакомится с альбомом, содержащим надписей из изображений на арабском и персидском языках; на 28-ой странице альбома она встречает транскрипцию этой надписи, взятую В.М. Сысоевым у Н.В. Ханькова, и включенную в свой отчет. В.А. Крачковская отмечает, что в верхней части альбома Н.В. Ханьков дал надписи следующее разъяснение: «Надпись мечети села Насмус Ордубадского уезда (Вананд: название зачеркнуто и заменено)». В.А. Крачковская, изображая оформление надписи, пишет, что «Н.В. Ханьков называет этот текст прекрасной надписью 720 (=1320)-го года — эпохи царствования Абу Саид хана, но и она не соответствует такой характеристике в альбоме», и В.А. Крачковская приходит к мысли, что копия надписи не точно воспроизводит графику оригинала [4, с. 30]. Копии надписи, отмеченной в альбоме под номером 71 на 29-ой странице, В.А. Крачковская включила в свою статью. Но в записи под рисунком, на основании чтения Н.В. Ханьковым, дата памятника указана неправильно — хиджры 720 (=1340)-й год. Н.В. Ханьков, в ноябре 1850-го года, в своем письме в Петербург — востоковеду и нумизмату П.С. Савельеву написал, что ему послали оттиски и снимки надписи мечетей из Ордубада, относящихся к XIV и XVII векам [5, с. 71]. Значит, указанные надписи сам исследователь не видел, он прочитал

и перевел их из оттисков. Что касается графического изображения в альбоме, может быть, он работал с оттиском и поэтому не полностью отразил оригинал. По этой причине дата памятника указана не хиджры 726-ой, а 720-ой год.

Строительную надпись мечети в сел. Нуснус исследовала [7, с. 181—184] и опубликовала [6, с. 63, № 1016; с. 170, илл. 1016] доктор исторических наук М.С. Неймат. По ее мнению, Н.В. Ханыков при чтении надписи допустил четыре ошибок. Но М.С. Неймат при чтении надписи сама была невнимательна. Надо отметить, что в написании текста у каллиграфа наблюдается ошибки.

Мечеть, как выше отмечено, была построена над местом поклонения — святилищем. Двухкомнатное святилище построено на краю глубокого оврага, на широкой площадке. В памяти жителей осталось то, что во второй комнате был захоронен святой человек. По преданию, так как в этом месте исчезли сорок человек, его называют *Гыrx кимсана*, *Чехелтан*, или *Челтанан*. Во дворе святилища находится гробница; говорят, что здесь похоронен смотритель за местом поклонения. По некоторым высказываниям, эта гробница относится к периоду правителя Дагянуса (Даг Юнус) — *Асхаби-кехф*. По верованиям, существующим среди народа о святилище, его дата значительно древнее даты постройки мечети. Подходящее географическое местоположение, на котором находится святилище, создало возможность для построения над ним в XIV веке здания большой мечети. Святилище «*Гыrx кимсана*» (сорок человек) и мечеть несколько раз ремонтировались со стороны жителей селения. В 1983 году нами были обнаружены двадцать надписей, вокруг михраба, двери, окна и на двух широких колоннах, которые поддерживали потолок. Содержанием этих надписей были аяты из сур Корана, молитвы на арабском языке, стихи на персидском и турецком языках, дата ремонта мечети. Здесь находились надписи, связанные с именами имама Али (а.с.) и имама Хусайна (а.с.). В одном из тюркоязычных стихотворений упоминается имя *сайида* высшей степени — *суляляту-с-садам* Мир Гашима. После последнего ремонта в 2007 году эти надписи не остались. По некоторым сведениям, святилище Нуснус является местом поклонения Сайида Хусайна, потомка имама. Упомянутые в зийратнаме такие термины, как *нугаба*, *нуджаба* и пр. являются доказательством того, что это место священно.

Архитекторы А.В. Саламзаде и М. Мамедзаде — почему то относят дату постройки мечети к XVIII—XIX векам. Иллюстрация надписи на двери, также впервые была опубликована в произведении

этих авторов [8, с. 210, рис. 145]. В записи под рисунком двери, данной в «Энциклопедии Нахчыван», указано неправильная информация — «кладбище Джуга Джульфинского района» [13, с. 3]. Строительная надпись мечети, выгравирована в 9 строках на двери второй комнаты святилища, из орехового дерева (ширина 1 м, высота 1,5 м). Текст надписи на арабском, в конце 8-м строке باد مبارك последняя 9-я строка — на персидском языках (см.: рис. 1а и 1 б):

قال النبي عليه السلم المساجد بيوت الله في الارض و هي تضي لاهل السماء كما تضي
النجوم لاهل الارض

الله

لا اله الا الله محمد رسول الله

بنا هذه المسجد في ايام سلطنت پادشاه الله

اسلام ابوسعيد بهادر خان خلد الله ملكه

على يد الكاتب العبد الضعيف المحتاج الي رحمته الله تعالى

صدر بن صارم بن ارسلان بن سنجر بن ايتكين جاتدار اتابكي

كتبه في يوم الاثنين رابع رمضان في سنه سته و عشرين [9] سيعمايه مبارك باد

خداش بيامر زاد كه چون بخواند اين بندهء ضعيف را بدعاى خير و فاتحه مدد كند آمين

В строительных надписях мечетей на территории Нахчыванской Автономной Республики как вступительное слово обычно начинается стихи из Корана и хадисы. В строительной надписи данной мечети, входной текст состоит из хадиса:

قال النبي عليه السلم المساجد بيوت الله في الارض و هي تضي لاهل السماء كما تضي
النجوم

لاهل الارض

Хадис выгравирован на одной строке. Следует отметить, из-за повреждении правой стороны двери в нескольких местах, буквы стерлись. Несмотря на это, они восстанавливаются по их следам. В написании хадиса некоторые слова расположены поверх строки. Основной текст надписи во 2—8 строках изображены крупным почерком. Во второй строке слово الله написано наверху, внутри выступа в виде сводчатой арке. Над этой арке выгравирован узор, который по мнению М. Миргейдарзаде, является сельджукским знаком. Этот орнамент М.С. Неймат называет пальметтой и полумесяцем. Здесь вырезан не полумесяц, а три перекрещивающихся круга и в боковых частях первого круга вырезан двойной элемент, похожий на бараний рог. Каждая из остальных строк обрамлена с боков — с правой и с левой стороны — по 6-ти сводчатой аркой. Эти выступы В.А. Крачковская называет узором — *фестон*. М.С. Неймат считает, что надпись состоит из восьми строк. В «Корпусе», не отмечая точного места надписи, она указывает, что «она написана почерком *сулс* на двери, изготовленного из крепкого

дерева в селении Нуснус Ордубадского района». Она называет узоры обрамляющие восемь строк надписи, рамкой, в одном месте же — кольцом и нечетко объясняет их изображение.

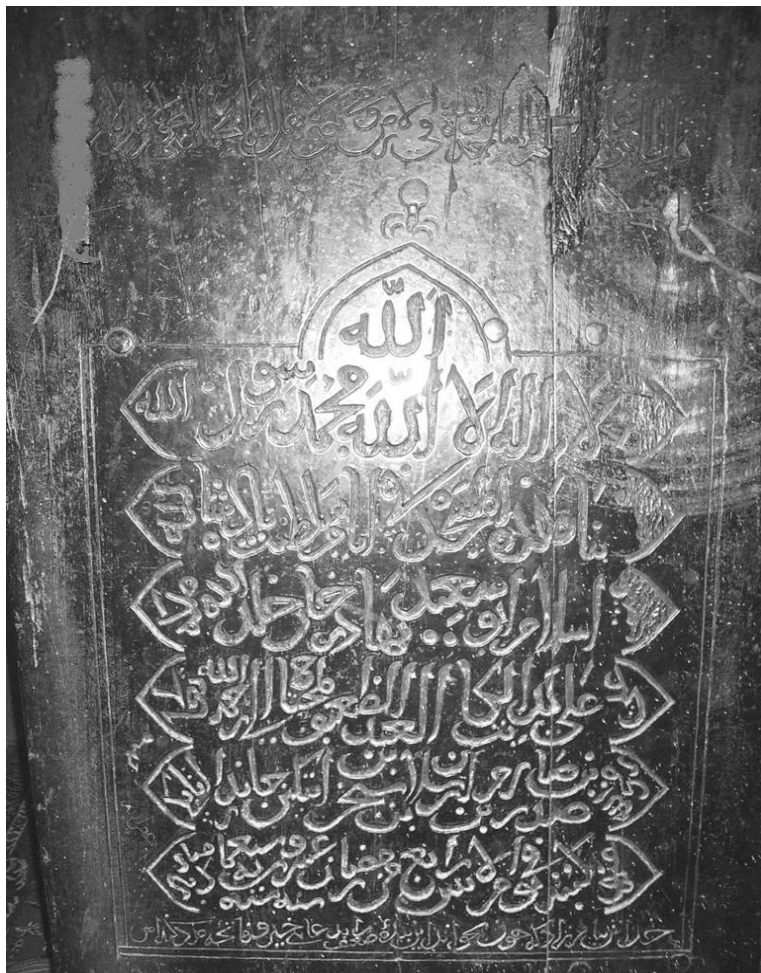

Рисунок 1. а Надпись мечети, выгравированная на двери святилища

М.С. Неймат допустила некоторые неточности в чтении хадиса:
1) В трех местах она указывает на межстрочное разделение; к тому же, это разделение в двух словах было поставлено между двумя слогами;

2) В хадисе после слова قال вырезано слово النبي. В «Альбом»е Н.В. Ханькова правильно написано слово النبي. М.С. Неймат в первом чтении написала النبي [7, с. 181], во втором чтении, несмотря на правильное написание в графическом изображении, данного в «Корпус»е, слово النبي, в тексте она написала الرسول; здесь она после буквы ر поставила межстрочное разделение [6, с. 63, № 1016, с. 170, илл.1016]. Наверху слова النبي изображено слово عليه; из-за повреждения доски, не виден конец буквы ة. Вслед за этим, хотя и были повреждены буквы двух слов, здесь ясно написание слова عليه السلام. В этом маленьком месте мы думаем, что написана только фраза قال النبي عليه السلام, потому что, кроме этих слов наверху не видно ни одной буквы. В первом чтении М.С. Нейматом дано, как правило, конец двух последних слов в скобках, но вместо السلام она написала صل; во втором чтении она добавила сюда و صل الله عليه و سلم и написала صل الله, а переводила не полностью. Здесь на поврежденном месте написание слов صل الله вызывает сомнение. Во всяком случае, этот автор должна была написать предполагаемые ей слова в скобках. 3) В предложении المساجد الارض слово между المساجد و الله вызывают сомнение у М.С. Неймата. Она пишет об этом: «После слова المسجد в 1-ой строке (В тексте надписи она правильно написала слово المساجد) идущую фразу, из-за повреждения доски, определить невозможно. Ханьков прочитал это слово как بيوت. Но в настоящее время в надписи остались буквы و و. Это слово можно прочесть и как [عر]وة (связь)». М.С. Неймат, и во 2-ой раз точно не определила это слово. В действительности же слово بيوت в надписи читается точно. Н.В. Ханьков также прочитал его правильно. М.С. Неймат перевела фразу المساجد و الله في الارض как «Мечеть связь Аллаха с землей». 4) В слове الرسول после буквы ر, в слове سلم после буквы ل и в слове تضي М.С. Неймат ошибочно указала на межстрочное разделение [6, с. 63, № 1016, с. 170, илл.1016]. 5) М.С. Неймат во втором чтении, то есть в этой строке, хотя в графическом изображении это и используется, вместо السماء написала سمي, вместо تضي написала تصي. 6) В начале четвертой строки в надписи после слова بنا не поставлен знак ء, М. Неймат в первом чтении добавила его в надписи. В словосочетании هذا المسجد каллиграф ошибочно написал هذه; М.С. Неймат, не показав в первом чтении ошибку каллиграфа, исправила ее, а во втором чтении она написала هذ. 7) М.С. Неймат ни в первом, ни во втором чтении в тексте надписи на арабском языке в конце четвертой строки после слова پادشاه написала слово الله, находящееся в фестоне. Она отметила,

что и Н.В. Ханыков не прочитал этого слова и пишет, что «очень трудно определить его связь с каким-то другим словом. Оно не связано ни со словом, идущим впереди него, ни со словом, идущим после него». На самом деле, текст надписи ни в коем случае сокращать нельзя. 8) В шестой строке в первом чтении она правильно написала слова *يَدَا عَلِي الْكَاتِبِ*, во второй раз она прочитала это как *الْكَاتِبِ الْمَذْنِبِ*. После слова *الْكَاتِبِ* она добавила знак *ء*, которого нет в надписи. Хотя она и дала перевод слова *الْمَذْنِبِ* как «грешный», но не дает здесь смысл использования слова *الْكَاتِبِ*; в графическом изображении надписи наверху последней буквы *ب* в слове *الْكَاتِبِ* использована какая-то буква, или знак. 9) В восьмой строке слово *سَنَهُ* следующее после слова *سَنَهُ* не было прочитано ни в первый, ни во второй раз, но автор в обоих текстах показывает дату постройки семьсот двадцать шестой год; в первом чтении перед словом *رَمَضَانَ* прочитала *من*, а во втором *في*; 10) В девятой строке, во втором чтении после *هَكَذَا* она написала слово *سُورَهُ*; хотя в надписи перед словом *فَاتَهُ* отсутствует слово *سُورَهُ*, в переводе она написала, как будто, оно там есть.

Как отмечено выше, надписи с правой и с левой стороны обрамляют фестоны. Внутри фестонов с правой стороны сверху вниз выравнены:

أَبُو بَكْرٍ عَمْرٍو عُثْمَانُ عَلِيُّ رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُمَا

Абубекр, Омар, Осман, Али. Да будет Аллах доволен ими.

М.С. Неймат прибавила в начале надписи слова *مُحَمَّدٌ وَرَضِيَ اللَّهُ عَنْهُ*:

مُحَمَّدٌ وَرَضِيَ اللَّهُ عَنْهُمَا أَبُو بَكْرٍ عَمْرٍو عُثْمَانُ عَلِيُّ رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُمَا

Аллах, Мухаммад, Абубекр, Омар, Осман, Али. Да будет Аллах ими доволен.

Здесь М.С. Неймат также совершила невнимательность. Так, в надписи слово *اللَّهُ* во второй строке написано внутри арки, и является первым словом основной догмой исламской религии: *لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ مُحَمَّدٌ رَسُولُ اللَّهِ*. На правой стороне на первом выступе-фестоне сверху написано имя *أَبُو بَكْرٍ*, на четвертом — имя *عَلِي*. Слова на втором и третьем фестонах стерты из-за повреждения дерева. Но следы букв и сообщения в 1926 году С. Сабри указывает на изображение здесь имен *عَمْرٍو* и *عُثْمَانُ*. А на пятом и шестом фестонах, соответственно, написаны *رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُمَا*. Н.В. Ханыков не правильно прочитал слово-*عَنْهَا*, а у М.С. Неймата правильное чтение слово — *عَنْهَا*

Перевод надписи:

«Сказал Пророк: — Да будет мир над ним! — Мечети являются домами Аллаха на земле и как они освещают обитателям неба, так и звезды, освещают население земли.

Аллах!

Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха.

Построена эта мечеть во время царствования падишаха, — поистине принадлежащий исламу — Абу Саида Бахадур хана — да увековечит Аллах его владычество — под руководством слабого раба, нуждающийся в милости всевышнего Аллаха катиба Садр бин Сарим бин Арслан бин Санджар бин Айтекин — джандара (телохранителя) Атабека. Написано, благословенного рамадана, в понедельник, в семьсот двадцать шестом году. Да будет благословенно. Да простит его Аллах, кто прочтет это, да поможет слабому слуге молитвой и Фатихой. Аминь».

Понедельник, рамадан 726 г. хиджры = 1.8.1326, пятница.

В левой части надписи внизу между 1-ым и 2-ым фестоном мелким шрифтом написано (на арабском языке):

عَفَرَ اللهُ

«Да простит Аллах».

Это фраза ускользнула от внимания исследователей. Между вторым и третьим фестоном нечетно читается имя جعفر — Джафар. Возможно, что это имя каллиграфа, или резчика. Старик, который пишет в отчете В.М. Сысоев, пришел из Нахчывана, несомненно, говорил о надписи на двери святыни. Внутри «мечети Мейдан», о которой рассказывал В.М. Сысоев, кроме надписи, написанной красками, на внешней стене здания вставлены маленькие камни с надписями (см.: рисунок 2 и 3).

Надписи, как над дверью мечети «Мейдан», так и на двери святыни и датируемой XIV веком, даны в III томе «Корпуса эпиграфических памятников Азербайджана». Но так как автор «Корпуса» не написал точную информацию о мечетях, предполагается, что все 3 надписи находятся в одной мечети.

Из «Корпуса»: 1) стр. 63, № 1016: Ордубадский район. Село Нус-нус. Надпись вырезана на двери, сделанной из крепкого дерева, почерк — *сулс*; 2) стр. 114, надпись № 1274: Ордубадский р-н. Село Нус-нус. Надпись над входом мечети; 3) стр. 115, надпись № 1276: Ордубадский р-н. Село Нус-нус. Мечеть. Внутри над оконным проемом на гаже имеется надпись, выполненная черной краской почерка *наسخ*; Первая надпись является изображенная на двери святыни, гласит о постройке мечети в 1326 г. х. и опубликованная Н.В. Ханьковым и данная в отчете В.М. Сысоева; вторая надпись на камне, и поставлена над дверью мечети «Мейдан», дана в отчете В.М. Сысоева и посвящена ремонту мечети от 1335-го года; а третья надпись на внутренней стене мечети «Мейдан» и является хвалой, посвященной имаму Хусайну (а.с.). В «Корпусе» автор: 1) не дает

размеры надписи на двери и ее иллюстрации; не дает информацию о том, на каком языке была надпись (на персидском или арабском).

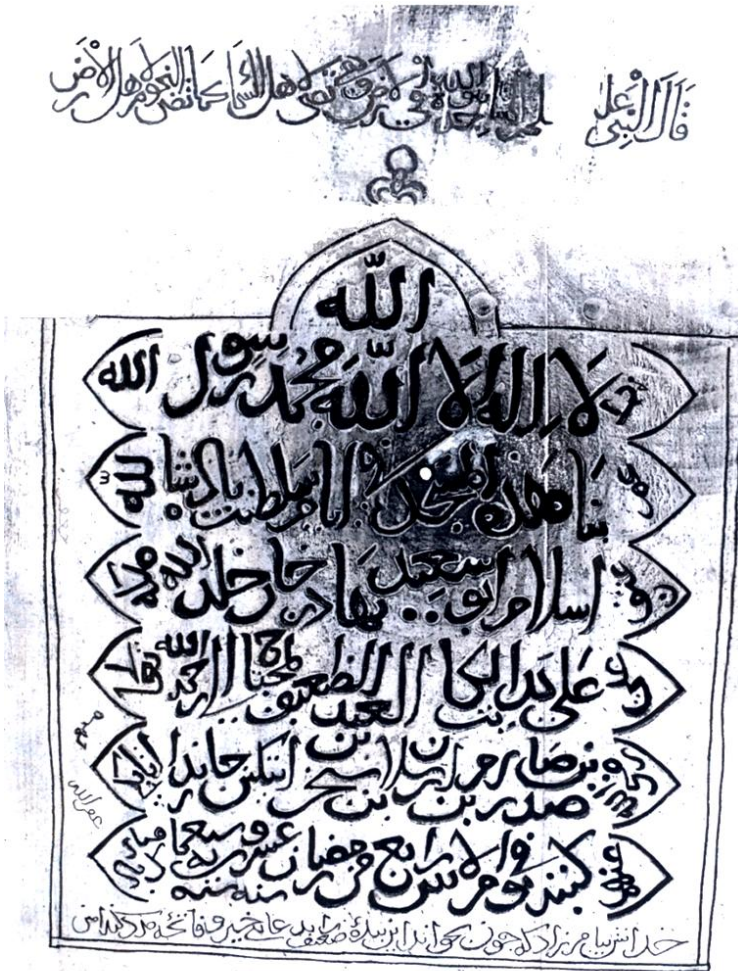

Рисунок 1. В

Рисунок 2. Надписи на мечети «Мейдан»

Рисунок 3. Надписи на мечети «Мейдан»

Об ошибках в чтении и переводе надписи говорилось выше; 2) не дает информацию о размере надписи под номером 1274, фото, графическое изображение, о типе материала; наряду с этим, не говорит о других надписях; обходит молчанием над фактом дачи информации об этих надписях В.М. Сысовым. Не соблюдена хронологическая последовательность в подаче надписи; 3) Надпись над окном внутри

мечети «Мейдан», написанная на гаже дана в кандидатской диссертации, написанной в 1987 году Ф. Сафаровым [9]. Автор «Корпуса» не отмечает этот факт. Как стало ясно из надписи, руководил строительством мечети Садр бин (сын) Сарим. Но М.С. Неймат, ошибочно приняв личное имя как титул, пишет: «Садр является у Ширваншахов религиозным званием. Эти садры (*садр аль-муаззам или садр аль-мохтарам*) были третьим лицом в государстве... В надписи имя садра не упоминается. Возможно, он был знаменитой личностью и поэтому его имя не написано» [6, с. 24]. (В то время Нахчыван входил в состав государства Хулагуидов, а не государству Ширваншахов!) Видимо, по мнению М.С. Неймата, Садр сын Сарима — катиб, писавший родословную своего рода, хотел ставить свое имя перед будущими поколениями в форме дилеммы. О прочих терминах, отмеченных в надписи, в 1997 году была опубликована статья [1, с. 37—40].

Список литературы:

1. Гулиева А.А. О термине «джандар» в надписи мечети в селении Нуснус //К проблемам истории, археологии и этнографии Азербайджана. Баку: 1997. — С. 37—40.
2. Гулузаде А.А. Об организации Нахчыванского отдела Общества обследования и изучения Азербайджана. История и ее проблемы. Бакинский Государственный Университет. Баку: 2012. № 2 (на азерб. языке).
3. Гулузаде А.А. Роль Нахчыванского отдела Общества обследования и изучения Азербайджана и Нахчыванского Государственного исторического музея в собирании эпиграфического наследия // Археология Азербайджана. Т. 13, Баку: Университет «Хазар», — 2010, — № 2. — С. 198—201.
4. Крачковская В.А. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике. //Эпиграфика Востока. М.-Л., — 1948, — т. II. — 118 с.
5. Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков — востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. — 276 с.
6. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана (Арабо-персо-тюркоязычные надписи Нахчыванской Автономной Республики (XII век — начало XX века). Т. III (с иллюстр.). Баку: Элм, 2001. — 216 с.
7. Нейматова М.С. Эпиграфические памятники и их значения для изучения социально-экономической истории Азербайджана (XIV—XIX вв.). Докт. дисс..., Научный архив Института истории НАНА, инв. № 6639. Часть 1. Баку: 1968. — 310 с.
8. Саламзаде А.В., Мамедзаде К.М. Памятники Нахичеванской школы Азербайджанского зодчества. Баку: Элм, 1985. — 266 с.

9. Сафаров Ф.Я. Эпиграфические памятники Нахичеванской АССР (XVI-XIX вв.) как исторический источник. Баку: Научный архив ИИ НАНА. Инв. — № 29, — 1987. — 155 с.
10. Сейид Сабри. Старинные памятники в Ордубадском уезде.// Газ. «Шарк капысы (Ворота Востока)». — 15 сент. 1926. — № 27 (165) (на азерб. языке).
11. Сысоев В.М. Нахичеванский край (Нах.ССР). (Отчет о поездке летом 1927 г.) II Ордубадский уезд. 7. Нус-нус // Известия Азкомстариса. — 1929. — вып. 4, тетр. 2. — 311 с.
12. Центральный Государственный Архив Нахчыванской АР. Ф. 1, оп. 1, д. 13.
13. Энциклопедия Нахчывана. Баку: Азернешр, 2002. — 594 с.
14. Fraehn Ch. M. Üeber zway inschriften in Nachitschewan Bull. Se. Stp. t.II, 1837. — С. 14—16.
15. Khanikoff N.V. Memorie sur les inscriptions musulmanes du Caucase. //Journal Asiatique. Vol. Y, t.XX, Paris, 1862. — 146—147.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XXX международной научно-практической конференции

№ 10 (30)
Октябрь 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 12.11.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,25. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3